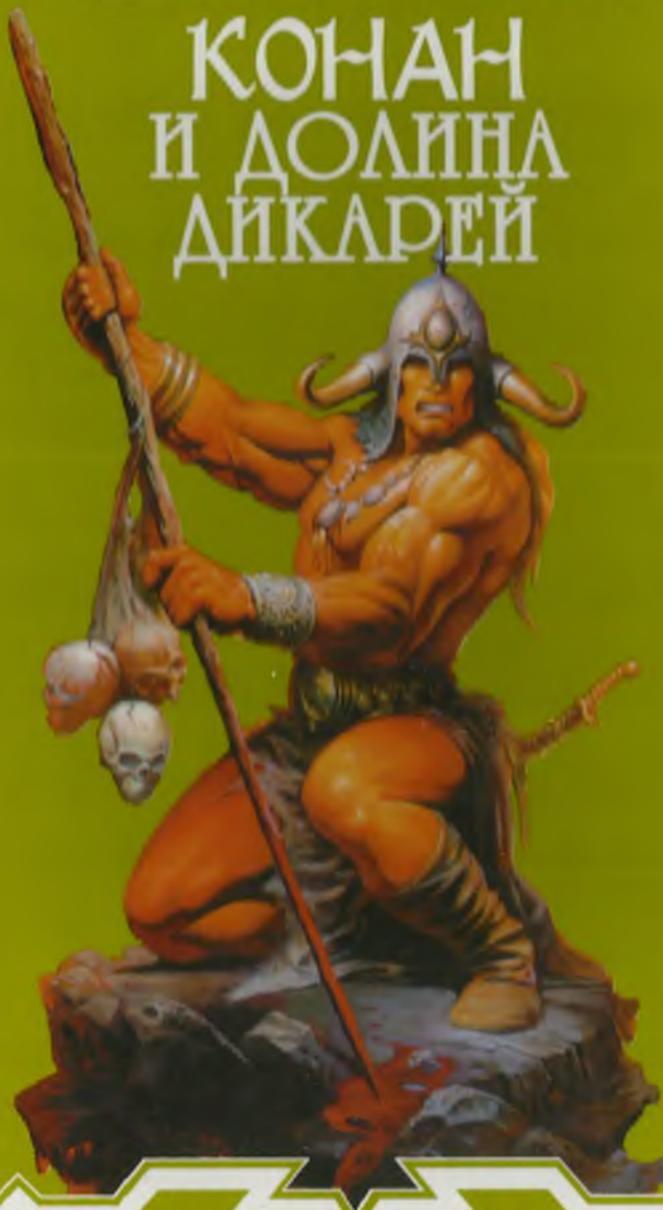

КОНАН И ДОЛИНА ДИКАРЕЙ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН и четыре стихии	1	КОНАН и боги тьмы	2	КОНАН и меч колдуна	3	КОНАН просает вызов	4	КОНАН и повелитель глебов	5	КОНАН и песня снегов	6	КОНАН и невесная секира	7	КОНАН на дороге королей	8	КОНАН принимает вой	9
КОНАН и калусы богов	10	КОНАН и дар митры	11	КОНАН и ночные клиники	12	КОНАН и трот дайомы	13	КОНАН из зеркала грядущего	14	КОНАН и кремя жалящая стрела	15	КОНАН и псы борины	16	КОНАН и атласман зла	17	КОНАН и бич нерада	18
КОНАН и город погибших душ	19	КОНАН и историк судеб	20	КОНАН и сераце аримана	21	КОНАН и барховое око	22	КОНАН и прораки проплаты	23	КОНАН и воинство мирaka	24	КОНАН варвар из киммерии	25	КОНАН и рыжий истрев	26	КОНАН и плавающий белый	27
КОНАН и заговор тений	28	КОНАН и колыбель крома	29	КОНАН и врата ветности	30	КОНАН и камазими лабиринт	31	КОНАН и раскручен шадо	32	КОНАН и чаша бессмертия	33	КОНАН и ледяной страж	34	КОНАН и торнцы грезами	35	КОНАН и латарь победы	36
КОНАН и битва бессмертных	37	КОНАН и покоритель плости	38	КОНАН и берег проклятых	39	КОНАН и оковы безмолвия	40	КОНАН и наладчика небес	41	КОНАН и дерево миров	42	КОНАН и камоjo власти	43	КОНАН излов древних	44	КОНАН и пророк пьмы	45
КОНАН и гнев сета	46	КОНАН и храм ночи	47	КОНАН и король воров	48	КОНАН и подземный огонь	49	КОНАН и матер четыре	50	КОНАН и кагиро змеи	51	КОНАН и хозяин океана	52	КОНАН и корона мира	53	КОНАН и посланник света	54
КОНАН и сущее зло	55	КОНАН и избы шадизара	56	КОНАН и склон хаоса	57	КОНАН и жрец тарима	58	КОНАН и солнце тикти	59	КОНАН и повелитель молний	60	КОНАН и тигры хайнории	61	КОНАН и всадники бури	62	КОНАН и сила исполнена	63

КОНАН И ДОЛИНА ДИКАРЕЙ

act

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург • 2006

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
К64

Серия «Конан» основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использованы
фрагменты работы Ken Kelly*

Подписано в печать 12.10.05. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 7 000 экз. Заказ № 516.

Конан и долина дикарей : [сборник] — М.: АСТ;
К64 СПб.: Северо-Запад Пресс, 2006. — 408, [8] с. — (Конан).

ISBN 5-17-034093-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-266-1 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киммериец скитается по свету в поисках приключений. Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами от Венеции до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей Хайбории, спасая невиновных и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 2006
© С. Шипкин, оборт, 2006
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2006

Долина дикарей

ебо накрывало Карпашские горы, словно перевернутая хрустальная чаша. Иные называют небо чеканной чашей, ибо оно сияет совершеннейшими созвездиями. Но небо прозрачно, как же можно что-то по нему чеканить? Иногда небо принимается за воздух, где рождаются ветры и облака, бури и вихри. Но воздух на самом деле находится внутри неба. А еще в небе летают птицы, поэтому часто говорят «крылатое небо». Но это уже чистая поэзия. Крылья для влюбленных в ночь и песни.

Гизелла, шадизарская принцесса, прекраснейшее создание, возлежала в покачивающемся паланкине на шелковых подушках, глядя вверх сквозь окно из прозрачного шелка. В одной руке у нее был кхитайский веер, подаренный послом Фуанчи, который пробыл при дворе отца три года и только месяц назад отправился обратно на

родину. На веере были изображены цветы и птицы. Ни таких цветов, ни таких птиц в живую Гизелла никогда не видела. В другой руке у нее была книга из пальмовых листьев, пахнущая вендинскими благовониями. Она не могла прочитать из этой книги ни строчки, она не знала ни букв, ни слов на языке, которым была написана книга, но ей было приятно держать в руках редкую и дорогую вещь.

Грудь Гизеллы медленно вздымалась и опускалась, вдыхая воздух, насыщенный ароматами сандала, мускуса и амбры. Принцесса возвращалась в Шадизар из храма Вина и Крови. Она совершила все положенные по сезону обряды, принесла все жертвы, произнесла все молитвы, и ни разу нигде не ошиблась. Она была очень довольна собой. Теперь никто не скажет, что она отлынивает от государственных обязанностей, не появляясь на приемах и не участвуя в торжествах. Ибо она совершила дальнее паломничество в горный храм! А это в семье считалось обременительной обязанностью.

Гизелла была не первая и не последняя в роду — у нее имелось двенадцать братьев и сестер. И нельзя было сказать, что они все жили душа в душу. В семьях такое вообще редко бывает, в больших — особенно редко, а в царских — никогда. Братья и сестры любили злословить, остирили друг о друге, говоря глупости и пошлости, собираясь в тесные кружки и проходясь по всем, кого в настоящий момент с ними не было. И чаще всех злословили по поводу Гизеллы, потому что

она была не такой, как другие. И потому что совсем не принимала участия в общих забавах и не сочиняла о родственниках небылицы.

Путь от храма Вина и Крови до Шадизара не близок. Горная дорога сначала вьется по склону, потом входит в ущелье, а потом вливается в проложенную древними мостовой, ведущую прямо к вратам столицы. С одной стороны мостовой имеется стена, будто специально построенная для того, чтобы устраивать засады. Наверное, она имела смысл, как защитное сооружение, когда была гораздо выше, но по прошествии множества веков утратила его.

Гизелла слышала смех служанок, Мариссы и Хлои. Марисса — статная, с длинными русыми волосами и полными губами цвета вишни. Хлоя — чересчур худая, с тонким носом, нависающим над губами, и волосами, черными как смоль. Они умудрялись смеяться надо всем, что видели, а так же и над тем, чего не могли видеть. Они находили повод для смеха в чем угодно. Это было удивительно. Гизелла не понимала, откуда у них такое всеобъемлющее чувство юмора.

Она думала, что плохо относится к ним. Слишком редко наказывает, а от этого, как известно, большинство рабов и слуг портятся. Они должны чувствовать хозяина, но редко кто из них, может почувствовать его по иному, кроме как через телесное наказание.

Тело должно страдать, чтобы душа возвышалась. По крайней мере, тело черни, ибо чернь не ведает мучений разума.

Гизелла приоткрыла занавеску и осторожно выглянула наружу, ища глазами лица служанок. Но они заметили ее первыми — и, конечно, засмеялись.

Гизелла смущалась. И едва не позабыла, что собиралась сказать.

— Марисса! — строгим голосом произнесла она, пытаясь вновь собрать воедино ускользнувшую фразу.

— Да, госпожа! — звонко отозвалась Марисса, подбегая к принцессе и заглядывая ей в лицо.

— Марисса, мне кажется, ты забыла, кто твоя госпожа. Забыла, кому ты принадлежишь душой и телом.

— Нет, нет, госпожа Гизелла! — взволнованно и резко воскликнула Марисса. — Я целиком и полностью принадлежу тебе! Как же я могла это забыть!

— А я думаю, что забыла, — твердо произнесла Гизелла. — С тех самых пор, как мы покинули храм, это великое священное место, ты даже не приблизилась ко мне, не узнала, хочу ли я чего-нибудь, удобно ли мне путешествовать. Ты заботишься только о себе, мелешь попусту языком, сеешь кругом глупость. А до меня тебе нет никакого дела!

— Госпожа, но я всегда рядом... — слабо возразила Марисса.

Гизелла недобро ухмыльнулась.

— И ты еще споришь со мной? Когда мы приедем в Шадизар, попроси палача, чтобы он выдал твоему телу двадцать плетей. И не взду-

Май отлынивать от урока! Он тебе совершенно необходим.

Марисса изменилась в лице. Словно вечерняя тень упала на него. Глаза служанки потускнели, а полные губы дрогнули от обиды.

Улыбнувшись, Гизелла удовлетворенно откинулась на подушки. Она надеялась, что теперь у Мариссы пропадет чувство юмора. По крайней мере, на несколько дней.

Марисса вернулась к Хлое. Они замолчали. Марисса размышляла о предстоящем уроке, а Хлоя думала, что ее тоже ждет подобная участь, ведь она вела себя точно так же, как подруга. Обе стали грустные и задумчивые, и больше волновались не о том, что вокруг, а о своих ягодицах.

Напрасно светило солнце, отражаясь в заснеженных вершинах гор позади них, напрасно ветер теребил листья на деревьях вдоль дороги, напрасно прыгали по стене птицы, пытаясь петь. Ничто не могло теперь вызвать звонкий девичий смех, так приятно ласкающий слух охранников, с трудом напускающих на себя суровый и свирепый вид, как было положено им по этикету. Сохранять вид охранникам стало легче, но поступь их сделалась тяжелее; ибо тяжело было у них на сердце при мысли о том, что ожидает девушек.

Но все это скоро перестало быть хоть сколько-нибудь важным. Когда из-за стены, идущей вдоль дороги, выскоchila жуткая тварь, не иначе, как порождение самого нижнего из адов.

Чудовище первым заметил левый передний

раб-носильщик. Он увидел страшную голову, лишь отчасти напоминающую человеческую — она была в три-четыре раза больше человеческой, волос совсем не имелось, плоский нос распластался едва ли не во всю ширь лица, но самым нечеловеческим были зубы в широкой — от уха до уха — распахнутой пасти. Острые, торчащие как кинжалы, зубы разного размера, в несколько рядов. Между зубами застряли перья, кусочки мяса и хвосты недавно сожранных мелких животных.

Жуткий демон принял убивать, как только выскочил из-за стены, пользуясь всеми своими четырьмя инструментами для убийства — двумя руками, пастью и хвостом.

В первый миг была сломана хвостом шея любимой служанки Гизеллы, Мариссы, откушена голова левого переднего раба-носильщика, вырвано сердце другой любимой служанки, Хлои, и отправлен смертельный ударом за ограду правый передний раб-носильщик. Голову раба демон выплюнул, и она тоже улетела за ограду. Паланкин упал, чуть не вывернув руки задним рабам-носильщикам. Но демон быстро исправил этот недостаток. Пока рабы тщетно пытались найти способ выжить, в душе прекрасно понимая, что его просто не существует, демон схватил их за шеи и столкнул головами с такой силой, что оба умерли мгновенно.

Четырьмя рабами-охранниками демон занялся напоследок, наслаждаясь их страхом и дрожью в руках, которая передавалась их мечам, которые

они потешно глупо выставляли перед собой. Демон хохотал и бросал в охранников камни, вырывая их из дорожной ограды руками и хвостом.

За время, понадобившееся Гизелле, чтобы отважиться выглянуть наружу, демон уничтожил всех.

— Ну, что боишься меня? — спросил убийца.

Гневное выражение на лице принцессы сменилось выражением панического страха. Она не закричала только потому, что страх не давал ей раскрыть рот. Скулы заныли от усилий, а крик внутри готов был вырваться через кожу.

У страшного создания была голова, две руки и две ноги, он стоял прямо, но это все равно не делало его человеком, несмотря даже на то, что он разговаривал.

Кожа его была покрыта зеленой чешуей, которую он непрестанно терял, стоило ему пошевелиться. Длинный гибкий хвост, по сути выполняющий работу хватательного щупальца, как у осминога или кальмара, непрестанно извивался. А через всю сгорбленную спину, от головы к копчику, проходил гребень с острыми шипами. Желтыми глазами с вертикальными зрачками, как у змеи, он пристально смотрел на принцессу Гизеллу.

— Не зря боишься! — заявил демон, шагнул к Гизелле и единным движением вытащил ее из паланкина, содрав с нее богатое платье.

Гизелла вскрикнула, задрожав всем телом. Она осталась в одной набедренной повязке. Руки ее метнулись к грудям, не знавшим еще ласки мужчины, и закрыли их.

Зеленокожий демон расхохотался и следующим движением сорвал с Гизеллы набедренную повязку. Ноги больше не удерживали принцессу, и она повалилась на колени. Внутри ее живота образовалась страшная пустота, в которую провалилось отчаянно бьющееся сердце.

А когда огромные сильные руки демона с выступающими жилами схватили принцессу, она потеряла сознание.

Она уже не видела и не чувствовала, как демон закинул ее на плечо, словно мешок с зерном, и потащил обратно в горы.

Гизелла пробыла без сознания достаточно долго, чтобы демон углубился в дикие места, о которых она не имела ни малейшего понятия. Она все еще была нерассуждающим грузом, когда демон взобрался на крутую обледеневшую скалу и остановился перед широким входом в пещеру, чтобы перевести дух.

Он положил принцессу на снег и выпрямился над ней. Гизелла открыла глаза. И увидела, что все, что, как ей казалось, привиделось в кошмаре, вовсе не привиделось. Это была страшная реальность. Реальность, в которую Гизелла ни за что не хотела верить.

Зеленокожий демон смотрел на нагую девушку, лежащую на снегу у его ног, и хохотал. Он любил наблюдать, как люди испытывают боль и страх, любил слышать их крики и мольбы о помощи, и чем беспомощнее и нежнее была жертва, тем большее удовольствие он испытывал.

— Умоляю тебя, отпусти меня. Мне холодно, и

я уже не чувствую ни рук, ни ног! — без надежды проговорила Гизелла.

Она была прекрасна, это юное, черноволосое создание, с бледной, будто ледяной кожей и пронзительными черными глазами. Правда, сейчас, от холода и разреженного воздуха, она действительно превращалась в лед, и соски ее сморшились и скжались, как у старухи. Когда демон впервые увидел ее, соски были круглыми и набухшими, словно вишни.

Демон наклонился к ней и погладил хвостом-щупальцем по животу. Она задрожала.

— Умоляю... — прошептала она, следя за тем, как хвост поднимается все выше. Черный волосатый хвост, голый на кончике, будто у крысы, но подвижный, как змея.

— Ты прекрасна, моя принцесса, — пророкотал демон глухим рычащим голосом, в котором звучали жуткие, нечеловеческие страсти, одолевающие его. Из широкого зубастого рта демона вырвалось облако зловонного пара и окутало голову девушки. От этого она зажмурила глаза, задрожав еще сильнее.

— Вижу, тебе не нравится мой запах, — прорычал демон. — Запах благородного Тахора! Ничего, он тебе понравится, когда ты станешь мертвой!

Он расхохотался, запрокинув страшную голову назад и раскрыв пасть, полную острых неровных зубов.

— Нет, нет! — закричала Гизелла, умоляюще протянув к нему руки, а потом забормотала, как

в бреду: — Добрый господин ведь не позволит умереть своей рабыне! Добрый господин позволит мне уйти, чтобы я могла привести себя в порядок, и завтра предстать перед ним в лучшем наряде!

Демон перестал смеяться и опять склонился над принцессой.

— Лесть тебе не поможет, Гизелла, — сказал он и прижал кончик хвоста к ее губам. — Лучше замолчи и предайся медленной смерти. А она будет медленной. Я, ужасный Тахор, не дам тебе легко уйти. Готовься наслаждаться болью и ужасом! Ты познаешь все виды медленной смерти. Но быстрая смерть не придет к тебе. Говорят, самая страшная смерть съедает человека изнутри, ты узнаешь это. Так же говорят, что ни один человек не способен выдержать боли, возникающей в его собственной душе, и это ты тоже узнаешь. Я заставлю тебя полюбить боль, ты будешь наслаждаться болью, но сначала ты полюбишь смерть. Ты станешь призывать смерть, мечтать о ней, в тебе возникнет вожделение к смерти, ты страшно захочешь отдаваться ей, твоя грудь будет трепетать от желания смерти, сердце возжаждет остановиться, а душа захочет покинуть тело. Но я не дам тебе избавления. Ты будешь жить и страдать. Ибо только так я могу чувствовать наслаждение.

Тахор вдруг схватил пленицу и приподнял над землей. Черные смоляные волосы Гизеллы разметал буйный горный ветер, который вечно странствует среди покрытых льдом скал. Руки и ноги Гизеллы бессильно повисли.

— Но может быть, я тебя обманул, и ты все же умрешь. Никто ведь не живет вечно! — добавил демон и снова расхохотался.

Гизелла открыла глаза и посмотрела в небо, где парила одинокая птица. Наверное, это ее душа, которая уже вышла из тела; предоставив страдать ему одному. Иней на ресницах делал все окружающее призрачным, а холод, стягивавший голову, словно пыточный обруч, не позволял развиться ни одной мысли. Они только возникали и сразу же уходили куда-то за пределы сознания. Ум Гизеллы постепенно проваливался в спасительную тьму, и ей уже стало казаться, что она слышит тихую странную музыку, исполняемую на неизвестном инструменте.

Демон тоже посмотрел наверх.

— Проклятая птица! — воскликнул он. — Ты видишь то, что тебе не положено видеть. Эта дева — моя, и не тебе расклевывать ее кости!

Он повернулся и с девушкой на руках скрылся под сводами пещеры. И поглощенный собственными бешеными страстями, не заметил, как с руки девушки соскользнул тонкий серебряный браслет, единственное украшение, которое еще оставалось на ней.

Птица печально, протяжно крикнула и покинула ущелье, спустившись в воздушном потоке вниз, туда, где зеленели леса, и добыча была более покладистая. Но демон был не совсем прав. Не только птица видела то, что ей не положено видеть. Несколько маленьких снежных обезьян, укрывшихся в другой пещере, на противополож-

ной стороне ущелья, наблюдали за демоном и девушкой с самого начала их появления здесь. Они не были избалованы подобными зрелищами и поэтому смотрели во все глаза, забыв даже про любовные игры и ловлю блох.

Они не знали, зачем понадобилась демону юная принцесса. Они приглядывались ко входу в пещеру, куда скрылся с трофеем демон, надеясь увидеть продолжение истории, но ничего не происходило, и постепенно обезьяны вернулись к обычным своим занятиям — любовным играм и ловле блох. Кроме одной обезьяны, вид имевшей грустный и задумчивый, а шкуру более обычного, ни одного темного волоска. Поймав пару блох, она, не обращая на остальных внимания, прошла к выходу из пещеры, некоторое время приглядывалась к склону, а потом стала спускаться вниз.

2

Горы — дурное место, особенно вершины, где лежат ледники. Кажется, что здесь не может быть никакой жизни. Но это не так. Шальным ветром приносит сюда снизу мириады насекомых — и они, обомлевшие от стужи, усыпают снег. Богатый пир для множества птиц: грифов, гусей, кондоров и галок. Птицами не пропасть разнообразить свой стол барсы и волки, но это удается еще реже, чем прокусить шею козлу, ламе или даже зайцу. Добыче хищников здесь особенно не на чем жировать, скучная раститель-

ность — карликовые деревья, трава, мох, лишайники, изредка грибы. Но жизнь есть не только на поверхности. В пещерах живут снежные обезьяны и летучие мыши. А в бурю и другие животные прячутся в пещерах, иногда даже каким-то образом договариваясь о временном перемирии. Волки делают вид, что совершенно не голодны, а зайцы и козлы изо всех сил изображают спокойное равнодушие.

Появляется в горах и человек. В основном это тоже обитатели гор, живущие чуть выше их подножия. Но время от времени в горах оказывается некто, кто пришел издалека. Такой гость среди скал — редкость, и любопытные обезьяны и галки стараются глаз с него не спускать. Чужак — кто его знает, что у него на уме.

Черноволосый пришелец издалека был похож на медленно ползущего жука. Он кутался в грубый плащ из верблюжьей шерсти и ступал осторожно, прекрасно понимая, насколько опасно легкомыслie в горах.

Когда он приблизился, стало ясно, что среди людей он гигант. Плащ скрывал мощное, подвижное тело, а кроме того — меч. Рукоять меча торчала из-за верхнего края плаща. Человек нес меч на спине, лучший способ ношения подобного оружия в горах. Густые черные волосы запорошило снегом. На ногах у него были сандалии из толстой кожи — не слишком богатая одежда. Но судя по мечу и решительному взгляду голубых глаз, он не собирался долго мириться с таким положением.

Он был голоден. Карабкаясь вверх вслед за солнцем, собираясь наведаться в Аренджун, некогда было отвлекаться на охоту за прыткими и верткими обитателями гор. Несмотря на всю силу и ловкость, человек не мог состязаться в скалолазании даже с горными зайцами. Будь у него лук, которым обычно пользуются местные охотники, тогда другое дело — но лука не было. Кроме голода, на нем еще плохо оказывалась разреженность воздуха — он забрался слишком высоко. Понадеявшись на себя, он отказался от услуг проводника и заблудился.

Но, может быть, это было меньшее из зол — очень ему не понравилось, как проводник, грязный тип с татуировкой на лбу и длинной бородой, заплетенной в косичку, смотрел на его меч.

Ущелье становилось все уже, а скалы вокруг неприступнее. Чахлые березки и криптомерии казались в чересчур прозрачном воздухе какими-то ненастоящими, словно нарисованные. Пожалуй, собиралась буря.

На правом склоне он вдруг заметил пещеру, а еще увидел снежную обезьянку, которая карабкалась к пещере.

Весьма кстати! Ужин и укрытие вместе! Не иначе, как Кром смилиостивился над одним из своих чад, Конаном из Киммерии.

Конан полез вслед за обезьянкой, двигаясь как можно быстрее, насколько хватало сил. И на середине подъема он вдруг почувствовал странный запах. Смесь запахов. Отталкивающую и привлекающую одновременно.

Обезьяна скрылась за краем площадки перед пещерой. Сделав над собой последнее усилие, Конан подтянулся и тоже оказался на площадке. Странный запах усилился. От него киммерийцу делалось не по себе.

Обезьянка сидела перед самым входом. И как будто не собиралась никуда бежать. Конан бросился к ней и уже протянул руки, чтобы сломать ей шею, как вдруг увидел что-то блестящее у нее в лапах.

И зверек протягивал это к нему, глядя в глаза, словно желая что-то рассказать. Умная тварь!

— Ты откупаешься от меня, малыш? — спросил Конан.

Если бы обезьянка понимала его, она возможно бы обиделась. Потому что малыш по своим обезьяням меркам был весьма стар.

— Ну ладно, малыш, я больше не хочу тебя съесть, — продолжил Конан, протянул руку и взял то, что протягивал зверек.

Серебряный браслет! Тонкий и изящный, которому было здесь не место. Вряд ли он мог принадлежать женщине какого-нибудь горного племени.

— Желал бы я знать, откуда это у тебя, — сказал Конан и снова посмотрел на обезьянку.

Зверек указывал ручкой с черными пальцами на вход в пещеру. Увидев, что человек, наконец, обратил на него внимание, он с криком подпрыгнул и быстро заковылял внутрь. Потом остановился и обернулся, глядя Конану в глаза.

— Кром, да ты умнее большинства людей, ко-

торых я знал! — воскликнул Конан. — Мы стали бы добрыми друзьями, если бы ты был человеком, малыш!

Он сунул браслет за пазуху.

— Жаль, конечно, что я не попробовал тебя на вкус. Но я не могу жрать разумных тварей! — заявил Конан.

Не совсем было ясно, что хотела сообщить обезьяна, но несомненно было, что в пещере есть что-то очень важное, и браслет с этим связан.

Обезьяна снова вскрикнула, подпрыгнув, и, подняв хвост, побежала во тьму пещеры. Конан направился следом, на всякий случай, вытащив меч из ножен, и вскоре перестал что-либо видеть, тьма была непроглядной. Но слух у киммерийца был отличный, и он неплохо умел им пользоваться. В горах, где он вырос, тоже были пещеры, и он научился не теряться в них сразу же после того, как научился ходить, ибо куда еще ходить малышу-горцу, как не в пещеры? Все чувства его обострились до предела. Он нарочно громко ступал, чтобы различать оттенки эха и ориентироваться по нему. И когда своды пещеры понизились, Конан почувствовал это и заранее пригнулся голову.

Обезьяна бежала впереди и время от времени останавливалась, чтобы подождать человека. Зверек прекрасно понимал, что такое большое существо, половина сил которого уходит на поддержание длинного неуклюжего тела в вертикальном положении, не может быстро двигаться. Трудно жить без хвоста.

Гизелла очнулась, когда зеленокожий демон остановился и положил ее на землю. Принцесса со стоном открыла глаза. Дышать стало легче. Они спустились с высот, и воздух теперь стал почти таким же густым, как на равнинах.

В призрачном красноватом свете, исходившем неизвестно откуда, проклятый Тахор выглядел еще страшнее. Он склонился над чем-то, и Гизелле была видна только его спина с шипастым гребнем и хвост, кончик которого подрагивал, словно у гремучей змеи. Услышав стон пленницы, демон медленно обернулся. Налитый кровью желтый глаз пошевелился в глазнице. Морда была окровавлена, а из чуть приоткрытой пасти торчало крыло летучей мыши.

— Хочешь поесть? — осведомился демон, открыл пасть шире и достал из нее какой-то кровавый ошметок. — На, бери, — сказал он, и протянул ошметок принцессе.

Она вскрикнула, зажала рукой рот и отвернулась, борясь с тошнотой. Плечи ее дрожали. Хорошо, что она постилась перед посещением храма, иначе бы не сдержалась.

Тахор расхохотался. Раскаты хохота наполнили пространство пещеры, во много раз умножившись эхом. И принцессе показалось, будто потолок колеблется, словно это не камень, а шкура живого существа, темного и зловещего.

— Ничего, проголодавшись, сожрешь еще и не такое! — сквозь хохот воскликнул демон. — А то

привыкла у себя во дворце, под крыльшком отца, вкушать только самое изысканное!

Гизелла продолжала смотреть на потолок, и вдруг осознала, что потолок действительно движется. Это не было видением! И в следующий миг она поняла, что представлял собой потолок. Это была огромная черная масса летучих мышей. Одна из мышей вдруг сорвалась и упала, взбивая воздух крыльями с отчаянным писком.

Тахор поднял голову и зарычал. И на писк сверху еще более отчаянным писком отозвалась мышь, которую демон прижимал задней лапой. Он тут же оторвал ей голову, но вся масса мышей с потолка услышала зов и замахала крыльями. Пространство пещеры словно взорвалось многоголосым криком. И все летучие мыши сорвались с места и заметались по пещере. Хлопанье тысяч крыльев напоминало шум прибоя. Словно грозовая туча, мыши опускались черной массой, создавая ветер.

Зеленокожий демон выпрямился во весь рост. Грудная клетка его раздулась, мышцы напряглись. Он стал еще больше, еще страшнее. И когда в пределах досягаемости оказалась одна из мышей, он одним ударом когтя рассек ее на две половинки, которые пролетели сквозь стаю.

Крики летучих мышей стали невыносимы. Принцесса Гизелла зажмурилась и закрыла уши ладонями, как можно сильнее прижав их. И все равно, ей казалось, что она все слышит. А когда особенно сильный порыв ветра разметал ее волосы, она открыла глаза и увидела перед собой

мохнатое округлое тело с ушами, словно лепестки какого-то большого цветка. Но этот цветок был хищным. И раскрывал пасть во всю ширь, показывая изогнутые маленькие клыки.

Хлесткий удар, нанесенный чем-то вроде кнута, сбил этот мохнатый цветок на землю. Зубастая тварь запищала, пытаясь забиться в щель между камнями, но второй удар лишил ее способности двигаться, а заодно — и жизни.

С недоумением Гизелла проследила за кнутом и вдруг догадалась, что на самом деле это хвост Тахора, и никакой благородный рыцарь не пришел ей на помощь.

Тахор сражался с летучими мышами. И убивал их десятками, но они не отступали. Жажда мести и смерти охватила их. Безумная жажда, из-за которой гибнут мелкие царства и приходят в упадок большие.

Тахор был быстр и силен, но мышей было слишком много — и некоторые из них добирались до демона, несмотря на все его четыре великолепных инструмента для убийства. Несмотря на то, что он подключил к этой тяжелой работе еще и ноги, давя недобитых летучих тварей. Писк стоял невообразимый. Пещера наполнилась запахом крови. И это была не только мышиная кровь.

Кровь зеленокожего демона оказалась черной. Смешиваясь с кровью мышей, она начинала дымиться, менять цвет на красный, и подниматься вверх, колеблющимися испарениями. И вскоре пол пещеры словно покрылся сетью кровавых

ручьев. Гизелла взобралась на камень с краю и прижалась к нему, не смея от ужаса двигаться дальше.

На самом деле битва длилась недолго. За это время даже лучший мясник не успел бы разделать тушу даже самого маленького поросенка. Но принцессе казалось, что прошла целая ночь. И ночь, наполненная кошмаром!

Она пришла в себя только тогда, когда Тахор тронул ее плечо кончиком хвоста.

— Ты жива, принцесса?

— Где мы? — пробормотала сквозь не до конца сброшенное оцепенение принцесса и лишь потом окончательно очнулась. Она задрожала от отвращения, увидев черную кровь, вытекающую из рваных ран Тахора. Но еще отвратительнее была запекшаяся кровь, к которой прилипли куски кожистых мышиных крыльев.

— Жаль, что ты не ранена, — пророкотал Тахор. — А то бы я не удержался и сам откусил от тебя кусочек, как хотела мышь! — Он зарычал и, протянув черный волосатый хвост с голым кончиком, погладил принцессу по плечу, отчего та вздрогнула, словно от удара бича. — Ты такая аппетитная! Но тебе холодно! Твоя кожа уже как мрамор! Нам надо спешить, а то ты умрешь раньше времени! К тому же, где-то здесь неподалеку живет одна тварь с очень дурным характером, и она наверняка уже почувствовала запах крови. А я бы не хотел с ней встречаться, хоть она и приходится мне дальним родственником. Потому что я уверен, что она об этом не знает!

Тахор снова расхохотался, потом схватил Гизеллу, грубо забросил ее на плечо, словно она была мешком с зерном, а не живой прекрасной девушкой, и двинулся дальше, вниз, во тьму.

Обезьяна, которая вела Конана за собой, устала быстрее, чем он. Чего и следовало ожидать. Зверек с такими глазами — добыча хищников, а не мечта самок. Пришлося посадить его на плечо. Обезьянка, казалось, заснула. Конан не стал нарушать ее покой. В конце концов, он и сам не плохой следопыт, и его нос, хоть и не сравнится с носом животного, но тоже способен указать путь. А здесь путь чувствовался весьма сильно. Красавица, потерявшая изящный серебряный браслет, пользовалась благовониями, оставившими ароматный след в пещере, где не было ветра, чтобы развеять его.

Но, в конце концов, и Конан устал. Устал от темноты и неизвестности. Ожидание опасности тоже требует немало сил. Поэтому, когда они вышли на свет, в большую пещеру, киммериец вздохнул с облегчением. Но оно длилось ровно столько, чтобы закончить вдох, с выдохом пришлось задержаться.

В красном свете, который не был ни лунным, ни солнечным, было видно, что пол пещеры устлан мертвыми летучими мышами. И залит кровью. Мыши были обезглавлены, раздавлены, разорваны, у кого-то не хватало крыла, у кого-то

лапы. А над побоищем клубился странный красный туман — и стоял отвратительный запах. Обезьянка задрожала всем телом и уткнулась в человеческое ухо.

— Да, мне тоже это не нравится, — сказал Конан, но зверек, конечно, ничего не мог ответить.

Любой туман таит в себе опасность, но красный туман, образовавшийся из крови, вдвойне опасен. Особенно здесь, в глубине Карпашских гор. И хуже всего, что одним жутким видом не ограничивалось. Уши улавливали тихое, но постоянное шипение, как будто выдох старца.

Конан непроизвольно напрягся и сжал меч. Внутри красного тумана словно шевелились тени. Или это всего лишь работа воображения? Шипение стало нарастать.

Обезьянка вцепилась в плечо Конана, глубоко вонзив когти. Но он едва замечал это, почти не чувствуя боли, настолько сосредоточился на другой задаче. Он пригнулся, полуприсел, и поудобнее перехватил меч.

Обезьянка вдруг резко вззвизнула, и в этот момент Конан тоже увидел это. На него во всю прыть, высоко поднимая ноги, неслось самое жуткое существо, изо всех виденных им прежде.

Двуногое, но с коленями, обращенными назад, с вытянутой головой крокодила и четырьмя передними конечностями, размером оно было со слона, вставшего на задние лапы, а красная чешуя, покрывавшая кожу почти полностью, явно служила неплохой защитой от меча. Чешуя отсутствовала только на голове, но, судя по остальному,

череп у твари мог соперничать по крепости с самой лучшей броней. Чудовище бежало, как боевой петух навстречу врагу — чешуя у него всторопчилаась как перья. Оно слегка пригнулось, как раз, чтобы мигом откусить Конану голову.

Зверек на плече киммерийца возопил, что было голоса. Конан отступил на шаг назад, обернулся и заметил большой камень у стены. В один прыжок он оказался на его верхушке, и теперь был вровень с головой атакующего чудовища.

Плечо Конана опустело, но некогда было выяснить, куда делась обезьянка. Колени атакующего чудовища подогнулись, и оно повернулось боком, пытаясь замедлить бег. Конан дождался, когда оно окажется в нескольких шагах от него, и прыгнул. Он уже приметил короткий толстый рог на голове жуткой твари и собирался ухватиться за него, но тварь тоже обладала неплохой реакцией. Она мотнула головой, и Конан очутился у нее на спине. Одной ногой на всторопчившейся пластине чешуи.

Упершись мечом в другую пластину, Конан сумел развернуться и прижаться к чудовищу, закрепившись на нем. Так что когда оно попыталось достать врага передними конечностями, раскачиваясь на задних, это у него не вышло. Еще одно усилие — и Конан все-таки сделал то, что планировал. Ухватился за рог.

Тварь зарычала, словно самец крокодила в верховьях Стиksа и, вытянувшись на ногах, почти достав потолка пещеры, запрокинула голову.

Конан оказался спиной вниз, едва ли не висящим на толстом роге. Держаться особенно было не на чем. Рог был слишком большого диаметра, к тому же совершенно гладкий. Конан изловчился и ткнул мечом в глаз чудовища, но оно успело во время закрыть нижнее веко, и удар острия пришелся по нему, а не в относительно податливую роговицу. Раздался щелчок. Конан чуть отвел меч, ожидая, когда чудовище приоткроет глаз, но оно было достаточно умным, чтобы этого не делать. Из-за предательской гладкости рога Конан соскальзывал, медленно, но неотвратимо.

В действительности прошло всего несколько мгновений, но Конану показалось, что не меньше часа. А потом он увидел обезьянку. Она висела вниз головой, одной рукой цепляясь за щель в потолке, а в другой руке у нее был увесистый камень. Дождавшись удобного момента, обезьянка швырнула камень вниз. И камень попал прямо в дыхательную глотку чудовища.

Оно глухо захрипело, покачнулось и открыло глаз. Конан тотчас воткнул в него меч. Хрип стал еще более пронзительным. Все четыре передние конечности жуткой твари принялись быстро, но беспорядочно молотить воздух. А затем тварь повалилась на спину.

Конан успел вовремя соскочить. Чудовище упало и принялось кататься на спине, изгибаясь в конвульсиях, не в силах вдохнуть. Меч все еще торчал у него из глаза. Конан подпрыгнул и ногой вогнал меч еще глубже, потом еще раз. Чудовище дернулось последний раз — и затихло.

Конан выдернул меч.

Обезьянка потянула его за плащ.

— Кром меня побери, — сказал Конан. — Теперь я тебе обязан жизнью! А ведь недавно я собирался тобой поужинать! — Он присел и обезьянка снова взобралась ему на плечо, вид имея гордый и довольный.

Тьма не способствует ясности мысли. Отвратительный запах тоже. Неизвестность лишь усугубляет все это, вместе взятое. А холод и тряска заканчивают дело.

Принцесса Гизелла окончательно потеряла связь с реальностью. Чем глубже уносил ее демон, тем меньше оставалось нитей с прошлым. Некоторое время Гизелла пыталась всматриваться в темноту, но это только вызвало легкие галлюцинации. В темноте сначала появились цветные пятна, потом эти пятна принялись слагаться в призрачные фигуры, а в довершение всего этого — фигуры задвигались. Не дожидаясь, пока они заговорят, Гизелла закрыла глаза и попыталась полностью избавиться от мыслей об окружающем. Перед ее внутренним взором появился монах из Обители Ветра.

Он был ее наставником с одиннадцати лет. Она помнила, как вначале испугалась его пепельной бороды, заплетенной на конце в косичку, как еще больше испугалась его длинной колеблющейся тени, которая падала от огня в боль-

шом камине. Но когда увидела его глаза, страх исчез. Мгновенно и бесследно.

Диомад, так звали наставника. Он носил одежду из кусков ткани пяти цветов и обучал Гизеллу науке о превращении пяти стихий. Наука состояла из пяти частей. Учение о живых существах, о строении мира, о душе, о формах и о пустоте. Начали с учения о живых существах и до сих пор дошли только до строения мира. Об остальных трех учениях Гизелла ничего не знала. Но и первых двух было достаточно для того, чтобы стать не такой, как все.

Двенадцать ее братьев и сестер подшучивали над ней, называя монашкой, ибо она пристрастилась к науке настолько, что забросила даже обычные игры — в мяч и прятки. Не радовал ее даже сад-лабиринт, специально разбитый отцом для увеселения детей. В дни, когда она не пребывала в Обители Ветра, не припадала к источнику знания, она была грустна и вяла, проводила время за чтением книг или созерцанием мира с западной башни дворца. Хотя и смотреть-то было не на что. Что увидишь с западной башни? Несколько улочек, крепостные стены, горы вдали, небо с облаками и птицами, да еще мелких противных тварей, снующих в щелях меж кирпичами башни. Но Гизелла предпочитала такое со мнительное удовольствие всему остальному.

С закрытыми глазами, лежа животом на плече зеленокожего демона, уходящего вглубь гор, Гизелла улыбалась, ибо в ее голове звучал голос наставника с пепельной бородой:

«Существа, ровные нравом, обитаю на равнине, существа, высокие духом, способны возноситься в небо, существа, скользкие умом и нравом, не способные остановиться ни на одной мысли, скользят по воде или плывут в ней, рядом с ее поверхностью. Не таковы существа с перемешанными стихиями, разрываемые ими. Противоположные стихии, смешиваясь, составляют живые существа чудовищной природы, которые стремятся укрыться либо в пучине морской, либо в глубинах гор...»

— Вот здесь мы и отдохнем, — произнес голос из внешнего мира. Гизелле понадобилось несколько мгновений, чтобы вернуться в него и вспомнить, где она и что с ней.

Потом она открыла глаза. Тахор положил ее на теплый песок и склонился над ней. И вдруг Гизелла как бы внутренним взором непостижимым образом увидела три составляющие демона стихии. Пламя, металл и землю. Земля была его плотью, пламя — духом, а металл — скелетом. Снаружи он был словно червь или змея, рождающиеся из земли, а внутри был как меч, горящий в пламени.

Но стоило Тахору пошевелиться, как видение пропало. Гизелла снова увидела над собой отвратительного демона, похожего на мерзкую ящерицу.

— Ты спиши, принцесса? — спросил он. — Разбудить тебя? — И слегка шлепнул Гизеллу кончиком хвоста по бедру.

Принцесса вскрикнула и сжалась от боли. Кожу будто обожгло. Она даже не представляла се-

бе, что это может быть так больно. Когда за их общие проказы наказывали Мариссу, и она пла-кала, кусая губы, Гизелла лишь смеялась. Ах, как бы она хотела сейчас повиниться перед любимой служанкой! Целовать ее и самой намазывать целебным бальзамом! Марисса! Прости меня! Я не понимала степени твоей боли, не понимала, что ты не кричишь лишь потому, что не хочешь своим криком ранить мою чувствительную душу! Какая я была глупая!

Но теперь Марисса мертва — и убита тем самым хвостом, что лишь слегка шлепнул Гизеллу. Марисса мертва, и не перед кем виниться, не у кого просить прощения. И вину теперь ничем не избыть!

— Ну что, проснулась? — осведомился Тахор. — Смотри у меня, не засни до смерти, а то лишишь меня удовольствия умертвить тебя медленно.

Гизелла огляделась. Демон притащил ее в большую пещеру, где было очень тепло. Даже жарко. На стенах, на потолке, на полу светились красноватые точки, подобные глазам волков.

Гизелла вдруг почувствовала, что песок под ней будто шевелится, словно это был не песок, а теплый бок какого-то огромного существа, и оно медленно дышало.

— Где мы? — спросила принцесса.

— Все там же, — ответил Тахор. — Под горами. И даже ниже. Под землей. Твой город, твой отец и братья уже где-то наверху, а мы с тобой в глубине земли.

«У врат ада», — подумала принцесса. И жара это подтверждает. А еще это движение песка... Неужели правы были те, кто считал, что ад — это зверь?

«...ибо, говорят они, грязь всех пяти стихий умножается в глуби земли, гуманность становится слабостью, правила — развратом, долг — распущенностью, мудрость — жадностью, ум — тупостью, чудовищная природа обитателей глубин складывается стократно и тысячекратно, и образует в самой глубине одно большое существо, называемое адом, ибо пожирает грязные души, питаюсь ими».

Дрожа от ужаса, Гизелла спросила:

— Где твой дом, Тахор? В аду?

Тахор в ответ расхохотался. Красноватые свечищиеся точки поблекли, песок вдруг прекратил двигаться.

— Ад, это там! — сказал Тахор, отсмеявшись, и показал пальцем вверх.

И в этот момент песок под Гизеллой пропал. А вместо него появилось нечто твердое. Тахор встрепенулся и протянул руки к принцессе, но ее отбросило ударом снизу. С истощенным визгом она откатилась к стене и уткнулась в нее носом. Сзади раздался рев Тахора, смешавшийся с каким-то странным, быстрым треском.

Гизелла обернулась и увидела мечущиеся тени. Сначала она не могла ничего разобрать, но потом разглядела тварь, с которой боролся Тахор. У нее было туловище жабы, ноги паука, и рот, как у пиявки, вытягивавшийся из отверстия

в костяной маске, которая заменяла твари морду. По верхнему краю маски светились паучьи глаза — два больших и два маленьких, впрочем, может быть, это были и не глаза, а что-то другое. И тварь была в два раза больше зеленокожего демона. Быстрый треск создавали шипы на ногах, стуча друг о друга. Паучьи глаза были холодны и ничего не выражали, зато рот жадно тянулся к голове Тахора, а три пары задних ног совершили массу ненужных, механических движений. Словно эта тварь была не живым существом, а всего лишь марионеткой в руках кукловода. Но когда рот дотянулся до демона и зубы, сомкнувшись, оторвали несколько пластин чешуи, Гизелла поняла, что тварь все-таки живая.

Тахор успешно сопротивлялся, но не мог одолеть жуткое создание. Равновесие сил сохранялось — и ни тварь не могла пообедать Тахором, ни он не мог убить ее.

Гизелла обнаружила, что с ее лба по носу стекает светящаяся красным тягучая жидкость. Принцесса с отвращением оттерла ее пальцами, а потом принялась вытираять пальцы о стену, и только тогда поняла, что это. Красноватые точки, освещавшие пещеру, как оказалось, медленно передвигаются. Нечто вроде светящихся улиток без панциря. Ударившись о стену, Гизелла раздавила одно такое существо.

«Я слишком красива, чтобы меня сожрал какой-то паук из глубин ада», — подумала принцесса, и в этот момент раздался треск ломаемого дерева.

Гизелла вскрикнула от страха, обернулась, и ей показалось, что на нее бежит эта паукообразная тварь. Но это была всего лишь одна его нога.

Она упала возле принцессы, едва не задев ее. Шипы все еще шевелились, но уже не стучали друг о друга.

— Беги, Гизелла! — заорал Тахор.

Гизелла увидела его спину, которая была обхвачена передними лапами адского создания. Черная кровь текла из-под пластин чешуи Тахора. Спина надвигалась. Тахор изо всех сил сопротивлялся, но жабопаук продолжал теснить его к стене, возле которой на коленях стояла обнаженная принцесса.

— Беги! — снова крикнул Тахор.

Третьего призыва не потребовалось. Гизелла вскочила на ноги и понеслась, что было сил. Она понимала, что только отсрочивает свой смертный приговор, который может оказаться еще хуже, чем смерть в утробе голодной твари, но все равно не собиралась быть чьей бы то ни было едой. Это было бы слишком унизительно.

— Эй! — раздался вдруг голос.

Самый неожиданный голос в таком месте. Голос человека.

И принцесса увидела перед собой мускулистую грудь и плечо, на котором сидела седая обезьянка, а в следующий миг ее обхватили теплые сильные человеческие руки.

— Не бойся, я — за тобой, — продолжил голос.

И Гизелла увидела глаза. Синие, как море.

Чем дальше пещера уходила вглубь, тем становилось теплее. Конан закинул плащ сначала за спину, обнажив грудь, потом повязал его вокруг пояса. Правильно говорят, что огненный ад расположен внизу, в глубине земли, а в Карпашских горах ближе всего поднимается к поверхности.

И Конану не пришлось слишком долго ждать подтверждения этого. Он услышал впереди сначала пронзительный женский визг, потом жуткий рев, и, наконец, шум битвы. Обезьянка на плече встрепенулась и крепко ухватилась за его волосы. Она правильно сделала, эта умная тварь, потому что в следующий миг Конан бросился вперед так быстро, что иначе ей бы не удалось удержаться.

Затем раздался еще один женский крик. На этот раз не такой продолжительный. Но не менее отчаянный.

Конан вбежал в пещеру, где стояла жара, как в большой кузнице, а на стенах, на полу и на потолке повсюду словно светились красные волчьи глаза. Так и должно было выглядеть предверие ада.

И в этом предверии боролись два адских существа. Одно другого ужаснее. У одного была кожа, покрытая зеленою чешуей, длинный гибкий хвост, которым он орудовал как осьминог щупальцем, гребень с острыми шипами, начинаящийся на голове и проходящий через сгорбленную спину, и желтые глаза с вертикальными

зрачками, как у змеи. Второе напоминало жабу, у которой отрасли паучьи ноги, рот вытянулся и стал, как у пиявки, а вместо лица была костяная маска. Оно было в два раза больше противника, но, судя по оторванной ноге, которая лежала за спиной зеленокожей твари, счет был не в его пользу.

Зеленый демон ревел и рычал за двоих, зато его жабоподобный противник не издавал ни единого звука.

А навстречу Конану, не видя его, бежала обнаженная девушка. Она была прекрасна! Длинные черные волосы падали на бледную снежную кожу. Красные губы были подобны лепесткам болотной орхидеи.

— Эй! — крикнул Конан. И увидел пронзительные черные глаза девушки с расширившимися от испуга зрачками. Что, пожалуй, делало ее еще более привлекательной.

Она стояла так близко, что Конан чувствовал уже не только аромат благовоний, окружавший девушку, но и запах ее пота. Кожа ее лоснилась от жары и страха.

Он не удержался и обнял дрожащую незнакомку.

— Не бойся, я — за тобой, — сказал он, прижимая ее к себе.

— Бежим! — воскликнула девушка, вцепившись в руки Конана так сильно, что ногти ее глубоко впились в его кожу. — Ты силен, это видно, но ты всего-навсего человек...

— Честно говоря, я бы предпочел посмотреть,

кто из этих двоих победит, чтобы знать, кто пустится за нами в погоню. Кто из них притащил тебя сюда?

— Бежим, бежим... Он убил всех! — кричала девушка. Слезы вдруг обильно хлынули из ее глаз. Она снова задрожала, но теперь озноб сотрясал ее всю. Голова ее запрокинулась, ноги ослабли. На самом деле она скорее готова была упасть, чем бежать. Да и вряд ли с босыми ступнями ей бы удалось бежать быстро.

Конан подхватил ее на руки и прижал к себе.

— Наверное, ты права... — сказал он и кинулся прочь, надеясь, что хорошо запомнил путь. Запах больше не мог вести его, поскольку был непосредственно с ним.

7

Люди верят, что все их грехи тяжелы и естественным путем притягиваются глубиной земли, уходят в подземные области, скапливаются там в пустотах и образуют всяких чудовищных тварей. Жадность человеческая превращается в глубине земли в различных жаб, жадность стяжателей и мздоимцев превращается в жабу с паучьими ногами, что питается другими созданиями преисподней и способна ждать в засаде тысячи лет.

Тахор людям не верил. С таким же успехом можно верить в то, что и сами люди являются чьими-то грехами. Это полный бред. Вот он, Тахор, существо из плоти и крови. Он родился под землей самым обычным для человека способом,

и пока рос, питался телом своей матери, что умерла при родах. Никаких сгущений греха, никаких превращений стихий. Но иногда человеческий бред, как ни странно, находит свое физическое воплощение.

Эта безмолвная тварь, выскочившая из засады, чтобы сожрать честную добычу Тахора, и была одним из таких воплощений. Правда, рта пиявки в представлениях людей не было, но бред редко бывает детальным,

Ноги демона жадности крепились к телу довольно плохо, сочленения были тонкими и хрупкими, будто жабье туловище на самом деле являлось каким-то придатком, легким пузырем, полым внутри, а истинное тело твари состояло из одних лишь конечностей. Хорошим ударом хвоста Тахору удалось отсечь одну из задних ног. Но больше демон не давался. Его передние лапы работали быстро и точно. Тахору только и оставалось заботиться о том, чтобы не пропустить удар. Он ушел в глухую оборону и даже слегка позабыл о собственном хвосте. Только когда жабопаук прижал Тахора к стене, пришлось вспомнить о нем, ибо пиявочный рот вытянулся еще больше, и тварь принялась жрать чешую с груди Тахора.

Прежние попытки оторвать хвостом отросток рта ни к чему не приводили. Чудовище умело очень быстро втягивать его в отверстие в костяной маске. И даже успевало по пути прихватить волосы с хвоста Тахора. Но на этот раз оно проиграло, высунув рот слишком далеко. Хвост Тахора захлестнулся петлей вокруг отвратитель-

ного отростка, прежде чем тварь сумела втянуть его. Рот широко открылся, из него потекла какая-то красноватая жидкость, и он еще раз дернулся назад. Но Taxor сжал петлю хвоста изо всех сил, а потом дернул вниз. Отросток разорвался. Часть с зубами упала под ноги Taxora, и он с удовольствием наступил на нее ногой, а оставшаяся часть втянулась в панцирь. Передние конечности жабопаука поднялись, словно в мольбе, и застыли. И Taxor оторвал их.

Тварь опомнилась, попытилась назад и попыталась снова зарыться в песок. Но сопротивляясь противнику ей уже было нечего, и Taxor с осторожностью принял рвать ее на куски.

Жабье туловище действительно было большей частью полым. Когда Taxor разодрал сверху кожу, из раны наружу полезли пузыри, вроде рыбьих, только было их множество, и они соединялись между собой в гроздья, как лягушачья икра. Только в лягушачьей икре есть плоть, в этих же пузырях имелся лишь вонючий воздух.

Убив тварь и сполна насладившись победой, Taxor огляделся в поисках принцессы. Он позабыл о ней в пылу битвы, позабыл вообще обо всем и ничего не видел и не слышал, кроме врага, но теперь, когда враг был повержен, мысли о Гизелле снова завладели им. Он вдыхал воздух и ощущал ее аромат, правда, не такой сильный, как был, когда он нес ее на плече. Но Гизеллы нигде не находилось. Taxor заглянул в яму, в которой в засаде сидел жабопаук, но песоксыпался, и никаких следов Гизеллы заметно не было.

Последний раз он видел ее у стены, когда предупредил криком. Но что он кричал? Taxor не мог вспомнить.

Он подошел к стене. Кажется, вот здесь принцесса стояла на коленях. Он наклонился и увидел раздавленную огненную улитку. Слизнув ее языком, он выпрямился и поглубже втянул в себя воздух. К аромату Гизеллы примешивалось еще что-то. Что-то знакомое.

В задумчивости Taxor съел еще десяток огненных улиток и посмотрел в том направлении, откуда пришел с Гизеллой. Неужели глупая девчонка направилась назад, в надежде выбраться? Но ведь она была без сознания, когда Taxor привнес ее сюда.

Taxor направился к входу, а оказавшись возле него, вдруг понял, откуда ему знаком посторонний запах. Запах человека и запах его одежды. Кожа, пот и верблюжья шерсть. Острый и ненавистный человеческий запах!

Taxor глухо зарычал. Кто-то шел за ним и посмел увести от него трофеи, добытый в честной битве. Он поплатится за это! И Гизелла тоже поплатится, она умрет в еще больших муках, чем он планировал сначала.

К запаху человека и благовониям Гизеллы примешивался еще один запах. Старого и большого животного. Это было странно. Или Taxor ошибался, и это был не человек, а какое-то неведомое существо, рожденное от женщины, изнасилованной зверем?

Все равно. Никто еще не крал у Taxora!

Гизелла рассказала все. В той мере и с теми подробностями, которые только возможны в рассказе на руках человека, который бежит в почти кромешной тьме. Лишь кое-где светились улитки, плесень или грибы, похожие на коровьи языки, только прозрачные, словно стекло.

Она рассказала об отце, которого редко видела, даже еще реже, чем остальные дети, о наставнике по имени Диомад, о храме Вина и Крови, куда направилась вместе со своими любимыми служанками Мариссой и Хлоей, и о том, что, когда напал демон, дремала на шелковых подушках в паланкине и мысленно разговаривала с наставником, правда, она забыла, о чём. Когда она выглянула из паланкина, все было кончено. Кругом валялись изуродованные трупы. Она хотела закричать, но демон зажал ей рот ладонью, а потом сорвал с нее все одежды и потащил в горы. Демон обещал убить ее медленно и мучительно. И несомненно поступит так же с тем, кто осмелится помешать ему.

— Мы обречены, обречены! — воскликнула принцесса, изо всех сил прижавшись к могучей груди Конана.

Он не отвечал, сберегая силы — скоро, возможно, они понадобятся ему все без остатка. Но не разделял мнения Гизеллы. Пока человек жив, у него есть хотя бы один шанс прожить еще, и успеть выпить хотя бы одну чарку вина. А сколько этих чарок будет, в конце концов не так уж и

важно, да и не может быть ведомо человеку, одни боги знают, что они предуготовили для каждого. Но отдаваться на волю отчаяния определенно не нужно.

Гизелла тихонько всхлипывала. Она чувствовала удивительную силу, исходящую от киммерийца, и постепенно успокаивалась. Он нес ее так, словно она была не женщиной из плоти и крови, а шелковой подушкой, набитой невесомым пухом. И в нем нисколько не ощущалось напряжения, сердце его билось ровно, как будто он отдыхал после обеда в своем дворце.

Уловив вдали рев, Конан остановился и прислушался. Рев раздался еще раз. Более явственно. Преследующий их демон был настолько уверен в себе, что не собирался скрывать своего присутствия.

— Ах, он догоняет нас! Конан, сделай же что-нибудь! — снова взорвалась Гизелла.

— Он догоняет нас, но мы уже близко к той пещере, где мы убили бескрылого красного дракона.

— Мы? — удивилась Гизелла. — Ты бредишь, Конан? Мы с тобой еще никого не убивали.

— Нет, принцесса. Убить дракона мне помогла обезьяна.

Зверек, сидевший на плече Конана, словно понял, что речь идет о нем, и коротко вскрикнул, при этом шерсть на его голове встопорцилась, а морда сморшилась — и он совсем стал похож на сварливого старца.

— Но чем нам поможет эта пещера? — спросила Гизелла.

— Там можно занять выгодную позицию для боя. Кроме того, там множество трупов, и демон не учуяет нашего запаха. По крайней мере, я на это надеюсь. А если все так, то у нас есть немалые шансы победить его.

На самом деле Конан не был уверен ни в чем, из того, что заявил, но сказать откровенно, что у него нет никакого плана действий, значило обрести рядом чересчур взволнованную, если не паникующую женщину, а вот это точно было ни к чему.

Гизелла поверила.

— Когда мы выберемся, я попрошу отца сделать тебя полководцем, — заявила она. — А лучше всего, чтобы ты был начальником внутренней дворцовой стражи. Тогда я смогу каждый день видеть тебя и каждый день благодарить! Я больше не буду дурной девчонкой, которая не знает благодарности, потому что считает, что на все на свете имеет право!

— Тише! — сказал Конан, заметив впереди отблески колеблющегося света.

Они вошли в большой зал, с потолка которого свисали длинные белые сосульки. Он был в несколько раз больше тех, где они побывали раньше. В нем имелось множество уступов разного уровня, а в стенах виднелись многочисленные проходы и щели. Но самое главное — в нем горел огонь. Слабый, едва заметный, но огонь.

Посреди пещеры, на одном из уступов, возле тлеющих углей сидела странная компания. Это несомненно были люди, но все страшно худые,

уродливые и почти голые. Волосы у людей были длинные, грязные и спутанные. Время от времени то один, то другой подбрасывал в огонь что-нибудь и ворошил угли палкой.

В этом действии принимали участие все, кроме единственной женщины, чудовищно огромные груди которой были скреплены широким ремнем — длинные сморщеные соски находились на уровне ее пупка.

Она не принимала никакого участия в поддержании огня. Хотя в руках тоже держала палку, потрясая ей. Но не короткую и тонкую, как у остальных, а длинную и толстую, на конце которой был закреплен человеческий череп. С черепа на веревочках свисали мелкие амулеты, издававшие треск, стуча друг о друга. Это был древний шаманский посох, символ власти у пещерных людей.

Женщина подняла голову и пристально уставилась на непрошеных гостей.

— Кром! Кажется, мы свернули не туда! — воскликнул Конан и в тот же миг какой-то увесистый и весьма твердый предмет опустился на его затылок.

Взгляд Конана потерял осмысленность, он упал на колени, а потом рухнул лицом на каменное крошево, придавив принцессу. Обезьянка стремительно кинулась к щели в стене и забилась в нее. С уступа возле входа спрыгнул дикарь с камнем в руке, обнюхал поверженного чужака, потом — щель, в которую забилась обезьяна. Сунул туда руку, но зверек укусил его за палец и

забился еще дальше. Дикарь фыркнул и сплюнул.

Обезьянка перестала интересовать его, зато обнаженная девушка заинтересовала гораздо больше. Он присел возле нее и рассматривал, покачивая головой, пока грудастая женщина со спутанными волосами не подошла и не ударила его палкой. Он снова фыркнул, но теперь жалобно, и на четвереньках отбежал в сторону. Вид у него был еще хуже, чем у остальных. Кожа была красной и бугристой, как будто его недавно сварили. Из приплюснутого, вогнутого носа торчали клочья седых волос. Зубы были черные и гнилые, как у всех в пещере, зато имелись длинные, волчьи клыки, торчавшие даже из закрытого рта.

Другие пещерные люди попытались поднять Конана, но он оказался слишком тяжел для них, и его пришлось откатить, чтобы извлечь девушку. Когда Гизелла выпрямилась, грязные дикари закружились вокруг нее, издавая хриплый смех, больше похожий на кашель, подпрыгивая и тряся головами, а потом кинулись к ней, схватили за руки и потащили в один из темнеющих проходов.

9

Обезьяна сидела в щели тише мыши, дрожа от страха, не решаясь вылезти. Она слышала приближающийся рев зеленокожего демона. Слышала его быстрые шлепающие шаги, отдающиеся в камне.

46

Конан тоже был тише мыши. Он без сознания лежал рядом с убежищем обезьяны, куда его откатили грязные дикари. Обезьяна видела его затылок со слившимися от крови волосами.

Шаги демона приблизились. Он вошел в пещеру и остановился у входа, уставившись на тлеющий очаг дикарей. Из-за какой-то неведомой прихоти богов он не смотрел вниз, иначе сразу бы увидел лежащего Конана. Ноздри его втягивали воздух, насквозь пропитанный зловонием дикарей.

Другие человеческие запахи растворились в этом зловонии, остался только особый неистребимый аромат Гизеллы. Эти два насильно совмещенные запаха вызывали у Тахора непрерывное глухое рычание. Он в ярости хлестнул хвостом по ни в чем не повинному камню, подбежал к очагу и принял с остервенением топтать его, раскидывая искры.

— Ублюдки! Твари! Мерзкие людишки! — сквозь рычание говорил он, потом, не до конца погасив очаг, бросился вслед за ушедшими дикарями. — Вы поплатитесь! — донесся его возглас, прежде чем затихли шаги.

Конан простонал и пошевелился. Первым делом, очнувшись, он ощупал меч у себя на спине, убеждаясь в его присутствии. Будь пещерные люди меньшими дикарями, они наверняка бы стащили оружие. Хотя бы, чтобы обезопасить себя. Но они, скорее всего, просто не догадались, что это оружие. Наверное, они никогда не видели меча в действии. Ничего, если судьба все еще благо-

47

волит к нему, они скоро увидят — и это будет последнее зрелище в их поганой жизни!

Потом Конан тщательно ощупал рану на затылке. Ничего страшного. Кость не повреждена. Но голова, тем не менее, раскалывалась от боли. Тьма плыла перед глазами, звуки доходили как сквозь вату, и он долго не мог обнаружить костер. А когда все-таки обнаружил, то понял, что пещера пуста.

Кром, они увела ее! Конан поднялся на ноги. И услышал знакомый пронзительный вопль. Обезьянка! Он наклонился, чтобы зверек сумел забраться к нему на плечо. Маленькие пальцы дотронулись Конану до виска — и он вдруг ощутил облегчение. Оказывается, обезьянам известна точечная терапия! Боль стала глушше, чувства постепенно возвращались в норму.

Конан вдруг вспомнил о зеленокожем демоне. Его гневный рев раздавался уже близко, когда они вошли в пещеру. Но сейчас кругом была тишина. Конан принялся искать следы.

Не слишком много следов остается в каменной крошки, но хороший следопыт сумеет найти их. И вскоре Конан выяснил, что Тахор прошел мимо.

И оставил Конана в живых! Тогда, когда мог одним ударом прикончить его, решив проблему. Этому было только одно объяснение. Обуреваемый яростью и страстью, Тахор оказался слеп и глух, как раз тогда, когда проходил мимо.

Конан улыбнулся. Кром не оставил заботой свое дитя.

Он продолжил читать следы и нашел, по какому из выходов увела принцессу.

Ужасная вонь пещерных людей и аромат Гизеллы, смешанные друг с другом, вызывали у Конана ярость и гнев не меньше, чем у Тахора, но, в отличие от демона, он был человеком и умел сдерживать страсти.

Он направился следом за дикарями с большими предосторожностями. Не хотелось получить еще один удар камнем по затылку. Не стоит испытывать милость Крома.

10

Гизелла не могла кричать. В рот ей засунули камень, обернутый в лоскут кожи, и прикрепили его тонким ремнем к затылку. Принцессу тошнило, лоскут кожи был вонюче-кислым, от него исходил отвратительнейший запах.

Гизеллу тщательно привязывали к большому куску ствола окаменевшего дерева, формой напоминающего человека. Обрубки ветвей были похожи на руки и ноги. После нижних ветвей ствол кончался. Гизеллу положили лицом кверху, затылок ее опустился в небольшое углубление, ветвями закрепили шею и голову, вокруг лба, потом развели руки и ноги, привязали их, и, наконец, тонкой бечевкой обмотали сверху и снизу груди.

Гизелла пыталась отогнать мысли о том, что должно сейчас случиться. Но не могла полностью избавиться от них. Она догадывалась, почему

среди пещерных людей только одна женщина с большими грудями, возраст которой определить было так же трудно, как и возраст остальных. Они все были татуированы с головы до ног, и в татуировку нанесена краска. У некоторых татуировка почти полностью заменила одежду, если не считать кожаного чехла, надетого на гениталии. О подобных племенах она знала от наставника Диомада.

«Есть племена в глубинах гор, которые выходят наружу только в безлунные ночи, — говорил Диомад. — Ибо глаза их поражены какой-то страшной болезнью, одни ученые считают, что это мелкие черви, другие — что изменения самой формы глаза, вследствие долгого пребывания под землей, а третья вообще утверждают, что поражены не глаза, а души, и пещерные люди испытывают сильнейшую панику перед светилами дня и ночи. Как бы то ни было, а все сходятся на том, что для них нестерпим белый свет, как свет солнца, так и свет луны. Но когда они выходят в безлунные ночи, они крайне опасны, ибо не только добывают пропитание и топливо для огня, но и похищают детей. Иные же рассказывают, что пещерные люди крадут женщин, а когда они рожают дитя, убивают их. В самих племенах женщин нет».

«Есть, учитель!» — хотелось прокричать Гизелле. Как бы она хотела сообщить Диомаду о своем открытии!

Над ее лицом нависал огромный сталактит необычной формы. Сталактиты должны быть

шире у основания, чем внизу, иметь форму конуса, а этот, наоборот, даже слегка утолщался в конце. Влага, стекающаяся по нему, постепенно скапливалаась в каплю. Капля уже дрожала, готовая упасть. Гизелла закрыла глаза.

Потом она услышала женский вопль и свист рассекаемого воздуха. Невольно она открыла глаза и увидела, как палка матери племени сбивает падающую вниз каплю.

Раздались возмущенные взоры мужчин.

— Кхару, кхару! — впервые услышала Гизелла хоть что-то, похожее на слова.

Она не знала, действительно ли это что-то осмысленное, или просто так случайно сложились звуки.

— Кхару мора! — взвизгнула женщина.

Определенно, слова, решила Гизелла.

И тут мужчин как будто прорвало. До этого молчавшие, они вдруг наперебой разразились быстрым бормотанием. Постепенно разрозненные голоса слились в хор.

Ритм то нарастал, то замедлялся, не слагаясь в мелодию, но завораживая. Это было удивительно. Слушая хор, Гизелла позабыла, что это голоса грязных пещерных дикарей.

И вдруг осознала, что понимает слова. Это был древний язык, на котором проводились службы в храме Вина и Крови. Он был искажен, и, к тому же звучал в весьма необычном месте, при необычных обстоятельствах, вот поэтому Гизелла не сразу распознала его.

«...и увидел прекрасную женщину вместо без-

образной твари. Приблизился к ней и узнал в ней свое творение. И тотчас возжелал ее, предстал перед ней и соблазнил ее. Ибо не может ни одна земная женщина противостоять чарам небесного бога. Вошел в нее глубоко, как змея входит в нору. И от него родила она девять сынов. Девять мужчин, прекрасных, как сама, и сильных, как он».

Потом они принялись повторять фразу «Вошел в нее глубоко, как змея входит в нору» и стали касаться ног Гизеллы. Она задрожала от отвращения.

Над ее головой протянули веревку, и на этой веревке она увидела один из кожаных чехлов, составлявших одежду дикарей. Прикосновения к ногам стали более продолжительными и влажными. Запах возбужденных мужчин стал гораздо сильнее. К первому чехлу присоединился второй.

Палка матери племени снова свистнула в воздухе, сбивая каплю.

Хор мужчин все быстрее и быстрее произносил фразу «Вошел в нее глубоко, как змея входит в нору». Слова слились от быстроты в бессмысленный тревожный гул.

На веревке появился третий чехол.

Сердце Гизеллы билось, как у зайца, убегающего от тигра, вот-вот готовое вырваться из груди, когда она вдруг услышала знакомое рычание.

— Твари! — раздался голос Тахора. — Ублюдки! Эта дева — моя!

Гизелла даже обрадовалась этому голосу. Лучше смерть, чем позорная жизнь матери пещерных дикарей!

Послышились звуки борьбы. Они то отдалялись, то приближались. Вопли дикарей были не менее громкими, чем рычание Тахора.

Гизелла увидела тень руки, а потом и саму руку с жутким костяным ножом с зазубринами. Нож в темных разводах, не иначе от крови, был занесен над ее лицом. Гизелле хотелось закричать, она зажмурилась и сильно дернула головой — и в этот момент нож опустился.

Гизелла не почувствовала боли. С ужасом она открыла глаза и обнаружила, что может открыть и рот. Камня, завернутого в лоскут вонючей кожи, во рту больше не было. Гизелла закричала.

— Тише! — послышался голос матери племени. Костяной нож снова поднялся и опустился. Гизелла смогла повернуть голову.

— Беги! — сказала мать. — Ты должна бежать!

И она быстро разрезала остальные путы. С болью в спине и шее, Гизелла поднялась на своем ритуальном ложе.

Тахор метался по пещере, убивая пещерных дикарей. Как выяснилось, это было не так просто сделать. Дикари обладали почти невозможной прыткостью. Они прыгали по пещере, словно блохи, и при каждом удобном случае разили зеленокожего демона — дубиной или камнем.

— Быстрее, дура! — поторопила мать и в подтверждение своих слов стукнула Гизеллу с ложа.

Гизелла упала на теплый песок, приземлившись на четвереньки, словно кошка, и едва не уткнулась носом в разодранный труп дикаря. Но это оказался не совсем труп. Он еще дышал. У

него не было правой руки, а он продолжал цепляться за жизнь.

За принцессу он тоже решил уцепиться. Приподнявшись на левой руке, он зарычал, харкая кровью, и попытался отхватить у Гизеллы кончик носа. Она отпрянула, невольно ударив умирающего в челюсть. Он стукнулся головой о песок и затих.

— Кхару! — завопила мать племени.

Гизелла обернулась. Женщина лежала на стволе дерева в таком же положении, как и Гизелла несколько мгновений назад. Бедра ее при этом двигались, словно она уже принимала в себя великого любвеобильного бога. Она протянула руки к грудям и расстегнула ремень, удерживающий их. И груди сверзились по обе стороны, как полупустые бурдюки.

— Кхару! — завопила женщина еще громче.

И зову вняли. Так, по крайней мере, показалось Гизелле в первый момент. Из темноты вылетел обнаженный мужчина и упал в объятья матери. Она закричала от страсти и прижала его к себе. Но тут же сбросила вниз, обнаружив, что у него нет головы.

— Грязная псина! — произнес голос Тахора, и он возник над распростершейся на стволе дерева матерью.

Она снова закричала. Теперь — от ужаса. И это уже был последний ее крик. Хвост Тахора вонзился в нее так же глубоко, как змей входит в нору, но слишком быстро, грубо и слишком глубоко — через мгновение он вышел у нее из шеи.

— Ты этого хотела, тварь? — осведомился Тахор, но ответа, конечно, не мог получить.

Гизелла опомнилась и полезла в какую-то дыру в стене пещеры. Тьма вокруг была теплой и влажной. Гизелла почувствовала странное возбуждение, вдвое странное после того, что только что случилось. Она ждала, что хвост Тахора обвьется вокруг ее ног и вытянет наружу, но этого не произошло. То ли в пылу битвы Тахор не заметил бегства принцессы, то ли у него были особые планы.

Гизелла подумала, что смысла в ее бегстве немного. Вряд ли она действительно сумеет выбраться из горы. Разве что погибнуть самостоятельно или еще ненадолго отложить мучительную смерть, которую ей обещал Тахор.

Становилось все жарче и труднее дышать. Голова сделалась тяжелой, как снаряда для баллисты. Гизелла уже подумывала, не повернуть ли ей обратно, как вдруг впереди забрезжил неясный свет, словно от неплотно закрытой заслонки печи. Гизелла остановилась. Вполне может быть, что она добралась до ада, хоть Диомад и отрицал его существование, как реального места. Ну, или, по крайней мере, до неугасимого пожара в пустотах земли. Во всяком случае, любопытно посмотреть, что там.

Гизелла поползла еще медленнее и осторожнее, иногда ощупывая стены лаза кругом. Вскоре сделалось настолько светло, что она смогла разглядеть черную поверхность стен, искрящуюся мелкими вкраплениями минералов.

Она услышала прерывистое шипение, словно на сковородке жарилось мясо. Так и должно быть в аду.

Гизелла проползла еще немного, соблюдая осторожность, но вдруг обнаружила, что находится на краю обрыва. Сердце Гизеллы подпрыгнуло к горлу, а потом спряталось где-то внизу живота. Лаз заканчивался в почти отвесной стене, которая уходила вниз на неизвестно какую глубину. На дне пропасти текла огненная река, служившая единственным источником света здесь, и определить расстояние до нее не представлялось возможным. Ибо Гизелла никогда прежде не видела огненных рек, и не знала, какой ширины они обычно бывают.

Она ожидала, что сумеет разглядеть на берегах реки адских тварей наподобие Тахора или той жабы с паучьими лапами, сражаясь с которой он упустил Гизеллу. Но, как ни старалась, ничего не увидела. Берега были пусты. Шевелилась только сама река.

Это было заметно по перемещению светлых, темных и полностью черных пятен, которые наползали друг на друга, кружились, сужались, расширялись.

Она, эта огненная река, текущая по дну подземной пропасти, была похожа на текущую по дощатому полу эшафота кровь детоубийцы.

Когда-то в детстве, совсем еще маленькая, едва умеющая говорить, но не знающая, что говорить, Гизелла увидела казнь. Казнили ужасного преступника, умертвившего своих детей из-за то-

го, что после смерти жены он не желал себе никакой обузы. Гизелла узнала это потом, спустя много лет, а тогда она просто видела, как на площади, на большом эшафоте, при скоплении огромной толпы, расчленяют человека. Словно вошь, словно мерзкое насекомое. Преступника казнили четверо палачей, сдирая с него, живого, кожу при помощи специальных ножей. Они сдирали ее маленькими кусочками, падающими на пол, смешиваясь с кровью, которая текла багровой рекой, сверкая на солнце.

Гизелла задрожала от отвращения, снова испытав потрясение, заставившее ее навсегда откаться от общения с толпой. Она не появлялась ни на официальных аудиенциях, ни на праздниках. За это сестры и братья называли ее отшельницей.

Она на мгновение прикрыла глаза, чтобы попытаться избавиться от ужасного воспоминания, а когда открыла их, то новый ужас предстал перед ней.

Прежде она не заметила адских тварей, но они были. Обитатели огненной преисподней поднимались по стенам. Поднимались к Гизелле. Они были похожи на черепах, у которых вместо ног имелись щупальца, и не четыре, а множество. Гизелла не смогла сосчитать их. Щупальца извивались как змеи в любовном экстазе, ни мгновения не находясь в покое. Глаза адских тварей были открыты и не мигали.

Гизелла вспомнила отрывок из книги о чудесах, которую она любила читать перед сном в

присутствии своей любимой служанки Мариссы, которая держала светильник:

«Когда они достигли верхнего ада, называемого так потому что он находится наверху, над большим адом, который, в свою очередь, располагается над глубоким адом, самым ужасным из адов, они увидели много необычных животных. Большинство этих животных — чудовища. Ибо имеют вид страшный и свирепый. Ибо пытаются другими живыми существами и никогда не спят. Чудовища, которые не спят, суть наиболее отвратительны человеку. Ибо спящие чудовища могут иногда быть не опасны человеку, чего нельзя сказать о неспящих».

Это они! Неспящие твари! Гизелла всегда считала эту книгу странной и фантасмагорической. Ей казалось, что тот, кто написал ее, был безумен, ибо только безумцу могут сниться такие страшные сны. Но это были не сны!

Гизелла хотела двинуться назад, но обнаружила, что ей не на что опереться. Кроме того, из-под груди Гизеллысыпался черный песок, и она медленно, но верно, сползала вниз, ибо лаз имел некоторый уклон. Когда она дернулась, песок посыпался еще больше. Она закричала и забила ногами, как пойманная рыба хвостом, но, как и следовало ожидать, это только ускорило ее скольжение к пропасти. Тщетно она ломала ногти о камень. Кругом не было ни одной щели, за которую можно было бы зацепиться.

А твари внизу остановились, сообразив, что еда сейчас сама свалится к ним, и не надо затра-

чивать лишних усилий. Они раскрыли рты, оказавшиеся неожиданно большими, и принялись приседать, как будто в ритуальном танце. На самом деле никакой это был не танец. Гизелла однажды видела, как подобным образом приседала саранча перед полетом.

Зубы адских тварей напомнили Гизелле о специальных ножах для сдирания кожи с детоубийцы. Она закричала и снова дернулась. И оказалась по пояс над пропастью. Больше ничто не удерживало ее в лазе, и она упала навстречу открытym ртам неспящих подземных чудовищ.

Но рты так и не дождались. Вокруг талии принцессы неожиданно что-то обвилось и потянуло наверх. В первый миг она подумала, что досталась на ужин какому-то удаву, но это был не удав. Черный волосатый хвост, голый на кончике, будто у крысы.

— Хотела сбежать от меня? — раздался знакомый голос.

Тахор! Гизелла готова была обнять его, настолько была рада, что избежала участия приговоренного за детоубийство.

— Так просто вот взять и разом покончить с собой? А как же все те муки, которые я тебе обещал? — поинтересовался Тахор.

И странно, но в его голосе принцессе почудилась даже какая-то нежность, или это всего-навсего была страсть палача к предуготовленной жертве?

Руки Тахора развернули Гизеллу лицом к нему и поставили на твердую почву. Она огляну-

лась через плечо. Обитатели огненной преисподней снова устремились вверх, быстро перебирая щупальцами.

— Похоже, нам следует продолжить разговор в другом месте, — заметила Гизелла.

Тахор отодвинул принцессу в сторонку и склонился над пропастью.

— Ты права! — воскликнул он, но вместо того, чтобы перебросить пленницу через плечо и уносить ноги, вдруг быстро вскинул руки и прыгнул вниз.

Так, по крайней мере, показалось Гизелле.

От неожиданности она едва не устремилась вслед за ним, но тут ее кто-то схватил за руку, грубо и сильно. Но это было прикосновение не демона, а человека.

Гизелла обернулась. Конан! А она уже считала его погившим!

В руках у Конана был посох с черепом. Погоны матери пещерного племени.

11

Следуя за дикарями и Тахором, едва сдерживая ярость, Конан добрался до священной пещеры как раз тогда, когда женщина с большими грудями освободила Гизеллу для того, чтобы занять ее место. Битва дикарей с Тахором была в самом разгаре.

— Кхару! — призывала женщина, устроившись на обрубке дерева, разведя ноги и поводя бедрами. — Кхару!

Но мужчинам пещерного племени было не до этого. Они были увлечены только двумя, тесно связанными между собой целями — убить зеленокожего демона и выжить самим.

Появилась и третья цель, но ее заметили не все. И не сразу. Только после того, как двое погибли, увернувшись от Тахора и напоровшись на меч черноволосого гиганта.

Он убивал менее эффектно и гораздо медленнее, но был так же опасен, как демон. Люди пещерного племени впали в панику.

И, тем не менее, никто не сбежал. Ни Конан, ни Тахор не задавались этим вопросом, но суть была в том, что подземные дикари находились в святая святых своего дома, бежать было некуда, ибо эта пещера и была их первым и последним прибежищем. Во всем виновата была их глупая вера. Они быстро гибли под ударами двух врагов, не замечающих друг друга.

Раздался женский крик, отвлекший Конана и чуть не стоивший ему жизни. Хорошо, что дикарь споткнулся о камень и удар его дубины пришелся по пустому месту. Он не ожидал этого, и его повлекло вслед за дубиной, под меч киммерийца, до которого как раз дошло, что кричала не Гизелла, а грязная женщина с большими грудями. Увидев, что ситуация сложилась в его пользу, он быстро довел дело до финала, срубив противнику голову.

И тут же вынужден был упасть на землю, чтобы избежать удара хвоста Тахора. Хвост пронесся над ним, зацепив какого-то дикаря наверху, ло-

мая ему шею. Мертвое тело с лицом, обращенным к затылку, свалилось на Конана. Он выско- чил из-под него и разрубил грудь другому дика- рю, который держал увесистый камень над головой и вопил от ужаса.

Тахор склонился над женщиной, разодранной едва ли не надвое. Она, в некотором смысле, была еще жива. Тело дергалось в предсмертных конвульсиях.

— Ты этого хотела, тварь? — спросил демон у мертвей женщины, почти уткнувшись носом в ее развороченное горло.

Конана вполне устраивало, что Тахор не видит его. И киммериец хотел бы, чтобы так и продолжалось. Поэтому снова вжался в землю, слившись с окружающими камнями.

В пещере повисла тишина. Кажется, пещерное племя полностью было мертвым. В короткое время оно скопом пересекло рубеж смерти, оправившись за предел существования. Наверное, так для них было лучше. Вместе не так скучно и грустно в мрачной стране мертвых. И можно, по крайней мере, никому не завидовать.

Конан лежал среди камней и слышал тяжелое и шумное дыхание Тахора. Он принюхивался к выходам из пещеры, выслеживая свою сбежавшую плениницу.

Наконец, он принял решение и скрылся в одном из проходов. Подождав некоторое время, Конан встал и выпрямился во весь рост. Запах крови витал в пещере. Сладостный для избранных и гнетущий для большинства.

Сказители на рынках рассказывают, что в чернотогах Ареса, как называют его одни, или Одина, как называют другие, всегда стоит запах крови, ибо истинные воины, пирующие с богом войны за длинным дубовым столом, пьют не вино, а кровь. Сладкую кровь своих врагов.

— Настало время расплаты! — сказал шамкающий голос на коринфском языке. Это было настолько неожиданно и настолько не вязалось с окружающим, что Конан не поверил своим ушам. Похоже, удар камнем по голове не прошел бесследно, подумал он.

— Ты убил всех моих братьев! Зря я не добил тебя прежде! Но теперь, когда мы остались одни, я убью тебя, мерзкий подонок! Ты ответишь за все! — продолжал голос.

Конан огляделся и увидел говорившего, который сидел на корточках на верхушке камня почти под самым потолком.

Кожа у него была красной и бугристой, как будто его недавно сварили. Из приплюснутого, вогнутого носа торчали клочья седых волос. А изо рта торчали волчьи клыки. В руках он держал посох с черепом. Это был тот самый посох, которым потрясала женщина с большими грудями, когда Конан потерял сознание.

Говорить он кончил как раз в тот момент, когда Конан заметил его. Пару мгновений они пялились друг на друга, а потом клыкастый дикарь прыгнул на Конана.

Как оказалось, он был, пожалуй, самым быстрым и вертким из всего племени, и отлично

управлялся с посохом, как с пикой. Он сделал вперед молниеносный выпад. Конан увернулся, но был весьма удивлен стилем боя пещерного человека. Это не был стиль дикаря.

Он дрался, словно танцевал. Так дерутся актеры на сцене театра, увлекаясь больше красотой жеста, нежели его эффективностью.

Череп скользнул по камню и посыпалась искры. Хоть он и выглядел, как обычный человеческий череп, но на самом деле был из металла.

— Ты трус, раз бегаешь от меня! — издевательским тоном воскликнул клыкастый.

— Я никуда не бегаю, просто ты не можешь в меня попасть! Да ты не попал бы даже в слона с одного шага! — в тон ему крикнул Конан и хотнулся, чтобы еще подавить масла в огонь.

Он хотел разозлить противника. Впрочем, противник поступал точно так же. В этом смысле они друг друга стоили.

— Но ты не слон. Ты всего-навсего заяц, который скачет в разные стороны, не решаясь вступить в схватку с рысью! Ты мышь, бегущая от кота! Ты муха, бьющаяся в паутине!.. — разглагольствовал дикарь, наступая.

— Попробуй меня убить, а не болтай попусту! — воскликнула Конан. И пропустил резкий выпад. Череп боднул его в плечо, так что Конан крутанулся на месте, потеряв равновесие, и получил добавочный удар другим концом посоха под колени.

— Ты уже мертв! — заорал дикарь.

Конан упал на колени, а потом вынужден был

упасть на спину, чтобы уклониться от следующей атаки. Этот дикарь был удивительно быстр! Но он не учел, что противник ловко умеет управляться с большим мечом, и не совсем так, как общепринято. Он собирался ударить со всей силы металлическим черепом в лицо Конана, дабы превратить его в кровавое месиво, но киммериец молниеносным движением поднял меч с земли и разрезал ему щиколотку. Лезвие было настолько острым, что глубоко вошло в кость. Раздался треск, дикарь завопил от боли и свалился, выронив посох.

Конан поймал падающий посох, вскочил и еще раз воткнул свой меч во врага. На этот раз — в живот, пронзив печень. Клыкастый дикарь застонал и прокусил собственный подбородок, оттуда полилась кровь, а на лбу дикаря выступила испарина.

Он умолк, тяжело дыша. Потом спросил громким шепотом:

— Кто ты? Я хочу знать твое имя.

— Конан. А ты?

— У меня нет имени. Собственного имени. А называли меня множеством разных имен, лучшим из которых было «человек».

— Похоже, ты хочешь выговориться перед смертью, — сказал Конан. — Я с удовольствием послушаю тебя.

— Послушай, Конан. Ты не пожалеешь! Потом ты добьешь меня, но сейчас мне так много нужно сказать. Просто потому, что я устал от молчания. Здесь не принято говорить. Хоть и у всех

есть языки. Они только поют бессмысленные песни и бормочут бессмысленные молитвы. Поэтому я не говорил слишком долго. Не знаю, сколько именно. Здесь нет счета времени. Может, я здесь всего лишь год, а может десять лет. Но разве для мертвца есть разница? Я — изгой. Меня ненавидят друзья и презирают враги. А теперь я хочу умереть. Даже если бы я убил тебя... Я бы все равно потом покончил с собой.

— Ты в надежных руках, — заверил Конан. — Да и дальнейшая моя помощь, если честно, тебе уже не требуется. Ну, только если ты побыстрее хочешь отправиться на тот свет.

Клыкастый дикарь помотал головой.

— Нет, еще немного... Я родился таким. С этой кожей, которая не похожа на человеческую. Меня убили бы сразу, но мать спрятала меня, сказав, что я умер. Я жил в хлеву со свиньями и овцами и питался в основном тем же, чем они. Но я всегда хотел быть человеком. Не знаю, откуда во мне эта блажь. В безлунные ночи я выходил наружу — и слушал человеческие речи, которые удавалось мне услышать. Особенно я любил лежать под окнами монастыря, где жили ученые люди. И вот однажды я решил странствовать и не вернулся к утру в хлев. Мать решила, что меня разорвали волки или убили пещерные люди. Я украл одежду, которую сушили после стирки, и притворился странником. Я побывал в Аренджуне и Шадизаре. Я видел рынки и дворцы. Я видел прекраснейших женщин, но не смел к ним прикоснуться. Рай был вокруг меня, но

сам я был адом. Чтобы защитить себя, я учился сражаться у странствующих актеров из Китая. Я ни разу не разговаривал с ними, но наблюдал за всеми их представлениями, следя за ними из города в город, из села в село. И долгое время это помогало мне. Но однажды я убил пьяного задибу, который оказался переодетым в лохмотья, гуляющим сыном какого-то знатного вельможи. И так вышло, что из-за меня под пытками погибло много достойных и невинных людей. И я сказал себе, что мне нужно уйти из мира людей и больше никогда не возвращаться. Я решил сам пойти в преисподнюю, но по дороге наткнулся на пещерное племя. Я думал, что они убьют меня, но они, видя мое уродство, приняли меня за своего, и я стал их братом, а их мать стала и мне матерью. Но теперь у меня нет братьев и матери. Я снова одинок... Даже еще больше одинок, чем в хлеву, где вместе со мной жили овцы и свиньи.

Он замолчал, тяжело дыша. Потом закрыл глаза. Пожалуй, он все сказал, решил Конан, и хочет, чтобы ему помогли уйти. Он подождал еще немного, но никаких возражений или просьб от поверженного врага не последовало. Поэтому Конан выдернул меч из живота странника и одним ударом отсек ему голову.

Он завершил свой путь, не самый худший из путей, которым предназначено ходить людям.

Шаманский посох с металлическим черепом показался Конану неплохим оружием и он прихватил его с собой. Он запомнил, в каком из проходов скрылся Тахор, и направился за ним. Про-

ход был широким и высоким. Где-то впереди имелся источник кроваво-красного света, и стены искалились вкраплениями минералов.

Конан двигался осторожно, но быстро. Не следовало больше терять времени. И без того, он упустил порядочно времени, сражаясь с клыкастым странником.

История, которую рассказал странник в награду за свое убийство, была, конечно, занимательной. Но Конана гораздо больше волновали не истории, а живые люди. Особенно, если они были противоположного пола, молоды и красивы. С обладанием красавицей не сравнится ни одна, даже самая увлекательная история.

К любовному пылу примешивался еще и другой пыл. Конан терпеть не мог не добиваться цели. А он потратил на эту цель уже достаточно времени и сил и рисковал жизнью.

Но когда Конан увидел Тахора, то сразу понял, что ошибся, направившись за ним по следу. Гизеллы с демоном не было. Он стоял один, окруженный красным сиянием, склонив голову вниз, занятый чем-то так сильно, что не почувствовал запаха подкрадывающегося к нему человека. Конан быстро сообразил, что это за красное сияние вокруг Тахора. Зеленокожий демон стоял у выхода из пещеры. Только куда вел этот выход? Конан осторожно подобрался ближе, и разглядел, что перед Тахором пустота. Пожалуй, это был неплохой шанс. И медлить не стоило.

Конан поудобнее перехватил шаманский посох и принял как можно более устойчивое положение,

жение, так чтобы вложить в удар всю силу разбега и собственного веса.

Он уже было начал бег, расправившись в первом толчке, как мощная пружина, но вдруг увидел Гизеллу в объятиях Тахора. Она прильнула к демону, вися над пропастью.

— Хотела сбежать от меня? — спросил Тахор пленницу. — Так просто вот взять и разом покончить с собой? А как же все те муки, которые я тебе обещал?

И Тахор поставил принцессу перед собой на твердую почву.

Гизелла оглянулась через плечо и посмотрела вниз.

— Похоже, нам следует продолжить разговор в другом месте, — сказала она.

Тахор отодвинул принцессу в сторонку и склонился над пропастью. Удобный момент настал. Конан снова бросился вперед, и его таран в виде металлического черепа толкнул зеленокожего демона в спину с такой силой, что он взмахнул руками и полетел вниз.

Гизелла пошатнулась и едва не устремилась вслед за демоном, но Конан схватил ее за руку, с силой сжал ее. Принцесса обернулась. Улыбка появилась на ее прекрасном лице. Затмив прозрачный красный свет, словно во мглу преисподней заглянуло само солнце!

— Конан! — сказало солнце. — Я думала, ты погиб.

— Ну, убить меня еще никому не удавалось, — ответил Конан и посмотрел в пропасть.

Тахор повис на середине, опутанный щупальцами жутких подземных созданий, похожих на черепах. Он отчаянно сопротивлялся, и, несмотря на попытки чудовищ сожрать его, им пока не удалось отхватить ни одного кусочка. Единственное, что им удавалось, так это кусать самих себя, ибо Тахор весьма ловко уворачивался от кинжалоподобных зубов тварей, подставляя их собственные щупальца.

— Он позаботится о себе сам, — сказал Конан. — А нам нужно поискать выход.

На мгновение он встретился взглядом с взглядом зеленокожего демона. В них сквозили ненависть и гнев, которых хватило бы, чтобы повернуть в панический ужас добрый десяток огирских гвардейцев. Но Конан лишь ухмыльнулся. Взглядов он не боялся. Каких бы то ни было.

В темноте хода послышался пронзительный вопль. Конан напрягся и перехватил посох двумя руками, но в следующий миг расслабился. Он узнал этот вопль. Призыв знакомой обезьяны. Потом она сама вышла на свет. Вид у нее был весьма усталый.

Она протянула передние лапы к Конану, как ребенок, который хочет к отцу на руки. Киммериец поднял ее перед собой. Обезьяна продолжала что-то лопотать на своем языке, то и дело обнажая маленькие клыки и поводя глазами.

— Жаль, что мы не понимаем тебя, мальчиш, — вздохнул Конан.

Зверек вдруг замолчал, словно понял, что разговаривать с этими людьми бесполезно, и заворо-

чался в руках Конана, прося опустить его на землю. Оказавшись на земле, он указал маленьким черным пальцем вглубь хода и направился туда.

— Надеюсь, твоя обезьяна знает, куда идет, — сказала Гизелла.

— Я тоже, — ответил Конан и, подняв принцессу на руки, пошел вслед за обезьянкой.

12

Мать Тахора, умирая, оставила ему в наследство только свое тело, но тело вполне роскошное. Она была женщиной тучной, и в ней было много мяса и жира, этого хватило, чтобы вскормить быстро растущего сына. Кроме того, в пещере было холодно, и мать сумела сохраниться съедобной достаточно долго, чтобы сын окреп и научился добывать пищу самостоятельно. Когда от матери еще немного оставалось, он уже понемногу разнообразил свой стол летучими мышами, змеями и насекомыми. Он даже не стал грызть ее череп, а некоторое время носил с собой, соорудив тесемку из змейных кож и надев себе на шею. Он был хорошим сыном, и никогда бы не догадался, что его кормление и взросление весьма серьезно отличаются от свойственных человеку.

Но все равно это было хорошее кормление! И оно дало отличные результаты. Тахор вырос быстрым, сильным и ловким. И умел справляться с любыми опасностями. Почти с любыми. До поры до времени он считал, что со всеми, которые исходят от живых существ, кем бы они ни были.

Но выяснилось, что есть исключение. Некоторые особо коварные люди, это раз, и пещерные огненные спруты, два.

Щупальцев было слишком много. Тахор справлялся с десятком одних, но за это время десяток других уже держал его.

Он начал уставать, несмотря на всю свою демоническую мощь. Но сдаваться не собирался. Слишком ужасна для бессмертного существа перспектива оказаться разорванным на мелкие кусочки и съеденным.

В конце концов, один из огненных спрутов все-таки добрался до Тахора. Длинные, похожие на кинжалы, зубы впились в бедро демона и выдralи немаленький кусок мяса. Тотчас другие спруты попытались отнять у сородича добычу и ослабили напор на Тахора.

Шупальцев, державших демона, поубавилось — осталось ровно столько, сколько было конечностей у него — шесть. И Тахор не преминул воспользоваться ситуацией. Одним резким движением он вырвался — присоски щупальцев чмокнули и выпустили его. И зеленокожий демон оказался в состоянии свободного полета вниз.

Наслаждался свободой он недолго. Ибо не успел даже как следует торжествующе воскликнуть, как с шумом плюхнулся в огненную реку раскаленной лавы. И если бы был человеком, то мгновенно сгорел. Но он человеком не был, поэтому только взывал от страшной боли, когда огонь охватил всю его плоть, проникнув даже

внутрь, превратив в живой язык пламени, и поплыл к берегу.

Лава намного вязче воды, поэтому Тахор плыл медленно, как будто во сне. Продолжая гореть и чувствовать адскую боль. И он не знал, радоваться ли ему, что он бессмертный, или огорчаться и проклинать своего отца за то, что он сделал его таким.

Выбравшись на берег, Тахор пополз, оставляя за собой огненные следы. Горящий, расплавленный камень стекал с него. Тахор выглядел как сильно переваренная рыба. Жалкий, дымящийся скелет с ошметками плоти. Куски, которые он потерял, медленно подползали к нему и забирались на место. Кроме того куска, что съели огненные спруты. Он пока что был разделен на мелкие части, пережеван и проглочен. И все еще не выбрался наружу естественным путем.

Содрогаясь от боли, Тахор лег на спину и уставиля на стену, с которой упал. На два отверстия в ней, с нижнего из которых он вытащил Гизеллу, стоя в верхнем.

Коварный варвар с голубыми глазами! Ты отобрал мою Гизеллу, мою принцессу, но я с тобой еще встречусь, я еще посмотрю, какого цвета твоя кровь!

Правда, желания пока не совпадали с возможностями. Наверх, к проходу в скале, по которому Гизелла сбежала с варваром, отсюда было не забраться. Погоню не возобновить. Жаль, что у Тахора нет крыльев или хотя бы присосок, как у огненных спрутов. След потерян, остается наде-

яться только на магические способы выслеживания, которыми владеет отец, или на вторую попытку. Однако получив такой убедительный жестокий урок, Гизелла, скорее всего, надолго спрячется во дворце, будет сидеть в собственных покоях, боясь высунуть наружу даже нос. А отец сказал, что она нужна ему немедленно, во что бы то ни стало.

Значит, остается единственная надежда. И надо поговорить с отцом. Другого пути все равно нет. Отец, конечно, будет крайне недоволен. И все муки, которые Тахор обещал Гизелле, достанутся ему самому.

Тахор со стоном перевернулся набок, потом оперся на руку и сел на колени, приняв позу, похожую на молитвенную позу стигийских жрецов.

На лице его отражался красный свет текущей лавы. Он положил ладони на колени, обернув вокруг себя хвост и низко склонил голову.

— Отец мой! — тихо сказал он. — Прошу тебя о снисхождении. Окажи мне милость, внемли моему призыву. Поговори со мной.

Потом он расправил хвост, поднял его и принялся раскачивать его из стороны в сторону, быстро вращая кончиком. Воздух отзывался вибрирующим звуком.

— Отец мой! — повторил Тахор. — Поговори со мной!

Отец, наверное, ждал, иначе не пришел бы на зов так быстро. Он явился в облаке красного света над потоком лавы. Он тоже выглядел как человек. Тахор был всего лишь его подобием. Но

подобием, на которое пожалели материала и красок. Ибо, по сравнению с отцом, Тахор, даже в обычном своем виде, выглядел, как нищий по сравнению с царем. У отца было округлое тучное тело, лоснящееся от жира, огромные, лежащие на плечах уши, рот, как у лягушки, такого же, как он, размера, шесть длинных толстых рук, не имеющих локтей и кистей, гибких, словно змеи, и ноги, подобные слоновьим. Кожа была розовой, как у младенца, пупок глубоким, и на теле не имелось ни волос, ни родинок.

— Что случилось? Я ждал тебя. Ты должен был уже прийти, — спросил отец. — Где тебя носит? И где наша принцесса? Почему я не вижу ее рядом с тобой?

Тахор поклонился отцу, ударившись лбом в пол и, не смея поднять взгляда, так и остался.

— Она не со мной, — глухим голосом признался он. — Я упустил ее.

— Подними голову, смотри на меня, когда со мной разговариваешь! — прокричал отец. — Отвечай!

Тахор повиновался. Смотреть на отца было страшно. Он весь трялся от гнева. Огромный живот ходуном ходил из стороны в сторону, а во взгляде можно было бы сгореть, если бы Тахор уже не сгорел.

— Я упустил Гизеллу... — повторил Тахор.

— Как ты смеешь мне это говорить? И почему ты в таком виде? Я вижу, ты в процессе возрождения, так как же тебя угораздило попасть в столь серьезную переделку?

— Меня столкнул в лавовую реку человек, к тому же по пути вниз меня изрядно потрепали огненные спруты... — объяснил Тахор.

Отец расхохотался. Все шесть его рук одновременно поднялись, как у паука, который прыгает на свою добычу, и звонко шлепнули по животу.

— Человек? Тебя скинул в пропасть человек?

— Да, отец. Он вероломно подобрался ко мне сзади, и столкнул с обрыва. Он очень силен, отец. Я не знал, что люди могут быть такими сильными.

— Люди используют различные орудия, увеличивающие их силу. Думаю, твой человечек столкнул тебя с помощью какого-то орудия. Вряд ли он сумел бы сделать это голыми руками... И что, наша принцесса, конечно, убежала с ним?

Тахор кивнул. Отец вдруг помрачнел, как тучи перед бурей. Несмотря на жару, Тахора пробрал холод, настолько темным сделалось лицо отца.

— О, глупец! Ты же погубил ее! А погубив ее, ты погубил и себя. Ты связан с ней невидимыми узами, и эти узы не разорвать. Этого не могут сделать даже боги!

— Но я на все готов, чтобы спасти ее! — воскликнул Тахор.

— И себя, — добавил отец.

— Скажи мне, и я сделаю то, что ты скажешь.

— Ты должен разбудить каменного пса.

— Но, отец, ведь каменный пес не управляем!

— Зато он легко может передвигаться сквозь скалы, а главное для нас — чует сквозь скалы. Он почувствует людей с верхнего мира, которых очень не любит. Пахнут они по-другому, так что пес не ошибется. Ярость поведет его. А ты пойдешь за ним.

— А что мне делать, когда он доберется до них? Он же разорвет Гизеллу на части!

Отец улыбнулся.

— Об этом не беспокойся. Просто покорми его. Отдай ему свою руку, он начнет жрать и забудет о людях. Кстати, заодно и тебе маленькое наказание за большой проступок.

Правая рука Тахора заранее заныла. Нет, решил он, лучше отдам левую. Как и большинство людей, он был правшой.

13

Внутри земли есть полости, подобно тому, как в морях есть острова. И так же, как острова, эти полости бывают различных размеров, только высота их измеряется не расстоянием от поверхности моря до вершины самой высокой горы, а расстоянием между полом и потолком, как в комнате.

Обезьяна привела Конана и принцессу в не самую большую из существующих под землей комнат, но и она была больше, чем даже тронный зал в самом роскошном из дворцов правителей земли.

Все здесь было исполинских размеров, будто

люди стали в сто раз меньше, они чувствовали себя так, словно попали во дворец великанов. Гигантские сталактиты свисали с потолка, а им на встречу из черных вод подземного озера поднимались не менее гигантские сталагмиты, словно остроконечные шлемы утонувших воинов-исполнников.

По одной из стен струилась вода. Она вытекала из нескольких отверстий наверху, спускалась по уступам, постепенно сливаясь в один широкий поток, а на середине пути до озера, ударяясь о длинный широкий карниз, образовывала водопад.

Зрелище завораживало. Вода падала тонким ровным слоем, как будто искусно раскатанное вендинское стекло, и отражала призрачный свет, умножая его. Свет исходил от множества светящихся улиток, скопившихся в нескольких местах на потолке яркими огненными пятнами.

Обезьяна вскрикнула, показала черным пальцем на водопад и побежала вперевалку по узкому карнизу, идущему вдоль стены. Поверхность карниза имела небольшой склон в сторону пропасти. Кроме того, камень здесь всюду был покрыт инеем, что делало его скользким. Тем не менее, маленький зверек бежал, как будто по ровной тропинке в лесу. Но, видимо, для него это и был лес. Он ведь родился и вырос снежной обезьянкой, и привык карабкаться по скользким ледяным склонам, совершенно не боясь высоты.

— С тобой на руках мне здесь не пройти, — сказал Конан. — Иди вперед. Не бойся. Я тебя поддержу. — Конан опустил Гизеллу на землю.

— Нет, нет! Я не пойду за этой тварью! Твоя обезьяна сама не знает, куда идет! — вдруг взвизгнув, завопила Гизелла. Впрочем, как и подобает настоящей принцессе, изнеженной жизнью во дворце, избалованной и не привыкшей к трудностям.

Конан удивленно взглянул на нее. Такой он ее еще не видел. У нее было выражение лица маленькой девочки из знатной семьи, которой предложили отведать грубого крестьянского хлеба.

— Не пойду! — еще более капризным тоном заявила Гизелла.

Конан пожал плечами.

— Как хочешь. Можешь оставаться, — сказал он и шагнул на карниз, не обращая больше на нее внимания.

— Конан! — завопила принцесса.

Он молча уступил ей дорогу, по-прежнему не глядя на нее.

— Ты отвратительный, грязный тип! От тебя воняет, как от свиньи! — сверкая глазами, срывающимся голосом произнесла Гизелла.

Конан ухмыльнулся.

— А ты давно смотрелась в зеркало, принцесса? — спросил он, наконец, взглянув на нее.

Гизелла сжала кулаки и едва не задохнулась от гнева. Ее затрясло, как от лихорадки. У нее уже больше не осталось слов, которыми можно было бы хоть сколько-нибудь выразить охватившее ее чувство.

— Нас ждут, госпожа, — притворно учтиво поклонившись, повторил Конан.

Гизелла прикрыла глаза и несколько раз глубоко вдохнула, попытавшись унять дрожь. Рука Конана осторожно коснулась ее плеча. Она вздрогнула и дернула плечом, опасно пошатнувшись над пропастью.

— Ты заснула? — осведомился Конан.

— Нет, я не сплю! — раздраженно ответила Гизелла.

Она еще раз глубоко вдохнула и ступила на карниз, прижавшись к холодному камню грудью, щекой и руками. Надо было идти, ей было бы невыносимо выслушивать от Конана издевательские слова, которые он, наверняка бы, не преминул сказать, если бы она слишком долго оставалась на месте.

Гизелла осторожно передвинула левую ногу, потом правую, снова левую, и тихонечко поползла вдоль стены всем телом. Не удержавшись, она посмотрела назад, на выступ, с которого только что сошла — и тотчас страх высоты ледяными пальцами пощекотал ее меж лопатками. Она осознала, что за спиной у нее пропасть.

— Не оглядывайся! — крикнул Конан.

Она не оглядывалась, но она знала, что далеко внизу из черной воды выступают каменные клыки, ждущие ее крови. Она словно уже слышала собственный крик, слышала свист рассекаемого падающим телом воздуха, и главное — слышала хруст разрываемой острием плоти.

— Просто забудь о том, что у карниза есть другая сторона, думай только о том, как бы понежнее и поплотнее прижаться к стене, — сказал

Конан. — Представь себе, что эта стена — твой любовник.

— У меня нет любовника! — возмутилась Гизелла.

— Ну тогда прижмись, как будто от этого зависит твоя жизнь!

— Но ведь от этого действительно зависит моя жизнь!

— Ну что, поняла?

— По-моему, ты глупец, Конан. Большего глупца я в жизни не встречала.

— Если бы ты встретила такого же глупца, то у тебя был бы любовник, — уверенно заявил Конан.

Гизелла фыркнула и двинулась по карнизу дальше. Она никак не могла решить, что всем этим хотел сказать Конан. Но в одном она была точно уверена — в глупости она обвинила его зря.

Она уже привыкла передвигаться столь необычным способом и перестала находить это невозможнно тяжелым, как вдруг ситуация изменилась. Впереди карниз становился все более и более узким и сходил на нет.

Обезьяна на мгновение остановилась, потом прыгнула. В первый момент Гизелла подумала, что зверек решил покончить с собой, но вдруг снова увидела его бегущим. Этот карниз прерывался, зато внизу был другой. Пожалуй, даже более широкий.

Гизелла тоже остановилась. Но не на мгновение. Она повернула голову к Конану.

— Я не смогу здесь пройти. Мне так далеко не прыгнуть! — заявила она.

Конан кинулся назад, разглядывая стену перед Гизеллой. Она не могла на это смотреть — и уткнулась взглядом в камень.

— Да, ты права, мы не такие маленькие и легкие, чтобы сделать такой прыжок, — сообщил он.

— Что же делать, Конан? Мы пойдем назад?

Он не отвечал. Она снова решилась на него взглянуть.

— Пойдем по стене, — сказал Конан. — Смотри, вон там есть пара трещин, за которые можно уцепиться. Они выглядят вполне надежными. Но придется работать только руками.

— У меня слишком слабые руки, ничего не получится, — сказала принцесса.

— Получится. Тебе ведь не надо висеть на руках. Твой вес поддержит скала, а тебе всего лишь надо по ней проползти. На самом деле стена только кажется отвесной.

Гизелла замотала головой.

— Нет, нет, Конан! Давай поищем другой путь. Наверняка есть другие пути. Не может не быть!

Конан молчал. И когда молчание стало невыносимым, Гизелла оторвалась от созерцания камня и снова взглянула на спутника. Он уже не стоял на карнизе, а распластался на скале на пару локтей выше. Он как будто собирался проползти по скале над головой принцессы.

— Конан! — взвизгнула она.

Он не отвечал, продолжая передвигаться. На

руку Гизеллы из-под его ноги посыпалось мелкие камешки. Гизелла скривилась — это ведь совершенно невыносимо, что он себе позволяет!

— Подожди! — сказала она.

Конан остановился. Гизелла присмотрелась к скале и заметила трещины, о которых он говорил. Она шагнула в пустоту и зацепилась за верхнюю трещину, потом нашупала ногой нижнюю и перевела дух. Она еще толком не решила, как относиться к Конану — ненавидеть или любить. Так же она не знала, в какой степени следует делать и то, и другое. Пожалуй, увлекаться в любом случае не стоит.

Гизелла передвинулась еще немного. Руки ужасно болели. Словно их долго выворачивали палачи-дознаватели. Внезапно Гизелла осознала, что находится не вертикально, а боком по отношению к пропасти. От этого ее охватил новый ужас. И она снова не могла заставить себя сдвинуться с места.

— Честно говоря, принцесса, я бы на твоем месте не увлекался. В таком положении долго не протянуть, — раздался голос Конана совсем рядом.

Ненавидеть, решила Гизелла. Все-таки ненавидеть. Но не так, чтобы совсем. А ровно столько, чтобы назло ему, рискуя сорваться, быстро одолеть оставшееся до нижнего карниза расстояние и пойти по нему, вперед лицом, даже не касаясь руками скалы.

Когда отец, закончив беседу, растворился в красном свете лавовой реки, Тахор заметил столпившихся на другом берегу огненных спрутов. Время от времени то один, то другой вздрагивали и воздевали кверху шупальца, словно плачальщицы на похоронах. Они действовали, четко сообразуясь друг с другом, как профессиональные танцоры. У них не было личных разумов, только коллективный, один на всех, вот поэтому движения получались идеально слаженными.

Тахор в основном закончил возрождаться. Он чувствовал себя намного лучше, чем когда начинал разговаривать с отцом. Только вот кое-чего все равно недоставало. Тахор взглянул на бедро. Отсутствовал солидный кусок. И Тахор хорошо знал, где он.

— Эй, я хочу мой кусок мяса обратно! — громко крикнул Тахор через лавовую реку.

Огненные спруты вдруг завертелись, будто флюгеры под вихрем, и панцири их затрещали. А потом один за другим стали лопаться. Тахор торжествующе улыбался. Из лопнувших панцирей вытекала мягкая плоть спрутов, стекая к огненной реке и сгорая в ней навсегда. Тахор захочтал.

Не на того напали! Мясо Тахора не ядовито, но его нельзя переварить. Кроме того, оно отзывается на призыв хозяина и пробивается через все преграды. Съесть мясо Тахора все равно, что проглотить клубок пиявок, не разжевывая.

На берегу, после того, как мякоть огненных спрутов стекала в лаву, оставались маленькие кусочки демонической плоти, которые подползали друг к другу и соединялись, пока не образовали единое целое. Кусок бедра Тахора.

Огненные спруты еще некоторое время подрагивали, но уже не шевелили шупальцами. От жадности каждый из них съел хотя бы по маленькому кусочку от Тахора — и вот теперь все поплатились за это. Кусок бедра Тахора подполз к мертвцам и стал толкать их к лавовой реке.

Это было невыносимо больно. Так же больно, как человеку, когда его четвертуют, но человек может умереть от боли и прекратить мучения, а Тахор умереть не мог. Это был самый ужасный из даров отца — бессмертие. Отец обещал, что когда-нибудь Тахор научится умирать, но пока этого не происходило. Пока он даже не умел терять сознание. И спать тоже не умел.

Кусок бедра Тахора дотолкал первого из спрутов и тот медленно закружился в лаве. Теперь следовало действовать как можно быстрее. Один за другим, благодаря неимоверным усилиям Тахора, мертвцы погружались в лаву, образовывая плавучий мост через огненную реку. Мост относило течением, но достаточно медленно, чтобы мост постепенно приближался к другому берегу. И в тот момент, когда последний из спрутов погрузился в лаву, мост был полностью выстроен.

Тахор вскочил и бросился к мосту, чтобы удержать его со своей стороны, а навстречу ему поспешила его недостающая часть, изрядный ку-

сок бедра. Перебравшись, кусок сначала вполз хозяину на голову, и только потом уже спустился на место и врос.

Боль прошла. Тахор вздохнул с облегчением. Нет, все-таки бессмертие, это не такой уж ужасный дар, каким он кажется во время приступов боли. И в некоторых случаях, в общем-то, даже весьма приятен.

15

Тонкий слой воды, как оказалось, падает на некотором удалении от стены, минуя карниз. Обезьяна, шедшая по карнизу, вдруг куда-то исчезла, затем появилась вновь.

— Там ход! — сказал Конан.

Обезьяна быстро пробормотала что-то на своем языке и скрылась. Гизелла поторопилась последовать зверьку, она слишком устала чувствовать за спиной пропасть — и снова, как в самом начале, едва не сверзилась в нее.

— Осторожнее! — крикнул Конан.

Гизелла остановилась. Так, сказала она себе, чувствуя сильную дрожь в коленках, торопиться не нужно. Особенно, когда путь чересчур узкий и скользкий. Это как путь через мост смерти. По обе стороны от которого пропасти, на дне которых ад, кругом кривляются и кричат воплотившиеся в уродцев грехи, пытаясь совлечь идущего, а впереди светит прекраснейший образ рая.

— Ну? — нетерпеливо сказал Конан.

— Уже иду, — отозвалась Гизелла.

86

Она улыбнулась. Значит, не одной ей хочется поскорее оказаться в относительной безопасности!

Войдя под водопад, Гизелла почувствовала на спине ледяные брызги. Они соединялись в капли и ледяными дорожками ползли по спине и ниже. Как ни странно, Гизелла даже испытала некоторое удовольствие. Значит, не зря Тахор говорил, что она полюбит боль. И даже помочь Тахора не понадобилась.

Обезьяна снова высунулась. Гизелла вдруг обнаружила, что дошла. Выход был здесь. Он представлял собой небольшой лаз, в который человеку можно было втиснуться только ползком.

— Ну что там опять такое, принцесса? — спросил Конан.

— Тут ход. Но очень маленький. Где-то на уровне моих колен.

— Ну так вползай! — поторопил Конан.

— Я не уверена... Я не знаю, как. Если я попытаюсь согнуться, чтобы попасть в него головой, я почти всем весом буду над пропастью, и всей спиной в ледяной воде.

— Ничего подобного. Тебе просто надо осться стоять на одной ноге. Развернись боком, опусти одну ногу с карниза, присядь и вползай, — объяснил Конан.

Гизелла покраснела. Хорошо, что в красном свете он этого не видит. Какая же она глупая, что не додумалась до этого сама!

Она поступила так, как советовал киммериец, и с трудом, но все же оказалась на четвереньках

87

в лазе. Преодолев несколько шагов, она вспомнила, что голая, и покраснела еще больше. Он же все увидит! Какой стыд для принцессы!

Это заставило Гизеллу двигаться быстрее. Может быть, лаз кончится, прежде чем Конан догонит ее. Но киммериец тоже спешил.

Хорошо, что тьма сгустилась раньше, чем Конан приблизился! Главным виновником быстрого наступления тьмы являлся он сам, закрыв собой доступ свету. Обезьяна пищала где-то впереди. Гизелла уже совсем ничего не видела. Но продолжала двигаться с прежней скоростью. Лаз повернулся, потом вдруг кончился. Гизелла уперлась головой в стену. Обезьяна вскрикнула вроде бы сверху. Принцесса выпрямилась. И почувствовала, как Конан взял ее за плечо.

— Теперь я пойду впереди, — сказал он. — Пожалуй, нам надо подниматься. Но зато здесь можно почти выпрямиться. Я воспользуюсь мечом, чтобы прощупывать путь перед нами.

Меч лязгнул о камень. Гизелла вздрогнула.

— Надеюсь, малыш не вздумает возвращаться за нами, а то напорется на мой меч, — сказал Конан и двинулся вперед.

Гизелла протянула вперед руку и ухватилась за его набедренную повязку.

— Не сейчас, принцесса, — заявил киммериец.

Гизелла с возмущением отдернула руку. Этот варвар просто обожает говорить непристойности! Она хотела бы приструнить его, но не могла найти подходящих слов.

Некоторое время они молчали. Потом Гизелле

показалось, что светает. Или это обман зрения? Она вдруг услышала знакомый шум. Неужели они снова вернулись к водопаду в большой пещере?

— Слышишь? — спросил Конан.

— Вода, — сказала Гизелла.

— Но мы точно не могли вернуться к водопаду, — заявил Конан.

Свет, который, как вскоре оказалось, не был обманом зрения, был здесь другой, не красный свет огненных улиток, а белый, словно дневной. Сердце Гизеллы сжалось от надежды.

— О, как бы я хотела... — пробормотала она.

Она вдруг почувствовала холод и голод. Долгое время она не помнила о них, а тут они пришли вместе разом и принялись измываться над телом принцессы. Она задрожала. Слезы потекли у нее из глаз.

Обезьянка впереди громко и радостно заверещала. Конан ускорил шаг.

— Гизелла, смотри! — воскликнул он.

И действительно было на что смотреть. Выйдя из узкой шахты, они оказались в начале огромной пещеры, которая тянулась, сколько можно было видеть. По дну пещеры текла широкая река с чистой прозрачной водой. А сверху, в несколько отверстий проникал солнечный свет. Пещера была словно анфилада, потолок которой поддерживается солнечными столбами. И стены сверкали мириадами разноцветных минералов! Слезы еще больше хлынули из глаз Гизеллы. Она поймала себя на том, что по-детски счастливо улыбается.

— Солнце! — сказал Конан. — Значит, скоро мы выберемся отсюда.

Гизелла посмотрела сначала на киммерийца, потом на солнечную анфиладу. И то, и другое, в сочетании с только что сказанными словами, вернуло принцессу к насущным проблемам. Мысль о реальности вытеснила из ее ошелевшей головы детское счастье от маленькой радости и ткнула носом в трудное и неприятное будущее.

— Мы полезем по этим отвесным стенам? — спросила она, уже зная очевидный ответ.

— Другого пути все равно нет, — сообщил Конан.

— Но тут же очень высоко! И эти стены выглядят слишком гладкими! — возразила принцесса.

— Только на первый взгляд, — сказал Конан.

Гизелле захотелось пить. Она подошла к подводной реке, через несколько шагов скрывавшейся под скалу, чтобы, скорее всего, выплыть тонким водопадом в красной пещере внизу, и склонилась над ней, глядя в свое неверное, колеблющееся отражение. Несмотря на сумрак и издержки подвижной отражающей поверхности, кое-что о том, как в настоящий момент она выглядит, принцесса могла понять.

Зрелище было непривлекательным. Многочисленные царапины, синяки, ссадины придавали ее обнаженному телу вид слишком потрепанный, чтобы можно было принять ее за принцессу. Пожалуй, она и сама не признала бы себя, если бы встретила. Она бы скривила нос и приказала себе выпороть, чтобы излечить от безумия.

И как только этой чумазой девчонке могла прийти в голову такая шальная мысль!

Принцесса встала на колени, собираясь умыться. Но когда она зачерпнула в сложенные ладочкой ладони ледяной воды, решимость ее сильно поубавилась, и поднося ладони к лицу, она растеряла большую часть воды, едва намочив лицо.

Холод прорвал ее до костей. Она снова ощущала себя беспомощной и уязвимой, снова боялась смотреть по сторонам, чтобы не наткнуться на что-то еще более ужасное, чем она видела перед собой.

— Умываться не стоит, принцесса, — сказал Конан. — А то ты совсем прогонишь!

Гизелла обернулась на киммерийца с благодарностью, собираясь даже сказать, что она щедро наградит его, когда они окажутся в Шадизаре, но едва открыла рот, как ужас охватил ее. Она так и застыла с полуоткрытым ртом.

— Гизелла?! — Конан обернулся и увидел тоже, что и она.

Из каменной стены выступала морда зверя. То ли волка, то ли льва, то ли еще какого-то свирепого хищника. И морда эта была тоже каменной.

Морда пошевелилась, будто бы невидящие серые каменные глаза уставились на Конана и Гизеллу. Раскрылась огромная пасть, полная зубов, которые вырастали тем больше, чем шире раскрывалась пасть, и пещеру огласил ужасный раскатистый рык.

Каменный пес на самом деле мало походил на пса. Но был свиреп, как самый жестокий из псов. У него не было конечностей. Он передвигался всем телом, как амеба. Только амеба эта была из жидкого камня.

Люди из верхнего мира, того, что попеременно находится то под солнцем, то под луной, пытались убить его, когда он был совсем маленьким. Он был настолько глуп, что не боялся людей и подходил к ним слишком близко. Коварные люди заманили его в ловушку — глубокую яму и стали сначала заливать водой, правильно рассудив, что существо из камня не может плавать. Но они не учли, что он также не умеет и дышать. Так что ему все равно, где находится — на воздухе или под водой. Увидев, что он ползает по дну, люди сверху закричали и принялись заваливать его камнями. Глупцы, камни — вообще его родная среда. И все же он еще не понимал, что люди ненавидят его, он думал — это такая игра. Он радовался, что люди играют с ним. Но когда он выбрался наружу, нашелся среди них один великий умник, который предложил заточить его внутрь металла. И каменного пса накрыли бронзовым котлом, потом быстро перевернули котел и закупорили крышкой с тяжелым замком. Сквозь металл каменный пес не мог проникать. Он принялся метаться внутри, и вдруг понял, что заперт. Это случилось впервые с момента его появления на свет. Никогда преж-

де он не лишался свободы, и не знал, что это такое. Жуткая боль охватила все его существо. И он начал понимать, что игра зашла слишком далеко. И что, на самом деле, это вообще не игра. С самого начала не была игрой. Годы проходили за годами, а он все еще сидел в бронзовом кotle, и боль не проходила. Мало-помалу к нему все чаще стали приходить спасительные сны, где он снова путешествовал сквозь скалы, бродил в горах, погружался в глубины земли, и во всех этих снах он преследовал людей из верхнего мира. Это было единственной целью его жизни во сне. Он учился ненавидеть, и за долгие годы освоил эту трудную науку в совершенстве.

Свободу он обрел благодаря человеческому любопытству. Прошло десять, а может быть сто лет или больше, этого он не знал, когда какому-то юноше пришло в голову узнать, что же за тайну хранят в бронзовом котле предки. И вот однажды безлунной ночью, которую так любят воры и чудовища, а так же безмозглые искатели приключений, он пробрался в кладовую маленького храма, где хранился котел, и открыл замок. Неизвестно, каким образом он заполучил ключ, но, видимо, в этом селении не один он был глуп.

Каменный пес выпрыгнул, сожрал любопытного юношу, и, увеличившись как раз на его массу, устремился в горы.

Он очень боялся металла, боялся, что его снова заточат, поэтому не сожрал все селение целиком. Но позже, странствуя под землей, решил все же вернуться. Ненависть клокотала в нем, слов-

но лава в жерле вулкана. Он лелеял ее настолько, что, даже решив отомстить людям из верхнего мира, не направился мстить сразу. Он хотел сполна насладиться ненавистью. И поэтому пропустил удобный момент. А когда случайно повстречался с шестируким демоном, похожим на огромного разжиревшего младенца, который был во много раз старше его, то и вовсе утратил эту возможность. По крайней мере, на долгое время.

Ибо шестирукий демон могущественным заклинанием усыпал его. И теперь каменный пес мог вновь сколько угодно предаваться мечтательной ненависти в своем сне. Правда, его сон стал непрерывным, в отличие от коротких снов в бронзовом котле, прерывающихся мучительными пробуждениями. И пес забыл о том, что спит.

17

Разбудить каменного пса намного сложнее, чем усыпить. Так, по крайней мере, казалось Тахору. Когда отец рассказывал, как он усыпал пса, ему понадобилось на это всего одна стражка, а чтобы объяснить, как следует его будить, у него ушел целый час.

Для того чтобы разбудить пса, требовался человеческий труп. Ну, с этим проблем не было.

Тахор взял труп из священной пещеры подземных дикарей и направился к месту упокоения каменного пса. Он спал наверху, в ледяной пещере. Среди глыб полупрозрачного зеленоватого льда покоилось его серое тело.

Тахор разобрал труп, отобрав нужное, и выкинул ненужное. Он старательно натягивал жилы иставил распорки из костей, сооружая сеть-ловушку для последнего сновидения каменного пса. «Если не поймать его сон, — говорил отец, — пес никогда не проснется. Поэтому ловушка должна быть очень надежной».

Он научил Тахора, как сделать хорошую ловушку для сновидений. Прежде всего, она должна быть правильно расположена по сторонам света. Четыре конца ловушки должны соответствовать югу, востоку, северу и западу. На юге — кости рук, на востоке — позвоночник, на севере — череп, на западе — берцовые кости.

Затем нужно растянуть жилы так, чтобы они образовали квадрат с углами по сторонам света, а внутри квадрата крест. В центре следует поместить сердце.

Затем нужно заставить выйти сновидение из каменного пса. Эта часть представлялась Тахору наиболее сложной.

Ледяная пещера с одной стороны была распахнута навстречу небу и солнцу.

Тахор вынужден был остановиться, когда вышел в нее. После постоянной полутишины даже неяркий солнечный свет казался ослепительным. Отражаясь в зеленоватом льду свет делался еще сильнее.

Серая глыба каменного пса на первый взгляд была неподвижной. Но Тахор знал, что это не так. Пес ворочался во сне, переворачивался на другой бок, крутился, но все это настолько мед-

ленно, что заметить было невозможно. Разве что черепаха смогла бы что-нибудь разглядеть.

Тахор сбросил с плеча труп и принялся строить ловушку по всем правилам. Когда сновидение выйдет, оно будет еще очень тяжелым и не сможет передвигаться по воздуху, как объяснил отец; а только ползком, на брюхе по земле. И оно непременно попадется в ловушку, а потом стоит подуть на него, как оно развеется словно туман. Не станет сновидения — не станет и сна. Каменный пес проснется.

Завершив приготовления, Тахор встал перед серой глыбой и склонился над ней, возложив на нее руки. Заклинание, которое следовало произнести, чтобы сновидение вышло из пса, он сначала повторил про себя и только потом произнес вслух:

— Вода и огонь, появляясь во сне, даруют спящему все ощущения жизни, но взгляните на спящего скитальца, блуждающего во сне в Нижнем мире, и в Верхнем мире, и в Среднем мире. Тревожно чело его! Видит он царей и сторожевые башни, видит богов и жуков, видит рыб и зверей, видит птиц и змей, но не в силах вкусить от сладостей жизни ни меда, ни хлеба, ни масла, ни вина. Труден путь его во тьме. Язык его неподвижен, руки его сжимают пустоту, и ни добрые, ни злые слова не могут выйти из него, кружась в нем, как кружится в клетке пойманный волк! О, волк сновидения, прошу тебя, послушай того, кто находится извне, послушай того, кто не спит! Проснись, проснись!

Глыба дрогнула, заметно пошевелилась, потом наверху появилось вздутие, оно увеличилось до полусфера и еще чуть больше, замерло на мгновение и вдруг скользнуло вниз. Каменным шаром отделилось от глыбы, но тут же потеряло форму и серой лужицей потекло в ловушку.

Сновидение! Тахор даже не представлял себе, что оно будет таким. Если честно, он вообще не задумывался, каким оно будет, но его страшно удивило, что оно вот такое. Сновидение доползло до черепа, обогнуло его и устремилось к сердцу. Достигнув сердца, оно закрутилось вокруг него, начав снова подниматься, и на этот раз все-таки стало шаром. Огромным серым шаром, намного больше по объему, чем лужица, из которой он образовался.

Тахор уже был рядом. Он набрал в легкие побольше воздуха и дунул. Шар сновидения распался на лоскутки, затрепетавшие в воздухе, как клочки облака, развеянного ветром. И сновидение исчезло.

Каменный пес задрожал всем телом. Глыба развернулась. Потом снизу появилось что-то вроде львиной морды. Только не настоящего льва, а каменного. Пасть широко открылась, и раздался шумный выдох, будто открыли огромную бочку с пивом. Но вдоха не последовало. Пес дышать не умел, воздух ему требовался, только чтобы нюхать его и издавать звуки.

И пока пес не полностью проснулся, Тахор надел на него поводок. Ибо, как сказал отец, «идти за каменным псом сквозь камень невозможно».

Пес становится частью камня, входит в него, сливаются с ним. Между псом и окружающим камнем нет никакого зазора. Так что пса нельзя отпускать в свободное странствие».

Поводок был скручен из человеческих жил, и удерживал пса при помощи человеческих бедренных костей, которые, как и обещал отец, легко вошли в каменную плоть.

Пес повернулся, пасть его снова открылась, и на этот раз звук не был столь мирен. Зверь страшно зарычал, и Тахор увидел, как у него быстро вырастают каменные клыки. Демон отступил на пару шагов, и пес успокоился, поняв, что перед ним такое же, как он, порождение темных сил.

Над пастью образовались два отверстия, и пес принял с шумом втягивать в себя воздух. Неожиданно он встрепенулся и рванул с такой силой, что Тахор едва не упал. Пес ударился о стену и с подыванием отступил. Пробовать снова не стал. Как объяснял отец, «поводок не даст ему уйти, ибо человеческое внутри него не позволяет ему передвигаться в родной стихии».

Потом двинулся дальше, но уже не с такой сумасшедшей скоростью. Тахор бежал за ним. Прыгал вместе с ним в провалы, и поднимался по вертикальным шахтам. У пса то вырастали цепкие лапы, то он становился плоским, длинным и изворотливым как пиявка, редко удерживаясь в пределах одной формы больше нескольких мгновений.

Силы Тахора уже были на исходе, он задыхал-

ся, и ему очень хотелось пить, когда он, наконец, услышал знакомые голоса Гизеллы и варвара, укравшего ее. Тахор сразу забыл обо всех своих неудобствах. А пес, почувствовав близость живых людей, рванулся с такой силой, что человеческие бедренные кости вышли из него, и, обретя свободу, пес нырнул в стену, как рыба в воду. Зеленокожий демон с отчаянным криком бросился вперед, чтобы не дать псу убить Гизеллу.

18

Рык каменного зверя был столь свиреп, что, казалось, даже воздух замер от испуга. Только не Конан. Зверь выглядел так, будто его нельзя было убить. Во всяком случае, мечом. Но Конан все равно взял меч в руки и изготовился. Он будет сражаться, даже если это бесполезно. Умереть в сражении, значит попасть за длинный дубовый стол бога войны и вечно пить из серебряных кубков кровь убитых врагов, которая крепче, чем вино. А врагов, которых убил Конан, было немало, так что жажды он не будет испытывать.

Гизелла, вся дрожа, обняла его за талию и прижалась к спине.

— Ты не боишься умереть? — прошептала она.

— Просто не думай об этом, — ответил Конан, размышляя, какие могут быть слабые места у этого каменного чудовища. Чего-то ведь он наверняка боится!

— А что если мы поплыем по реке, — сказала принцесса. — Ты умеешь плавать?

— Мне пришлось дважды переплыть Стикс, кипящий крокодилами, и, как видишь, все у меня на месте, — произнес Конан, и тут его осенило, и он указал мечом на каменного зверя: — А вот эта тварь, пожалуй, плавать не умеет!

— Я тоже так думаю, — сообщила Гизелла.

— Дерись со мной, варвар! — вдруг раздался знакомый голос.

Это был Тахор. Целый и невредимый, что было удивительно, если учесть в какой ситуации они видели его в последний раз.

— Плыви, — сказал Конан и толкнул Гизеллу.

Не успев ничего возразить, она оказалась в ледяной воде. В первый миг у неё было ощущение, что она сейчас сама превратится в ледяную фигурку, наподобие тех, что делают зимой в праздник Большой Стужи. Но когда она распрямилась и высунула из воды голову, все уже не представлялось столь безнадежным. Фигурка изо льда могла шевелиться.

— Ты убил мою Гизеллу! — заорал Тахор.

— Я жива! — стучала зубами, не слишком внятно, произнесла Гизелла и медленно поплыла против течения к другому берегу.

Конан крутанул меч в воздухе, и Тахор сильно замедлил свой бег, увидев, что противник владеет оружием лучше, чем он ожидал.

Каменный пес находился все на том же месте, наполовину высунувшись из стены. Он продолжал рычать, но его рык уже больше не казался настолько свирепым. Зверь слишком затянулся с угрозами.

Тахор поднял камень и швырнул его в Конана. Швырнул с такой силой и скоростью, что раздался гул. Но Конан без труда увернулся, и камень шлепнулся в воду, подняв брызги.

— Эй! — завопила Гизелла.

— Она ведь нужна тебе живой, как я понял, — сказал Конан. — Что же ты кидаешься камнями?

Конан ступал легко, мышцы под его кожей перекатывались, как у мощного льва, вожака прайда, а длинный меч был словно продолжением его ловкого тела. Тахор остановился на расстоянии в несколько шагов, затем сделал вид, что бросается в атаку, но вместо этого прыгнул в сторону и хлестнул хвостом Конану по коленкам. Думал, что хлестнет. Потому что коленки Конана вдруг оказались выше, а вместо них хвост Тахора наткнулся на меч. Черная кровь демона окропила меч и камень.

Разрез был не слишком глубокий, потому что Тахор хорошо управлялся с собственным хвостом и сумел отклонить его движение вниз. К тому же кожа хвоста была весьма прочной.

Конан перевернулся в воздухе и приземлился возле Тахора на расстоянии меча. И снова брызнула черная кровь. Теперь из руки демона.

Еще одного удара Тахор дожидаться не стал. Он предпочел отступить. И меч Конана с гулом рассек пустой воздух.

Наконец, каменный пес решил, что настало время покинуть скалу. Он принял форму, наиболее близкую к своему названию; действительно стал походить на пса с вытянутой мордой, толь-

ко ноги были непропорционально длинными. И со страшным грохотом потрусили к Конану.

Не дожидалась, когда пес достигнет его, киммериец бросился псу навстречу. Каменный зверюга обладал многими достоинствами, но один недостаток у него был, и существенный — он был слишком тяжелым. А этот недостаток приводил к другому — неповоротливости.

Бегать пес умел очень быстро, но вот остановиться быстро не мог. Конан едва не бросился ему под ноги, но в последний момент уклонился, и оказался у пса под брюхом. И немедленно попробовал убедиться в неуязвимости пса, ткнув мечом вверх.

Меч звякнул, но не оставил на брюхе ни единой царапины.

— Да он сожрет тебя вместе с твоим мечом! — радостно воскликнул Тахор, уже не столь рьяно жаждущий лично убить своего врага. Его бы вполне устроило, если бы пес просто раздавил Конана.

Киммериец отскочил от задней ноги пса и остановился, тяжело дыша, глядя, как каменная тварь снова изменяет форму, чтобы остановиться прежде, чем рухнет в реку.

Передние ноги пса укоротились, а затем совсем исчезли. Морда остановилась, в то время как задние ноги и короткий хвост продолжали движение. Пес как бы вбежал в самого себя, превратившись в округлый серый валун, которых немало было в Киммерии. Правда, этот валун пробыл валуном недолго. Всего лишь одно мгно-

вение. А потом, на том месте, где только что у пса был хвост, появилась морда.

И пес снова бросился на Конана. Глядя на приближающегося пса, выжидая удобный момент, киммериец перестал обращать внимания на Тахора. Как выяснилось, зря. Потому что, когда Конан сделал шаг в сторону, намереваясь убраться с пути зверя, тяжелый булыжник ударили ему в плечо.

— Конан! — крикнула Гизелла.

Варвар обернулся на зеленокожего демона, который собрался бросить следующий камень. Он неплохо владел этим оружием. И в этом было его преимущество перед Конаном.

Передняя нога пса едва не задела киммерийца, который вынужден был упасть и быстро прокатиться под ней, чтобы в следующий миг вскочить и увернуться от задних ног.

Конан по-настоящему разозлился, и когда каменный пес снова начал превращение, бросился к Тахору, чтобы сразиться с ним. Но Тахор предпочел уйти от ближнего боя. Он не был глупцом, и, несмотря на то, что прежде не встречал достойного противника, встретив его в лице Конана, сумел не переоценить свои силы.

Он кинулся от него прочь в туннель, откуда пришел.

— Плыви, Конан! — воскликнула Гизелла.

Голос ее донесся издалека. Она, наверное, была уже у противоположного берега. Конан больше не раздумывал. Он сунул меч в ножны и с длинного прыжка вошел в воду.

Вода была ледяной, но это нисколько не впечатлило его. В Киммерии вода такая одиннадцать месяцев в году.

Он сильными гребками поплыл в сторону Гизеллы. Он разглядел ее голову, которая торчала над водой, как раз в одном из столбов солнечного света.

Следом за Конаном в воду устремился и каменный пес. Он вошел в нее не так гладко, как киммериец. Каменная глыба плюхнулась в воду так, как и положено глыбе. С шумом и брызгами.

И сразу пошла на дно. А дно, как оказалось, было достаточно далеко от поверхности. Река текла в узкой глубокой расселине. Из воды доносились нечастые глухие удары. Это каменный пес ударялся о различные выступы постепенно сужающейся расселины.

Конан доплыл до Гизеллы и взял ее за руку.

— Ты подала отличную идею, — сказал он.

— Да-а, — ответила она, стуча зубами. — А-а теп-перь у ме-еня еще од-на ид-дея. Пос-скорее отсюд-да выб-браться! — И она указала на отверстие, из которого падал солнечный свет.

Конан взглянул на стену, уходящую вверх не совсем вертикально, но под очень тупым углом. Выбраться будет непросто, хотя и возможно.

— Иди первой, — сказал он и помог Гизелле вскарабкаться на небольшой уступ.

Принцессу тряслось от холода. Кожа приняла синий оттенок, оттенок льда. Честно говоря, Конан испытывал весьма большие сомнения относительно того, что она сейчас в силах взобраться

по скале. Но все равно ничего другого не оставалось.

— Подожди, сейчас, — Гизелла склонила голову, прикрыв глаза. Конан спокойно ждал.

— Я вас достану! — проорал Тахор с другой стороны и вслед за этим раздался шлепок упавшего в воду камня, но подземная река была настолько широкой, что до людей не долетели даже брызги. Пришли только волны, да и то очень слабые.

— Иду, — сказала Гизелла и принялась подниматься.

А в этой девчонке еще полно сил! И она далеко не столь хрупкая, какой кажется, подумал Конан.

19

Тахор метался по берегу в бессильной злобе и ярости. Он не умел плавать в воде! Он был слишком тяжел для этого. И если бы нырнул в реку, ему пришлось бы отправиться вслед за неразумным каменным псом, который все еще продолжал тонуть — дно у этой реки было страшно глубоко.

И можно было не опасаться за Гизеллу, пока пес не остановится. Но потом он сумеет войти в камень. И ничто не помешает ему подняться вверх и атаковать. Этого нельзя допустить! Гизелла должна предстать перед отцом живой! Значит, нужно призвать пса.

Следовало снова поговорить с отцом. Снова

испытать его терпение, его милость и справедливость. В этом не было ничего хорошего, отец наверняка разозлится. Но вряд ли существовал иной выход из создавшегося тупика. Тупик — он тупик и есть. Двигаться можно только назад.

На этот раз Тахору пришлось гораздо дольше крутить хвостом и повторять призыв, прежде чем отец появился. К тому же, он появился не сразу весь. Сначала появились его огромные уши, потом шесть рук, а уже потом все остальное.

— Я рад тебя видеть! — сказал он. — Но почему ты опять один? И почему у тебя обе руки на месте, насколько я вижу? Зато я не вижу принцессы! Где она?

— Вон там, — Тахор показал на противоположный берег.

Отец обернулся и некоторое время молча наблюдал за человеческой парочкой, поднимавшейся по стене.

— Ты опять упустил ее, — сказал отец. — И что же тебе помешало на этот раз? Неужели мой сын настолько слаб, что не смог справиться с грязным человечком?

— Он не простой человек, отец.

— Да, неужели? Он что, демон? Такой же, как я, или, может быть, как ты? Что-то не заметно.

— Нет, но он великий воин. Он словно воплотившийся в человека бог войны Арес! Я никогда не видел, чтобы человек так владел собой и оружием в бою. Он сам словно острый меч! — воскликнул Тахор.

— Да будь у меня тело, я бы показал этому великому воину! О, боги! Зачем я сотворил всех своих детей, если они не в силах сделать для меня такую мелочь? — Отец обхватил всеми шестью руками свою большую голову. — Кстати, — вдруг встрепенулся он. — А где каменный пес?

Тахор прислушался. Глухие удары, доносившиеся время от времени из воды, прекратились.

— Судя по всему, сейчас он, наконец, опустился на дно и пойдет по человеческому запаху сквозь камень.

— Гизелла! — воскликнул отец и обернулся.

Люди остановились и посмотрели назад. Гизелла вскрикнула. Конан только помрачнел и сжал зубы. Он терпеть не мог такую откровенную магию. Она всегда вызывала у него отвращение. Какие дьявольские силы удерживают в воздухе этого тучного розового урода?

Розовый шестирукий демон открыл рот так широко, что стало хорошо видно его горло, и закричал. Это не было похоже на крик ни одного из живых существ, что ходят, плавают и летают под солнцем. Это вообще мало напоминало крик. Скорее скрип, с которым раскальвается огромный камень. Крик скалы.

Ибо это был зов существа, породившего каменного пса. Зов существа из тех глубин времени, когда еще не было ни воздуха, ни воды, ни земли.

И каменный пес отозвался на зов. Скалы вокруг наполнились вибрацией, а Тахору показалось, будто он слышит звук, словно музыкант

дернул ослабленную струну, и она звучит почти неслышно, но все равно звучит, проникая скорее не через уши, а через кожу.

Каменный пес выпрыгнул из скалы чуть ниже Гизеллы, между ней и Конаном, едва не снеся киммерийцу голову. Тело пса вылетело столь быстро, что по инерции преодолело чуть ли не четверть ширины реки, но все равно не сумело полностью превозмочь земное тяготение, и снова свалилось в воду. Но на этот раз оно не пошло на самое дно, а следуя все той же силе прыжка, врезалось в противоположный берег примерно на трети глубины, вошло в камень и вскоре снова вышло на поверхность, гоня перед собою каменную волну, которая отбросила Тахора к стене.

Выйдя на поверхность, каменный пес застыл неподвижной глыбой.

— Он снова спит, — сказал отец.

Он выглядел теперь как смертный, который внезапно постарел на двадцать лет. Как яблоко, начавшее гнить. Смотреть на него было страшно. Тахор в ужасе и смущении отвел взгляд.

— Иди за ними. Приведи Гизеллу, иначе умрешь. Как, впрочем, умру и я, — сказал отец.

— Ты же не смертный! — воскликнул Тахор.

— Стану смертным, если не увижу Гизеллу до того, как это случится. Приведи ее. Больше шансов не будет. — И с этими малоутешительными словами отец растворился в воздухе.

Тахор хотел спросить, что же такого должно случиться, но пока собирался с духом, спрашивать уже было не у кого.

Когда огромный розовый урод исчез, растворившись в воздухе, Конан вздохнул с облегчением. Значит, это был всего лишь мираж, какие бывают в пустыне или на море, ничего особенного, примитивная магия.

Гизелла все еще не двигалась и дрожала, продолжая смотреть на пустое место. Конан хотел окликнуть ее, но в этот момент Гизелла и сама очнулась и полезла вверх с удвоенной силой. Солнечный свет, падавший из круглого отверстия наверху, настоятельно призывал к себе, противиться было невозможно.

Конан сосредоточился на скале и перестал плятаться на принцессу. Конечно, вид снизу был заораживающим, но не следовало забывать и о каменном коварстве. Горы не прощают ошибок. Но когда Конан услышал мышиный писк, то снова посмотрел вверх. По едва заметной горизонтальной трещинке быстро бежал серый комочек с черными бусинками глаз. Мышь направлялась прямо к Гизелле, которая глядела в противоположную сторону. Конан ожидал, что когда Гизелла обернется на писк и заметит животное, она непременно закричит, как всякая нормальная женщина, а возможно и сорвется от неожиданности и испуга. Он весь напрягся и попытался, как можно прочнее закрепиться на скале, чтобы в случае чего поймать падающую принцессу.

И Гизелла действительно обернулась. Но вместо того, чтобы закричать, вдруг быстро протя-

нула руку и схватила мышь. Зверек отчаянно зашипал. А в следующее мгновение Гизелла совершила и вовсе немыслимое — она откусила мыши голову!

— Гизелла! — воскликнул Конан.

Принцесса выплюнула голову и отбросила тушку, которая скользнула по руке Конана, оставив кровавый след, и плюхнулась в воду.

Гизелла полезла дальше, будто ничего и не произошло. Она словно бы не услышала возгласа киммерийца. Похоже, что у нее сильно помрачилось сознание. Неужели этот шестирукий младенец-переросток на нее так подействовал?

Неожиданно сверху что-то упало. Что-то длинное и тонкое. Сначала Гизелла испугалась, что это снова хвост Тахора. Конечно, благодаря его хвосту, она избежала участи быть разорванной на части жуткими подземными тварями, обитавшими у лавовой реки, но здесь, в преддверии земного мира, ей не хотелось бы возвращаться в его объятия. Но это был не хвост. По крайней мере, не хвост Тахора. Это была самая обыкновенная веревка.

— Хватайся! Хватайся! — закричали сверху.

И веревка стала раскачиваться, так чтобы Гизелла смогла до нее дотянуться. Гизелла схватилась за веревку и ее сразу же сильно и быстро потянули наверх.

В первый момент она даже вскрикнула от неожиданности и еще оттого, что, схватившись за веревку, ей пришлось расстаться со скалой и она повисла над весьма внушительной пропастью. С

такого расстояния врезаться в воду было, пожалуй, смертельно.

Веревка раскачивалась довольно сильно. Гизелла посмотрела вверх, но из-за раскачиваний никак не могла рассмотреть, кто ее тащит. А что если это не друзья, а враги? Или на самом деле это не веревка, а щупальце какого-нибудь плотоядного животного? И человеческие крики были всего лишь уловкой?

Но нет! В мире под солнцем такого не бывает.

Гизелла продолжала всматриваться. И увидела руки и лица. Людей было четверо. Безбородые юноши с кожей цвета старого пергамента. Через несколько мгновений руки уже вытягивали ее наверх, несколько грубо, на взгляд принцессы, помогая перебраться через поросший жесткой травой край колодца.

— О, да ты совсем голая! — завопили юноши. — Что ты там делала?

Ноги Гизеллы подкосились, и она без сил опустилась на землю, покрытую жухлой травой, прикрывшись обеими руками, как могла, но сразу же заявила:

— Хватит вопить, а лучше помогите моему другу!

— А теперь мы твои друзья! — со смехом заявили юноши, но все же снова бросили веревку вниз, и на этот раз улов был гораздо более тяжелым. К тому же, не слишком дружелюбным и разговорчивым, как выяснилось, когда они вытянули его наружу.

Конан оттолкнул юношей, пытавшихся по-

мочь ему перелезть через край колодца, быстро подошел к принцессе и склонился над ней.

— Гизелла, ты в порядке? — спросил он. Потом обернулся к юношам: — Что вы стоите, как истуканы? Дали бы девушке, чем прикрыться.

Честно говоря, одеты юноши были весьма бедно, в какие-то не слишком чистые лохмотья непредопределенного цвета, приобретенного, как подозревал Конан, исключительно от грязи различного происхождения. Один из юношей сразу же отозвался на призыв киммерийца, сорвав с себя дырявую накидку, и протянул ее Гизелле. Конан взял накидку и прикрыл ею плечи дрожавшей принцессы.

— Ну, запах от этих лохмотьев не особо изысканный, но это все же лучше, чем ничего, — сказал он.

Гизелла кивнула и поплотнее закуталась в накидку.

— Где мы? — спросил Конан.

— В Долине ветров, — не без гордости сообщил наполовину обнажившийся юноша. Вид у него был, как у постоянно недоедающего человека. Ветра в этой долине действительно были в изобилии, это чувствовалось, но вот с едой было явно хуже.

— Далеко до Шадизара? — спросила принцесса.

— Шадизара? — удивленно переспросил юноша, переглянувшись с товарищами. Они тоже, как и он, выглядели пораженными.

— Ну да, — сказала Гизелла. — Я что, задаю глупый вопрос?

Юноши замялись.

— Да мы точно не знаем, — сказал владелец накидки, которая сейчас немного согревала Гизеллу. — Мы там никогда не были, и оттуда к нам никто не приезжал. Мы, честно говоря, вообще не знаем, существует ли Шадизар...

Гизелла возмущенно вскочила.

— Шадизар существует! — громко воскликнула она. — Я — шадизарская принцесса! — Она дернула плечами так сильно и резко, что драная накидка соскользнула, и пришлось ловить ее на уровне груди.

Юноши смущенно заулыбались, будто не верили, но боялись обидеть недоверием. Конан твердо заявил:

— Она действительно шадизарская принцесса! И кто этому не верит, будет иметь дело со мной!

Рядом с ним юноши из Долины ветров выглядели, как овцы рядом с быком. Они в замешательстве переминались с ноги на ногу, не зная, куда деваться от испепеляющего гневного взгляда Конана.

Гизелла почувствовала, что пора разрядить обстановку. Она кокетливо поправила край накидки и, улыбнувшись, сказала:

— Ну, порой, я и сама сомневаюсь, что я принцесса. Да и Шадизар — действительно ли он существует? А может быть все дело лишь в человеческом воображении, которое создало его из ядовитых испарений, возвело здания из тумана и вымостило улицы забытыми снами? Кто знает наверняка? Вот и вы, господа горцы, сомневае-

тесь в моей реальности. А что если я вам только сньюсь?

Юноши раскрыли рты и забыли их закрыть, даже когда Гизелла закончила говорить. Слова принцессы были для них столь новы и необычны, что они впали в подобие ступора.

— Эй! — сказала Гизелла, шагнув к юношам. — Я хочу есть!

— Да, да, — наперебой загомонили горцы. — Гость выше хозяина. Гость лучше хозяина. Гостеприимство — величайшая добродетель.

Гизелла посмотрела на Конана. Киммериец ухмылялся. Загадочные слова принцессы несколько на него не подействовали, словно он уже много раз слышал подобное и относился к этому просто как к разновидности легкой болтовни.

Юноши засуетились, похватали с земли мешки с лямками, наполненные чем-то достаточно мягким, чтобы принимать различную форму, но при этом весьма тяжелым, и направились прочь.

— Идемте, идемте, — позвали они. — Мы возвращаемся в Долину ветров!

— Следом за тобой, принцесса, — сказал Конан, притворно учтиво поклонившись.

Лес по краям тропинки, по которой они двинулись друг за другом, был низкорослым, с высокой травой и непролазным кустарником. Среди ветвей щебетали невидимые птицы.

Гизелла погрузилась в мысли о будущем. Интересно, что думают в Шадизаре об ее исчезновении. А может быть его вообще не заметили? Она ведь могла просто задержаться где-нибудь, на-

пример, увидела красивое место и захотела насладиться его созерцанием. Да, скорее всего, во дворце ничего не подозревают! И ей придется все объяснять, снова говорить о смерти служанок. Снова переживать весь этот позор ужаса и беспомощности! Гизелла содрогнулась при мысли об этом.

Марисса и Хлоя, как мало я заботилась о вас! Как мало понимала ваши прекрасные юные души! Я была черствой и бесчувственной, злой и неблагодарной. И я не удивлюсь, если вы будете по ночам приходить в мою опочивальню из мира мертвых и плакать перед моим ложем, роняя бесплотные слезы!

Гизелла и не заметила, как их маленькая процесия оказалась на краю леса, перед огромной зеленой впадиной в горах, над которой сияло пронзительно бирюзовое небо. Конан мягко придержал ее за локоть, чтобы она в задумчивости не сделала лишний шаг, отделявший ее от круто-го склона, в который упиралась и под прямым углом разворачивалась тропинка.

— Долина ветров, — сообщил полуубнаженный юноша.

Пейзаж Долины ветров, открывшийся перед ними, захватывал дух. Казалось, здесь поработали гиганты с развитым чувством прекрасного, настолько все вокруг радовало глаз. Зеленые холмы были нарезаны террасами, спускавшимися к долине, в середине которой извивалась узкая река, блестевшая так, словно в ней текло серебро, а не вода. Селение располагалось на двух его берегах.

гах и соединялось тремя мостами. Крыши были черными и двускатными, а в одном месте торчала высокая башня.

— Идемте же скорее! — позвал юноша, и его спутники закричали и запрыгали, будто стая обезьян, нашедших забродившие тыквы.

Люди внизу заметили юношей, возвращавшихся в сопровождении странных черноволосых незнакомцев — огромного воина-гиганта с мечом и девушку с кожей цвета снега.

Раздался звук горна, страшно сипевшего и срывающегося, как будто у того, кто в него дул, были большие проблемы с дыханием, а может быть, просто имелось одно большое неумение играть в горн.

Тропинка сначала шла вдоль склона, потом стала спускаться по террасам, между которыми переходила в крутые лестницы с высокими ступенями. Юноши спешили. На террасах, по которым они проходили, людей не было. Но земля была ухоженной.

Перед селением уже собралась порядочная толпа. Женщины в длинных синих платьях с белыми, причудливо навернутыми белыми тюрбанами на головах, полуоголые, а то и вовсе голые маленькие дети, старухи в черных широких штанах, черных жакетах и черных шляпах с круглыми полями, украшенными красной бахромой, а еще старики, отличавшиеся от старух только непокрытыми головами. Все худые и низкорослые. Мужчин и подростков среди встречавшей толпы почему-то не было. Все глазели на необыкновен-

ных пришельцев, особенно на Конана — с опаской и недоверием. Никто из селян даже и не представлял себе, что человек может быть таким огромным. Да и человек ли вообще перед ними?

Вперед вышел маленький, совершенно лысый старик, больше похожий на мумию, чем на живое существо из плоти и крови. Однако голос его сильно отличался от внешности, был зычным как у глашатая.

— Мы рады приветствовать гостей в нашем доме! — сказал он. — Наш дом — ваш дом. Пользуйтесь всем, чем захотите. Мы так давно не видели гостей, что наши сердца готовы выскочить и плясать под солнцем, только чтобы приветствовать вас! Нашей радости нету предела! А ваши светлые лица наполняют нас весельем!

Сзади раздались вопли и улюлюканье. Конан обернулся. А вот и мужчины! Они возвращались в сопровождении подростков обоего пола, потрясая мотыгами, вилами, граблями и другими орудиями земледельцев. Не иначе, как они пытались сказать непрошеным гостям, что у них тоже есть своя гордость и что не нужно их недооценивать: гостеприимство доходит до определенных пределов, но пусть гости не думают, что им позволено все!

— А вот и наши люди вернулись! — сказал старейшина. — Пора готовиться к празднику. — Он повернулся к голому малышу, мальчишке лет трех, у которого была выбрита передняя половина головы, а на затылке торчала тонкая косичка с вплетенными красной и желтой тесемка-

ми, и сказал ему: — Беги, сообщи дозорному, пусть трубит еще раз!

— Тлуби! Тлуби! — закричал мальчишка и бросился прочь по улице.

Первым из возвращавшейся толпы подошел мужчина с очень характерным лицом, глядя на которое можно было сломать себе шею, потому что лицо мужчина все время поворачивал налево, а длинный нос, тем не менее, смотрел вправо. Несмотря на эту особенность, косоликий явно пользовался немалым авторитетом и хорошо сознавал это. Он подошел к юноше, который одолжил Гизелле накидку, и сильно хлопнул его по голому плечу. Юноша даже присел. Косоликий спросил:

— Ну что, принесли? Не зря ходили?

— Да покажи ему, Гилван, покажи! — загадали остальные юноши, принимавшие участие в извлечении Гизеллы и Конана из подземной пещеры.

Гилван снял мешок с плеч, поставил его на землю и развязал узел.

— Вот. — Он сунул в мешок ладонь и вытащил наружу горсть черной жирной земли. — Сладкая, как мед! Попробуйте! Все попробуйте! — Он поиском глазами гостей. — И ты попробуй, принцесса, — обратился он к Гизелле, и как только полуголые и голые малыши услышали о принцессе, они принялись громко хохотать, безошибочно определив, к кому обращался Гилван, и ринулись к ней сквозь толпу, чтобы подергать за края накидки. Гизелле едва хватало сил, чтобы детишки не стянули с нее единственную одежду.

Старухи и женщины тоже развеселились. Не так откровенно, как малыши, но было видно, что мысль о том, что перед ними принцесса, страшно их забавляет.

Одна из молодых женщин, вот-вот собиравшаяся родить, заметила:

— Да она ведь голая! На ней накидка Гилвана, а под ней ничего нет!

— Голая, голая принцесса! — гнусными голосами завопили дети.

— Та-ак! — громко крикнул косоликий мужчина, и все разом затихли. — Так! Нашей гостье нужна одежда.

— О, конечно, у нас есть настоящее платье принцессы! — сказал старейшина, и малыши снова разразились неудержимым хохотом.

Это все немного смущало Гизеллу. Казалось, они смеются над ней, находят ее ужасно смешной, как будто она переодетый женщины придворный шут.

Малыши ухватились за нее еще крепче и куда-то потащили. Она не могла сопротивляться. Ее тащили по улице между домами с двускатными крышами к высокой башне. Улица имела едва заметный уклон вверх и становилась шире по мере приближения к башне. Рядом с башней принцесса заметила какое-то лежащее черное существо с большими ушами, сбоку которого копошились маленькие существа, уменьшенные в десятки раз его копии. Они выглядели весьма странно и пугающе. Завидев принцессу, они кинулись к ней, большое существо тоже вскочило и устави-

лось маленькими глазками на Гизеллу. Потом раскрыло рот, в котором, как оказалось, имелись внушительные клыки. Гизелла завопила и принялась вырываться.

— Да это же свинья с поросятами! — воскликнул Конан. — Гизелла, спокойнее! Ты что, никогда не видела поросят?

Гизелла попыталась взять себя в руки, но ее все еще трясло от страха и отвращения. Она теперь поняла, что перед ней за звери. Прежде она видела поросят лишь в приготовленном виде, на серебряных блюдах или, в крайнем случае, на вертеле. И они не были столь грязны, черны и мохнаты.

— Да, да, — нашла в себе силы вымолвить принцесса.

— Плнцесса глупая, — сказала девочка в синей юбке и синем переднике, спина у нее оставалась голой.

— Глупая, глупая! — радостно отзывались остальные дети и с новой силой потащили принцессу.

Жуткая черная свинья нехотя отошла в сторонку от толпы детей. У свиньи явно не имелось агрессивных намерений. Но за детей Гизелла не могла бы поручиться.

У входа в башню, выглядящего как высокая узкая щель, куда едва мог притиснуться один не тучный человек, лежали доски, а к косяку были прислонены жерди. Косяк когда-то был белым, покрытым сложным цветным орнаментом, который уже невозможно было различить. Он сохра-

нился ровно настолько, чтобы можно было догадаться о его прежнем существовании.

Но дети, как оказалось, тащили Гизеллу не в башню. Перед самым входом они повернули и, чуть не сбив жерди, направились в примыкавшее к башне большое здание.

Следом за детьми и принцессой остальные тоже вошли в здание. Кроме Гилвана и косоликого мужчины. Косоликий ухватил Гилвана за плечо и втолкнул в башню, протиснувшись за ним.

— Ты кого это к нам привел, Гилван? — едва ли не прорычал косоликий. — Не иначе хочешь накликать беду. Твой дед уже однажды чуть не накликал беду, чуть не погубил всех нас. А что если бы эта жуткая каменная тварь не ограничилась бы твоим дедом, что если бы она решила сожрать женщин и детей? Ну как бы это тебе понравилось, оух? Зачем ты привел этих тварей из подземного мира?

— Но, Керземек, они ведь люди... — попытался возразить Гилван.

Керземек запрокинул голову и расхохотался жутким, леденящим смехом.

— Наивный мальчик! — сказал он, отсмеявшись. — Значит, ты решил, что они люди только потому что они очень похожи на людей? А они разве не вылезли из-под земли? Из мира, откуда никто из живых не возвращается?

— Вылезли, — согласился Гилван. — Мы им только помогли, а они и без нас, наверное, добрались бы...

— А может и нет. Может быть, боги не допус-

тили бы этого. А вы сами, своими руками вытянули их, а потом еще и пригласили в гости!

Керземек схватился за голову. Вид он имел почти безумный. Словно оплакивал кого-то на кладбище.

— Все наши боги скорбят вместе со мной о твоей неразумности, твоей и твоих товарищах, но они всегда были неразумны, по сравнению с тобой, Гилван. Так что именно ты несешь всю ответственность за содеянное. Когда я посыпал вас за землей, я надеялся только на тебя, Гилван! Только ты был моей единственной надеждой. И что? Ты вернулся, приведя демонов!

— Нет, нет, они не демоны, — все еще пытался возражать Гилван.

— Ты влюбился в эту бледную уродину? В это голое чучело? — вдруг изменившись в лице, спросил Керземек.

Гилван помотал головой, да так старательно, что стало ясно, что на самом деле у него на уме.

— Не крути головой так сильно! Отвалится, дурень! — произнес Керземек с тяжким вздохом. — Влюбился, понятно. Околдовала тебя чертовка! Наслала на тебе адские чары, а ты и не заметил. Пускаешь слюни, как неразумный младенец, как мышь при виде сыра!

Гилван покраснел до ушей.

— Что же теперь делать? Они же наши гости! Как же можно их обидеть? Мы же прогневим богов и оскорбим предков! Ведь гость — это милость бога. И надо щедро накормить и напоить его. Пусть он уйдет с добрыми мыслями!

Керземек с мрачным лицом покачал головой.

— Все, что ты говоришь, Гилван, правильно. Так завещали нам наши предки. Такова воля неба. Но те, кого вы сегодня привели, — не гости. Разве может считаться гостем вор или разбойник? Один хочет украсть, второй хочет изнасиловать и убить. Они — не гости, они — враги. А от врагов нужно обороняться, а не развлекать и кормить их.

— Я не понимаю... Мы же не можем... — Гилван уставился в пол и, казалось, готов был заплакать, что никак не подобает мужчине.

Керземек ободряюще положил ему руку на плечо и сказал:

— Не бойся. Великого греха мы не совершим. Никакого убийства. Убивать подземных демонов нельзя, иначе накличешь беду. За них придут отомстить сородичи. Говорят, такое уже бывало. Земляная долина погибла как раз от этого. Думаю, надо их просто вернуть. Они — жители подземного мира, и лучше им там оставаться. Но нельзя подавать виду, что мы поняли, кто они. Нужно изображать всяческую радость по поводу их якобы возвращения в подземный мир. Пусть думают, что обманули нас.

Сначала было слишком темно. Гизелла видела только большую комнату, в углу которой стояла какая-то темная человекоподобная фигура.

— Вот, вот твое платье! — загадели дети.

— Да где же оно? Я не вижу! — воскликнула Гизелла.

— А мы сейчас покажем! — закричали дети и, оставив принцессу, бросились к стенам. Послышался скрип, и наверху появились щели, сквозь которые в комнату проник солнечный свет. Как оказалось, дети тянули за веревки, открывающие световые окна под потолком.

Человекоподобная фигура в углу оказалась чучелом, и при свете человекоподобие стало весьма сомнительным. Голова была просто высушенной тыквой-горлянкой, на которой красной краской были нарисованы условные глаза, брови, ноздри и рот. Рот был изогнут в идиотской улыбке. А все остальное скрывало красное парчовое платье, вышитое бисером. Длинное, до полу, с широкими расширяющимися книзу рукавами.

Дети снова засмеялись.

— Вот твое платье, и ты! — загомонили они. — Ты всегда улыбаешься! Почему ты сейчас не улыбаешься? Принцесса должна улыбаться!

Гизелла улыбнулась. Очень криво и кисло. Такой портрет никак не мог обрадовать оригинал. И теперь стало понятно, почему она вызывала веселье местных крестьян.

Гизелла обернулась. Конан выглядел совершенно серьезно, даже удрученно, но она-то знала, что на самом деле у него на душе. Наверняка, северный варвар потешается над ней!

— Наверное, тебе нужно одеться, — сказал он и пожал плечами.

Гизелла едва не задохнулась от возмущения.

Как смеет этот грязный мужлан издеваться над царской дочерью?! В Шадизаре он бы уже не раз поплатился за это! Принцесса сжала кулаки и наклонила голову, собираясь высказать киммерийцу все, что думает о нем и всех его сородичах, однако позабыла придерживать накидку, которую опять стали теребить дети — и едва не поплатилась за это. Накидка соскользнула, обнажив ее грудь. Гизелла с трудом успела поймать накидку у пояса. Намерения шадизарской принцессы мгновенно изменились.

— Я хочу надеть платье! — заявила она. — Но принцессы переодеваются одни. Немедленно отвернитесь! Отвернитесь все!

Она не рассчитывала, что ее слову последуют буквально, но достаточно было уже и того, что крестьяне не станут глязеть откровенно. Так и произошло.

Гизелле пришлось приложить немало усилий, чтобы снять платье с чучела. Сначала она по-прежнему придерживала накидку, но одной рукой снять платье никак не удавалось. Пришлось забыть о приличиях.

Платье оказалось тяжелым, но не пыльным, как опасалась принцесса. А под ним она с удивлением обнаружила нижнее платье, набедренную повязку из черного шелка и даже сафьяновые туфли небесного цвета. Все было настоящим, без обмана. Такую одежду она не постеснялась бы одеть и во дворце!

За чучелом на маленькой изящной подставке стояло идеально отполированное медное зеркало.

Гизелла взяла его в руки и придирчиво осмотрелась.

— Ну как я выгляжу? — спросила она.

Все обернулись и уставились на нее. Крестьяне не в силах были вымолвить ни слова. Ни мужчины, ни женщины, ни даже дети. Все были поражены удивительным превращением. То, что для них было вечно мертвым, стало вдруг живым, и хотя они знали, что так должно было произойти, и сами способствовали этому, все равно превращение было слишком поразительным.

Молчание затянулось. Гизелле это надоело, и она крутанулась в ритуальном танце солнца, взмахнув рукавами.

— Прекрасно! Как настоящая принцесса! — заявил Конан.

— А я и есть настоящая! — чуть не сорвавшись на визг, воскликнула Гизелла.

— О, прости. Я хотел сказать, что ты выглядишь так, как и должна выглядеть!

— Принцесса! Принцесса! Ты живая! — загомонили дети.

— Она настоящая! — заговорили взрослые.

— Настоящая, настоящая, — эхом прокатилось по комнате.

— Я — шадизарская принцесса! Шадизар — самый великий город у подножия Карпашских гор! — заявила Гизелла.

— А где он находится, этот Шадизар? — спросила одна из старух, черная шляпа которой стала уже серой от пыли, а от красной бахромы остались лишь обрывки нитей.

Гизелла пожала плечами.

— Если бы я точно знала, где нахожусь, то смогла бы вам сказать, но я не знаю, — честно призналась она.

Вокруг засмеялись.

— Ты до сих пор не знаешь, где находишься? — спросила старуха. — Ты не знаешь, что находишься в Долине ветров? Ты глупа? Ты как малое дитя? Ты не видишь всего, что вокруг и не слышишь слова, которые говорят?

Гизелла возмущенно всплеснула руками.

— Нет, конечно! Я прекрасно понимаю, что нахожусь в Долине ветров! Но я не знаю, где эта ваша Долина ветров относительно Шадизара!

— Значит, ты знаешь, где находишься, но не знаешь, где твой родной Шадизар? — с удивлением спросила старуха.

Гизелла вздохнула. Пожалуй, крестьянка по-своему права. Для нее Долина ветров это центр мира, а Шадизар на окраине.

— Ну, примерно, так, — согласилась принцесса. — А вообще я замерзла, заблудилась и очень голодна.

— Так мы накормим тебя! — раздался многоgłosый выкрик, дети схватили принцессу за рукава и закружили, вынуждая ее снова танцевать, как солнце.

Потом на полу расстелили синее полотно, расставили по краям длинные лавки и столы, а потом женщины принесли в металлических сосудах воду и молоко, а на металлических блюдах цветы и плоды.

— Мы будем праздновать! Мы будем веселиться! Пусть возрадуется тысячеглазый и тысячечухий! — послышались возгласы.

22

Луна, внутри которой вечно хранится семя небесного бога, была обителью семи праведных дев, семи праведных принцесс, не пожелавших стать вместилищем греха Кета, бога мрака, приведшего из глубины времени. Бог мрака был свиреп и хотел наказать семь праведных дев, принеся их в жертву своему отцу, безвременному хаосу, но девы сбежали. Дворец из белого мрамора, в котором они обитали, поглотила луна, а они вознеслись над ней на облаках и направились в разные места земли. Они думали, что порознь их будет труднее найти. Но прибыв на землю, они не смогли найти друг друга, как ни искали. И долго бродили небесные принцессы по земле, плача и стеная, пока не забыли о своем небесном происхождении. Но даже забыв о нем, они помнили красоту неба, и часто глядели на него, восхищаясь, но не понимая, что же в нем прекрасного. Одна из дев, имя которой пожрал отец Кета, бог мрака, безвременный хаос, заблудилась в Карпашских горах. Она поднималась на вершины, шла по хребтам, ночевала в долинах. И вот однажды она остановилась у реки и увидела свое отражение. Она залюбовалась собой, но вдруг заметила, что в реке отражается не только она, но и горы, и лес, и большой свирепый медведь на

другом берегу. Она испугалась и отпрянула от воды, взглянув на другой берег. Но никакого медведя там не было. Тогда она снова взглянула в воду и увидела рыбу. Рыба была большая и темная. Спина ее медленно изгибалась в потоке. А потом рыба раскрыла рот и проглотила все отражения. Небесную деву, горы, лес и медведя. Ничего не осталось, одна только рябь.

Небесная дева закрыла глаза и просидела так до ночи, пока на небосклон не выкатилась луна. Она была словно белый глаз, пристально глядящий. Взглянула дева на луну и забылась праведным сном.

И сквозь этот сон пришел к ней человеческий, земной язык, пришли знания о том, как возделывать землю и возвращать злаки, как строить лестницы и террасы, как возводить мосты и дома. Обо всем для земной жизни узнала она, лунная принцесса, а когда пробудилась, то услышала стук копыт. По берегу скакал прекраснейший из смертных, заблудившийся юноша, покинувший отеческую землю и страждущий любви и знания. Он тоже увидел принцессу, как и она его. Они с первого взгляда полюбили друг друга. Он был из далеких восточных земель, из великой страны, где строят корабли как горы, а строительством управляют люди, которые умеют вспоминать о прошлом и писать оды тысячу лет назад почившим царям. Она не помнила своего происхождения. Но все равно они поняли друг друга. Они общались взглядами и руками, рассказывали друг другу о своей любви бровями и губами. Они

128

5 Конан и долина дикарей

129

построили первый дом и первый мост, выровняли верхушку холма и посадили на нем злаки, и сделали лестницу, чтобы подниматься к нему. Небесная принцесса научила юношу языку из своего сна, а он рассказал ей о законах своего народа.

Они родили первых жителей Долины ветров и обучили их всему, что знали сами. А когда пришла пора покидать потомков, чтобы в лучшем из миров быть их защитниками перед злыми обвинителями и придирчивыми судьями, они вспомнили обо всем, что забыли, и поведали о законах гостеприимства.

Гостя надо щедро накормить, напоить и развеселить. Ибо гость — это милость бога, это посланец от бога, это свидетель праведности и правдивое слово. И каждый гость может быть ухом и глазом великого владыки, обитающего внутри воздуха. Невидимого и вседеущего. А великий владыка обладает тысячью ушей и тысячью глаз. И каждое его ухо, и каждый его глаз распознают самое громкое и самое большое, самое малое и самое тихое. Ничто не способно укрыться от него. И в лучшем из миров все зачтется человеку. Дурной взгляд и дурная мысль, дурное слово и дурной поступок. Сурово, но справедливо будет судить царь царей, владыка владык, и каждое его ухо, и каждый его глаз будут свидетельствовать. А еще бог-создатель не любит скуки, не ради этого создал он поднебесный мир. Он хочет веселья и радости, хочет игрищ и танцев, хочет песен и улыбок.

И люди из Долины ветров стремились не прогневить бога. Они работали, словно танцуя, с песнями и улыбками, и всякое событие отмечали праздником, веселись, насколько хватало сил.

Обо всем этом Гизелла узнала из песен и представлений, разыгрываемых на синем полотне, означающем дарованную людям воду, благодаря которой существуют злаки и цветы, травы и плоды, люди и звери.

Правда, избалованной шадизарской принцессе крестьянское веселье представлялось грубым, но она постаралась не подавать виду о том, что действительно думает.

Она улыбалась, хлопала в ладоши, когда кто-то танцевал перед ней, смеялась, а также танцевала сама, когда ее к этому вынуждали, успешно скрывая истинные чувства.

Она была царицей этого пира. Ей первой предложили отведать праздничной пищи. Это был неизвестный ей плод. Такой большой, что было невозможно обхватить пальцами. Гизелла взяла его и поднесла ко рту, смущенно улыбаясь, потому что не знала, как от него откусить.

— Нет, не так, — сказала девочка, стоявшая рядом. — Принцесса, а не знаешь. Давай я тебе покажу, как надо.

Гизелла с радостью отдала плод девочке. Она взяла его двумя руками, надавила большим пальцем на верхушку — и плод, брызнув на пол сочной красной мякотью, распался на две половинки.

— На, ешь, — сказала девочка и протянула од-

ну половину Гизелле, а другую со счастливым видом принялась есть сама.

Сок стекал у нее по подбородку и капал на грудь. На девочке были синие юбка и передник, спина и бока оставались открытыми, видны были худые ребра.

— Вот нахалка! — сказал кто-то.

— Я не нахалка, а просто очень хитрая, — заявила девочка с набитым ртом, и все засмеялись.

— Где же музыка? Где музыканты?! — раздался нетерпеливый женский голос. — Принцесса устала ждать!

Она была не права, Гизелла вовсе не устала, поскольку и не ждала. Но как бы то ни было, а в ответ женщине вдруг грянул такой резкий странный звук, что у принцессы сердце ухнуло куда-то вниз. На миг она подумала, что все это сон, и сейчас она проснется в объятиях Тахора, глубоко в ад. Она едва сдержалась, чтобы не закричать.

Но когда к этому звуку добавился гулкий барабанный удар, а потом еще и звон маленьких колокольчиков, она поняла, что звуки эти вовсе не вопли голодного демона, а всего-навсего сельская музыка.

— Бог хочет танцев! — воскликнула худая девица-подросток, выскочившая из толпы.

Синее платье на ней было слишком просторное, туда могла бы поместиться еще одна точно такая же.

Барабаны застучали с новой силой. Девица наклонилась всем корпусом, выставив зад, томно

повела им влево-вправо, будто корова, заигрывающая с быком, а затем вдруг резко выпрямилась и подпрыгнула, высоко вскинув ноги.

К ней присоединилась вторая. На мгновение они встали друг напротив друга, подбоченившись, словно кулачные бойцы, а потом принялись кривляться, изображая то ли обезьян, то ли бойцовых петухов.

К ним выскочил юноша, вроде бы один из тех, что помог Гизелле и Конану выбраться из подземного мира. Девицы усиленно делали вид, что он им мешает, толкали его, как бы не обращая на него внимания, но это явно была всего лишь часть танца, и на лице юноши сияла довольная улыбка.

А потом к танцующим один за другим стали присоединяться молодые люди, и вскоре уже почти все танцевали. Кто-то схватил Гизеллу за рукав и тоже втянул в круг.

Мелькали лица, раздавались выкрики. Гизелле то и дело приходилось уворачиваться от кос, рук, а иногда и ног. Каким-то чудом ее ни разу не задели, хотя она никогда не подозревала за собой отчаянно большой ловкости. Скорее всего, это все-таки была не ее ловкость.

Долго она не продержалась. От мелькания и верчения у Гизеллы закружилась голова, она остановилась и оперлась на руку любезно подвернувшегося молодого человека. Он сразу понял, что ей нехорошо. Бережно поддерживая принцессу за талию, он отвел ее к лавке и усадил.

— Тебе что-нибудь нужно, гостья? — спросил

он, склонившись к Гизелле. От него пахло сеном и потом.

Она помотала головой. Но вид ее говорил о том, что одно ей все-таки нужно — посидеть, не кружась больше. И без того бледное лицо сделалось еще бледнее.

Она прикрыла глаза и прислонилась затылком к стене, попытавшись отрешиться от визга и стонов струны, боя больших и малых барабанов, звона колокольчиков. Но когда это более-менее удалось, над самым ухом раздался зычный голос, от которого принцесса даже вздрогнула:

— Устала, гостья?

Гизелла открыла глаза. Рядом с ней сидел тот самый лысый старик, похожий на мумию, что приветствовал их, когда они входили в селение.

— Не злитесь, — чуть тише сказал старик. — Они никак не нарадуются! Они счастливы, что вы здесь! Вы у нас первые настоящие гости, после пятидесяти лет, когда погибла Земляная домина, это недалеко, за перевалом, а о другом мире, который за горами, мы забыли, но мы не забыли о гостеприимстве. Каждые три месяца мы выбираем из нас гостья и чествуем его как гостя. Поэтому мы умеем веселиться!

Гизелла вертела головой, но никак не могла найти своего могучего спутника. Конан куда-то подевался еще в самом начале праздника. Это тревожило принцессу, но она ни у кого не решалась спросить, где он.

Крестьянские девушки вид обычно имеют скромный и застенчивый, но на самом деле всегда не против провести ночь с понравившимся молодым человеком. Эта истина оказалось верной и для Долины ветров. Конан еще издали заметил двух юных девиц, глядящих на него особенным взглядом, и пока внимание большинства крестьян было обращено на принцессу Гизеллу, продолжал обмениваться с ними взглядами. А когда в большой комнате с чучелом расстелили синее полотно и начали ритуальные танцы, Конан воспользовался невниманием к своей особе и удалился. Он отошел от площади перед башней в небольшую улочку и присел на лавку. Как он и ожидал, девицы, заинтересовавшиеся им, пошли за ним следом. Они были маленького роста и похожи друг на друга, как близнецы. Наверное, они и были близнецами. Они стояли в нескольких шагах от Конана и усиленно делали вид, что стоят здесь вовсе не для того, чтобы глязеть на него. Он не мешал им в этом занятии. Сняв со спины ножны с мечом, он поставил их перед собой в качестве опоры. Усталость и голод давали себя знать. Если бы не отвращение к ритуалам, он бы остался с принцессой. Из большого здания донеслась визгливая музыка. Наверное, пир уже начался и подали мясо, плоды и вино. Ни от чего из этого Конан бы не отказался.

Девицам надоело кривляться друг перед другом, время от времени, произнося ничего не зна-

чащие слова, и одна из них решила действовать откровенно.

Она подошла к Конану самой соблазнительной из походок, которую знала, и спросила:

— Ты, наверное, устал, гость? Ты хочешь мяса и вина?

Конан в ответ одарил ее улыбкой.

— Меня зовут Конан, красавица. И я хочу мяса и вина, ибо усталость доконала меня.

— Ах, гость, мы сейчас! — хором воскликнули девицы и бросились к большому зданию.

Главное, подумал Конан, чтобы у них не нашлось безрассудных обожателей. Не любил Конан с такими сражаться, а, тем более, убивать. Они ведь могли напасть на него не со зла, а по глупости, а воин должен бороться не с глупостью, а со злом. Кроме прочего, Конан был не один, и следовало думать и заботиться не только о себе.

Девицы вернулись очень быстро. У одной из них был металлический кубок с вином, у другой большое блюдо со снедью. Они толкались, визжали и хихикали. Из кубка на землю выплескивались кровавые капли, а с блюда угрожали свалиться плоды.

— Пей, гость, — сказала одна из девиц, протянув Конану кубок с вином.

Он с жадностью приложился к кубку.

Вино было превосходным. Ради такого где-нибудь в Шадизаре надо было серьезно потрудиться. Оно стоило раз в десять дороже обычного пойла.

— Прекрасное вино, — сказал Конан, допив до половины.

Девицы заулыбались, пряча глаза от смущения, как и полагается юным крестьянкам. Но сколько в этой стыдливости было скрытой страсти!

Конан усмехнулся и добавил:

— Но одним вином сыт не будешь.

Он протянул руку к блюду и взял тонкий кусок жареного мяса с золотистой корочкой. Корочка состояла из сыра, обильно сдобренного красным перцем. Пришлось еще изрядно приложитьсь к кубку.

— Как вас зовут, красавицы? — спросил Конан.

Девицы захихикали и принялись толкать друг друга локтями.

— Ты говори, он тебя спросил, — сказала одна.

— Нет, тебя. Ты должна ему сказать, как нас зовут, — возразила вторая.

— Нет, ты. Улара, ну я тебя прошу! — взмолилась первая.

— Ну вот, сестрица, про меня ты и сама сказала! Договоривай уж теперь до конца! И себя представь. — Улара повернулась к Конану и улыбнулась: — Вот, смотри, гость на тебя смотрит и ждет!

На самом деле в этот момент Конан смотрел на Улару, а не на ее сестрицу. Потому что вино в кубке кончилось, и он собирался попросить еще.

Сестрица Улары вдруг шумно всхлипнула, неожиданно резко сунула блюдо со снедью в руки

Конана, повернулась и убежала. С блюда скатился большой зеленый плод, упал на землю и раскололся на половинки. Сочная красная мякоть брызнула во все стороны.

— Куда это она? — спросил Конан.
— Не знаю. Но до утра теперь точно не появится. А может и пару дней пропадать.
— Жаль, она мне нравилась, — сказал Конан.
— Странно, что она тебе нравилась. Она ведь очень глупая, еще совсем ребенок.
— Да ведь вы одного возраста, разве не так?
— Нет. Я старше. Я раньше вылезла из маминого живота. Так мне мама сказала, — пояснила Улара.

— Ну, может быть, и не старше, зато проворнее, — сказал Конан.

— А вот она у нас вообще спать любит. Чуть свое рождение не проспала. Только потому и родилась, что я ее ногой толкнула, когда вылезала. Если бы не я, она бы все спала и спала.

— Вряд ли можно проспать свое рождение, — засомневался Конан.

— Да запросто. Ты такой большой и сильный, а простых вещей не понимаешь. Или там, откуда ты пришел, никто навсегда не засыпает? Да так крепко, что начинает гнить?

Из большого здания донеслась ритмичная музыка. Большой кожаный барабан, колокольчики, маленькие жестяные барабанчики, свистульки, какие-то струнные инструменты.

Улара стала покачивать головой, потом плечами, потом движение пошло дальше вниз и вот

она уже принялась вся извиваться, как рыба, плывущая против течения.

— А смотри, как я умею! — с этими словами она развернулась к Конану задом, сильно наклонилась и так откровенно задвигала бедрами, что Конан позабыл о том, что собирался попросить ее принести еще вина.

Она сама была вином! Так, после чарки-другой доброго вина, любили восклицать, рассказывая о своих свиданиях, странствующие воины в Шадизаре, настроенные на поэтический лад. Не было никаких сомнений, что во многих случаях они преувеличивали, ибо Конан подчас имел возможность проверить их слова, но двигающиеся бедра Улары действительно опьяняли!

Рука Конана непроизвольно потянулась к девушке и погладила ее. Улара крепко схватила Конана за руку и потащила руку вниз.

— Улара, что ты делаешь! — неожиданно раздался срывающийся юношеский голос.

Ну, вот, подумал Конан, как и следовало ожидать. Такие хорошенъкие девицы со склонностью к флирту не могут быть совершенно свободны. Жаль парня.

— А ты что, сам не видишь? — спросила Улара, разгибаясь и упирая руки в бедра. — Ты думаешь, раз я с тобой одну ночь целовалась, так я стала твоей навеки?

Юноша выглядел очень расстроенным. В руках у него была палка.

— Улара... — произнес он.
Она покачала головой и показала ему язык.

— Улара, Улара... — передразнила она. — А что ты ко мне, а не к моей сестрице лезешь? Ты ведь ей нравишься, а она ведь такая же, как я.

— Не такая же. — Голос юноши дрожал.

— А какая? Ну, отвечай же, Хатван!

— Ты... Ты — желанная! — почти выкрикнул он.

Улара издевательски захохотала, повернулась и положила руки на плечи Конана, а потом села к нему на колени.

— Я теперь целиком принадлежу ему, нашему гостю, — заявила она, обернувшись к Хатвану и прижимаясь затылком к могучей груди киммерийца. — И он заберет меня с собой. Я буду его маленькой рабыней. И он будет меня наказывать, когда я провинюсь.

Конан осторожно взял красавицу за талию и поставил на ноги.

— У меня нет рабов. Я сам свободный человек и предпочитаю иметь дело со свободными людьми. Но наказать тебя я готов хоть сейчас! — сказал он и слегка шлепнул Улару пониже спины.

Шлепок получился весьма звонким. Улара взвизгнула. Конан поднялся с лавки и шагнул навстречу Хатвану.

— Я убью тебя! — закричал юноша, поднял палку высоко над головой и с воплем кинулся на Конана.

Разумеется, юноша пробежал мимо, споткнулся о лавку и свалился за нее, но тотчас мужественно поднялся, не обращая внимания на кровь, текущую из носа.

— Бери меч, трус! — завопил он, вскакивая на

лавку, прямиком ногами в блюдо, с хрустом давя плоды. — А я убью тебя вот этой палкой!

— Хатван, ты что? Это же наш гость! Ты что с ума сошел? — вскрикнула Улара.

Не удостоив возлюбленную ответом, юноша снова бросился на противника. Конан опять отступил, но на этот раз еще и подставил ногу, так что Хатван, прежде чем упасть, перевернулся через голову и ударил сам себя палкой.

Кровь брызнула на лицо Конана, но он этого не заметил.

Упал Хатван основательно и явно не собираясь быстро вставать.

— Изверг! — вскрикнула Улара. — Зачем ты так моего Хатvana! Ты убил его! Ты зверь, а не человек!

Хатван в ответ застонал.

Улара сжала кулаки и бросилась на Конана, обрушив на его грудь град слабых ударов. Он молчал, не препятствуя ей. Через несколько мгновений она перестала так же внезапно, как начала. Она отступила, прижав кулаки к груди, со слезами на глазах, и забормотала:

— Прости, прости меня, гость. Гость выше хозяина. Гость лучше хозяина. Накажи меня, накажи со всей строгостью! Я очень грешна. Мне нет оправдания. Нет прощения! — Она встала на колени и низко опустила голову, как преступник, подставляющий шею под топор палача.

— Я не зверь, — сказал Конан. — А твой Хатван жив.

— Я жив, — подтвердил Хатван.

— Я готова стать рабыней в твоем доме! — вскрикнула Улара и сама себя звонко ударила ладонью по щеке.

— У меня пока нет дома, — возразил Конан. — Но когда будет, я обязательно воспользуюсь твоим предложением.

24

Гизелле наскучило веселье. А крестьяне, наоборот, увлекались все больше и больше. Когда они увлеклись настолько, что перестали обращать внимание на принцессу — по крайней мере, ей так показалось, она решила покинуть комнату. Ужасно хотелось побывать наедине. Общество утомило принцессу. Ее утомляло любое общество, даже в Шадизаре, даже самое утонченное и изысканное, а крестьяне утомили особенно. Она чуть не шаталась от усталости. Очень хотелось спать.

Выйдя под небо, на котором бесстыдно сияли звезды, она присела на лавку, не заметив, что следом за ней вышел юноша. Это был Гилван. Увидев, что Гизелла склонилась в позе усталой задумчивости, он в нерешительности остановился в тени.

Гизелла посмотрела на свои ноги и увидела мышь. Мышь что-то разнюхивала между носков сафьяновых туфель.

В другое время Гизелла бы закричала и вскочила на лавку, как и подобает приличной женщине из высшего общества, но тут поступила по-

другому. Она осторожно, медленно, чтобы не спугнуть мышь, придерживая правой рукой левый рукав, высвободила левую руку и схватила мышь за хвост. Зверек запищал и попытался улизнуть, отчаянно перебирая лапками.

Гизелла на мгновение выпустила его, а потом снова схватила. Она действовала как кошка, играющая с мышью!

Гилван с ужасом взирал на все это, не дыша и стараясь не двигаться. Пот градом катился у него по спине, а ноги предательски дрожали.

Гизелла соскользнула с лавки, опустилась на четвереньки и еще раз выпустила и поймала мышь. А потом поднесла мышь ко рту и откусила мыши голову!

Гилван не выдержал и вскрикнул. Гизелла обернулась. Юноша отчетливо видел ее рот, запачканный кровью, черной в призрачном звездном свете. Гизелла посмотрела на него в упор, а потом равнодушно отвернулась, словно он был пустым местом.

Но она не могла не заметить его! Если, конечно, у нее было человеческое зрение. Значит, Керземек прав — и она не человек. Она — демон из преисподней. И только кажется человеком.

Гизелла выплюнула голову, встала, отбросила трупик, вытерла рот рукавом и вернулась в дом, пройдя мимо Гилvana, снова не обратив на него никакого внимания.

У входа в дом праздника она увидела Конана. Он пребывал в непривычной задумчивости, а на лице у него была кровь.

— Что случилось? — бросилась к нему Гизелла. — Ты ранен? У тебя кровь на щеке.

— Пустяки, это не моя кровь, — сказал Конан.

— Ты кого-то убил? На тебя напали? — продолжала взволнованно спрашивать принцесса.

— Напали, если это так можно назвать, — махнул рукой Конан. — Я же сказал — пустяки. Обычная деревенская драка. Скорее развлечение от скуки. Просто один юноша решил, что я покушаюсь на его будущее. Но он жив и я надеюсь, пребывает сейчас в утешительных объятиях своей возлюбленной.

Гизелла не совсем поняла, о чем толкует Конан, но он уже открыл дверь, так что выяснить подробности не осталось времени.

Крестьяне будто бы и не заметили отсутствия виновников торжества. Грохотала своеобразная сельская музыка, подростки прыгали и кривлялись друг перед другом, показывая всю свою ловкость. Правда, и музыканты стучали и дули уже не так громко, и танцоры устали.

Девица в просторном синем платье, которая первой начала танцевать, при очередном прыжке, приземлившись, вдруг пошатнулась и сильно толкнула юношу. Он, как оказалось, тоже плохо держался на ногах. Взмахнув руками, юноша сделал пару шагов назад — как раз в направлении принцессы.

Гизелла хотела уклониться, но выяснила, что это уже вполне успешно сделали за нее, ибо она находится над полом и за талию ее крепко держит Конан.

Не найдя никакой опоры, юноша повалился на пол.

— Вот это было лишнее, — заметила Гизелла. — Ты, кстати, не мог бы меня отпустить?

— Я тебя не держу, — заявил Конан, ставя принцессу на пол.

Упавший юноша был уже на ногах и не знал, куда деваться от стыда. Он покраснел и склонил голову, пряча лицо, не в силах вымолвить хоть что-то в оправдание.

Но Гизелла не смотрела на него. Вместо этого она повернулась к своему могучему спутнику и залепила ему звонкую щечину.

— Не дерзи! — сказала она.

Люди засмеялись. Особенно звонко смеялась девица в просторном синем платье. Юноша что-то неразборчиво и быстро пробормотал и поспешил скрыться. О нем тут же забыли, потому что в круг танцующих, ковыляя, вошел лысый старик, похожий на мумию, и стал как-то уж совсем непотребно танцевать, чуть приседая и поднимая ноги, будто пес, собирающийся пометить территорию.

К гостям подбежала девочка с небольшим металлическим подносом, на котором стояли два кубка.

— Вино! — сказала девочка.

— Очень кстати! — произнес Конан, взял кубок и приложился к нему, выпив сразу почти половину. Вино было несколько хуже того, что поднесла ему на улице Улара. В нем был какой-то странный привкус. Слегка горьковатый, с оттен-

ками прелых осенних листьев, грибов и черного хлеба.

Гизелла сделала глоток и поморщилась.

— Честно говоря, я ожидала, что гостей здесь угощают чем-то лучшим, — заявила она. — Но, наверное, это и есть лучшее. Не выпьем, тогда хозяева могут обидеться. А они ведь такие хорошие люди...

И она выпила еще.

— Не знаю, хорошие ли... — сказал Конан. — Может быть, они только делают вид, что хорошие. Вон тот, с носом набекренъ, мне совсем не нравится.

— Нельзя судить о человеке по его внешности, — заметила принцесса.

Не отвечая, Конан снова приложился к кубку. Но не успел он допить, как к нему приблизилось несколько молодых женщин. Одна из них была на сносях. Она шла мелкими осторожными шагами, бережно придерживая огромный живот. Это была та самая женщина, которая, когда Гизелла появилась в долине, указала, что принцесса голая, и на ней, кроме накидки Гильвана, ничего нет.

— Мы приготовили для вас комнату, госпожа, — громко, пытаясь перекричать музыку и вопли танцоров, произнесла она. — Надеюсь, вам понравится. Это теперь самая лучшая комната во всей долине. Вы, наверное, устали и хотите отдохнуть... — Неожиданно женщина изменилась в лице. — Да у вас пятно на рукаве! — воскликнула она.

— Пятно? Где? — спросила Гизелла. — Ах, это... Это, наверное, сок.

Она чувствовала себя виноватой, что испачкала платье, которое для крестьян было священным. Но она совершенно не помнила, откуда это пятно.

— С вами все хорошо? — заглядывая Гизелле в лицо, поинтересовалась беременная женщина.

— Все хорошо! — кивнула принцесса.

Женщины отвели Гизеллу и Конана к дому через несколько улиц. Внутри было чисто и удивительно тихо. Кроме того, пахло приятными благовониями. Гизелла сразу ощутила разницу между этим запахом и запахом, который исходил от нее, и почувствовала себя отвратительно грязной. Ей захотелось окунуться в бассейн, полный прозрачной теплой воды — и чтобы ее умащали юные служанки с проворными руками, и чтобы за занавесью сидели музыканты и играли умиротворяющие богов мелодии. Она на мгновение прикрыла глаза, представив все это — и вдруг почувствовала в рту мерзкий вкус крови.

Она чуть не вскрикнула. Конан дотронулся до ее плеча, почувствовав ее взволнованное состояние. Она не понимала, откуда эта кровь, но это совершенно точно была не ее кровь.

— Нет, нет, — Гизелла дернула плечом. — Оставь меня. Я в полном порядке. Ничего не нужно.

— Ты уверена? — спросил Конан.

Гизелла не удостоила его ответом. Через небольшую прихожую они попали в спальню. Здесь словно был другой мир. Словно вокруг не было

ни гор, ни селения с полудикими крестьянами, оторванными от остального мира, словно они просто заглянули в одну из спален дворца в Шадизаре.

На кровати под узорчатым балдахином лежали подушки. Множество разноцветных подушек — с рисунками и без, большие и маленькие, плоские и пухлые.

— Зачем столько подушек? — удивилась принцесса.

— Это подушки из приданого всех наших девушек, еще не выбравших себе возлюбленного, и они хотят, чтобы ваши благоуханные сны пропитали подушки, ради счастья и благополучия, — сказала беременная женщина.

— Но я не смогу спать на всем этом приданиом! — воскликнула Гизелла. — Это все, конечно, очень хорошо, и я оценила ваше гостеприимство и отношение ко мне, но мне ведь нужно где-то прилечь, а я не вижу свободного местечка на этой кровати!

— О, принцесса, мы тотчас все уберем! Только вы хотя бы прикоснитесь ко всем подушкам. Мы вам будем их подносить, а вы прикасайтесь!

— Дурацкое занятие! — заявила Гизелла, но все же выполнила просьбу. Не так уж это было и трудно.

Она прикасалась к подушкам даже с удовольствием, ибо все они были разными, все были произведениями искусства, весьма примитивного, но яркого, необычного и радующего взор.

Закончив глупый обряд, крестьянки откланя-

лись и ушли. Гизелла и Конан остались в одиночестве. Конан присел на огромный сундук, разрисованный символическими облаками, и с любопытством взглянул на принцессу. Сквозь окна, занавешенные кисеей, едва пробивался холодный вечерний свет, окутывая Гизеллу флером таинственности, что делало ее еще более соблазнительной.

— Интересно, зачем боги послали тебе меня? — задумчиво спросил Конан.

— Ты ошибаешься, варвар! — возмущенно воскликнула Гизелла. — Не меня тебе, а тебя мне! И что это ты здесь сидишь? Я хочу остаться в одиночестве! — сказала она ледяным тоном, высоко вздернув подбородок. Она снова стала надменной принцессой.

— Я буду спать возле двери, если что, — вставая с сундука, сообщил Конан, и вышел в прихожую. Гизелла захлопнула за ним дверь.

25

Птица долетит из Долины ветров до Шадизара за пару часов, но людей затерянной в горах Долины ветров и людей Шадизара, одного из самых великолепных городов мира, разделяет расстояние неизмеримо большее. Люди не птицы, летать не умеют, и когда единственный путь в долину был прегражден лавиной, дорога в большой мир оказалась закрытой. С тех пор минуло двести лет. Поговаривали, что есть еще один путь из Долины ветров через горы, точнее — под горами.

Но крестьяне не были столь отважными, чтобы попытаться проверить это. Из глубин земли время от времени появлялось нечто опасное — жуткие пещерные дикии, похищавшие детей безлунными ночами, или еще более жуткие адские создания, от одного вида которых у слабого человека могло остановиться сердце.

Но самыми опасными среди всех были создания, обликом подобные человеку, только во всем превосходящие человека. Человек по сравнению с ними был всего лишь жалкой пародией на самого себя, едва походил на человека. Ибо эти существа из иного мира показывали, каким должен быть человек. И облик обычного мужчины или женщины казался чем-то неправильным, словно они были не людьми, а куклами, созданными недостаточно умелым мастером. Но все же они были людьми, а эти существа, превосходящие человека, людьми не были.

Так считал Керземек, который надеялся состояться главой общины. Люди верили ему, и он не разочаровывал людей. Правда, до того, как он впервые встретил подобных подземных демонов, он не думал об этом. Но когда, поспешив вместе с остальными на зов дозорного, увидел их — один был подобен женщине удивительной красоты, а другой — великолепному и сильному мужчине, — он понял, что все, что до этого исходило из подземного мира, было всего лишь детскими кошмарами.

Доверчивые соплеменники Керземека даже и не подозревали, с какой жуткой силой столкну-

лись. Не видели за привлекательными оболочками мерзейшей сути.

И Керземек не решился открыто сказать всем, что думает о гостях. Он опасался, что люди испугаются, возникнет страх, а этим тварям из преисподней только того, наверняка, и нужно. Человеческий страх вызовет в них ответную реакцию — побудит сбросить оболочки, и тогда их будет уже ничем не остановить. Мысль об этом была для Керземека невыносима. Этого нельзя допустить!

Он решил действовать по-другому. Предупредив Гилvana и заручившись его согласием, Керземек отправился в дом своего отца. Пустой дом на окраине Долины ветров. И вернулся на праздник в общинный дом далеко не сразу. Так как непросто приготовить то, что поможет вернуть демонов в преисподнюю.

Это было тайное знание, хранившееся в их семье с незапамятных времен, и Керземек всегда считал, что совершенно бесполезное. Он еще помнил палку отца, которой он пользовался, чтобы побудить сына к изучению науки. И до встречи с демонами Керземек считал, что наука не пойдет ему на пользу, хоть отец и употреблял палку чересчур часто.

Чтобы приготовить снаidобье, Керземек использовал слизь с жабьей кожи, крыло летучей мыши, шесть видов грибов, светящихся в ночи, ножки цикад, стрекочущих в полнолуние, и мочу годовалого ребенка.

Когда он вернулся в дом праздника, демонов там не было. Но все вели себя так, будто они

присутствовали. Люди радовались и веселились изо всех сил. Керземек не стал ни у кого спрашивать, где демоны, но дурные предчувствия охватили его.

К счастью, они не оправдались. Демоны вскоре появились. Они вели себя, как люди. Ничто не выдавало их адской сущности. Но на рукаве пластия женщины-демона виднелись следы крови.

Керземек, побледнев от ужаса, повернулся к ним спиной и дрожащими руками подвинул к себе поднос с пустыми кубками. Затем взял вино в глиняной бутылке, откупорил ее и сделал большой глоток. Вино оказалось на него благотворное действие. Он все еще был бледным от ужаса и чувствовал такой холод, будто все его внутренности превратились в лед, но руки больше не дрожали.

Керземек разлил вино по кубкам, незаметно добавив сонный яд, временно повергающий в черную пустоту, который должен был на несколько часов отправить демонов в путешествие вне тела. Путешествие в абсолютной темноте: спящим от этого сонного яда ничего не снилось.

Он подозвал девочку, дочь своего брата, ласково погладил ее по голове, и вручил поднос.

— Иди, отнеси вино гостям. Гости не должны испытывать жажду! — сказал он.

Девочка схватила поднос и, едва не упав, со всех ног бросилась к демонам, не подозревая, что несет отраву.

Керземек с тайной радостью наблюдал, как они пьют. Он успел как раз вовремя. Промедли

он еще немного — и ничего бы не вышло. Ибо не успели демоны допить, как к ним приблизились молодые женщины и увели их отдохнуть.

Керземек вздохнул с облегчением и допил вино из горлышка. Гилван подошел к нему. На юношу было страшно смотреть. Должно было случиться что-то ужасное, чтобы он так выглядел.

— Гилван, что с тобой? — спросил Керземек.

— Она съела мышь, — тихо ответил Гилван.

— Наша так называемая принцесса, я тебя правильно понял? — еще более тихо, почти без голоса, одними губами, сказал Керземек.

Гилван кивнул.

Керземек откупорил еще одну бутылку и протянул юноше. Гилван взял, но выпить не спешил, глядя в стену пустыми глазами.

— Я ведь говорил тебе, — произнес Керземек.

— Я не понимаю. Она ведь так похожа на человека, — задумчиво сказал Гилван, потом приложился к бутылке — и столь надолго, что Керземек даже забеспокоился, как бы юноша не захлебнулся.

Он притронулся к его плечу и слегка надавил на него пальцами. Гилван отнял бутылку от рта. Выражение лица у него было, как у только что проснувшегося мальчика-подростка.

— Не понимаю, — еще раз сказал Гилван.

— Тебе сейчас и не нужно понимать. Позже ты поймешь, что я был прав. И насколько я был прав. Ты поймешь, каким могло быть наше будущее, если бы я вовремя не распознал опасность.

Но это потом, а сейчас созви своих ребят, у нас скоро будет важное дело. Ждите меня у башни.

Керземек снова отправился в дом своего отца. Надо было все сделать самому, чтобы не возникло неожиданностей.

Он взял два прочных холщовых мешка, новеньких, пахнущих льном, приятных на ощупь. Жалко было их использовать для такого дела. Керземек мял ткань пальцами и вдыхал запах. Но выбора все равно нет, ничего более подходящего не имеется.

С решительностью и усердием рыбака, поймавшего крупную рыбу, Керземек скатал мешки и перевязал их прочной веревкой.

Когда он появился у дозорной башни, он был таким же решительным. Гилван и трое его приятелей уже ждали. Как оказалось, они не понимали, что тут делают, для чего они понадобились в то время, когда все нормальные люди спят. Керземек с укором посмотрел на Гилvana, а затем объяснил, зачем они собирались ночью. Юноши попытались возражать, но Гилван подтвердил странные слова Керземека.

— Она сожрала мышь! — сказал Гилван.

Это убедило юношей. Девушки, питающиеся мышами, не вызывали у них никакой симпатии.

Керземек отдал им свернутые мешки и пошел налегке, стараясь выглядеть уверенней, чем был. Он первым вступил в дом, где отдыхали демоны, притворявшиеся людьми, но остановился перед спальней, едва не наступив на кого-то, лежащего перед дверью.

— Ну что там такое? — встревожено спросил Гилван.

Керземек наклонился.

— Это демон, мужчина, — сказал он. — Интересно, почему он не внутри, не с ней?

— Он выглядит слишком тяжелым, — заметил один из приятелей Гилvana.

— Он и есть тяжелый. Для этого я вас и пригласил, — объяснил Керземек. — Потащите вчетвером. И его меч тоже, нельзя оставлять здесь дьявольского оружия. А девушку возьму я.

Гизелла с трудом осознавала, что делает, едва могла понять, где она и что с ней происходит. Ум, которым она всегда так дорожила, изменил ей, сквозь него пробежала огромная трещина, а потом еще одна, и еще — и ум развалился на части, как ком земли.

Жуткие силы овладели принцессой. Когда после засыпания в теплой мягкой постели под невесомым покрывалом из многослойного шелка она очнулась в сырой холодной пещере внутри грубого холщового мешка, эти силы очнулись вместе с ней. Они заставили ее мгновенно напрячься и одним движением разорвать мешок и пугты. Она даже не понимала, что в нормальном состоянии не смогла бы этого сделать — она считалась хрупкой и нежной девушкой. Она вскочила на ноги, сразу осознав, что снова голая. Она зарычала и сплюнула, потом посмотрела на дру-

гой мешок. Там было что-то живое. Гизелла присела над ним на корточках и принохалась. Мужчина. Большой и сильный. С горячей вкусной кровью. Память прежней нежной девушки подсказала — Конан. И чувства вспыхнули в принцессе с новой силой. На несколько мгновений она опять стала утонченной царской дочерью, надменной, гордой и умной. Темные жуткие силы отступили. Гизелла закричала и отпрянула от мешка.

Кровь! Она только что думала о Конане, своем друге, как о сосуде с кровью. Она хотела его, но не как мужчину, а как пищу. Она хотела есть! И едва Гизелла подумала об этом, как голод охватил все ее существо, а с ним вернулись и силы тьмы, делающие ее нечеловеком. Но Гизелла не хотела этих сил, и на этот раз они не сумели полностью завладеть ею.

И все же часть ее существа была захвачена. Боль, а не кровь текла по ее венам. И боль горячая, словно огонь.

С ужасным стоном Гизелла отпрянула от мешка и бросилась прочь на четвереньках. Потом поднялась, но не полностью. Она словно забыла, как следует двигаться человеку. Руки у нее стали будто тяжелыми и тянули к земле. Она бежала, сгорбившись, словно человекообразная обезьяна из Кешана, которую однажды привезли во дворец бродячие стигийские фокусники. Но она была гораздо свирепее, чем кешанская обезьяна.

Гизелла поняла это, когда столкнулась с пещерными дикарями. Она услышала их издалека.

Они общались между собой, громко улюлюкая, рыча, блея, свистя и издавая еще какие-то звуки. Наверное, их язык по большей части состоял из подражательных слов, и они разговаривали об охоте. Но это Гизелла решила потом, а когда она услышала их, только одна мысль возникла у нее в голове. Мысль, не принадлежащая человеку. Мясо! Оно идет, разговаривает, и его наверняка легко поймать.

Гизелла сделалась тихой, как кошка, крадущаяся за мышью. Впрочем, некоторый опыт в мышах у нее действительно был, только она забыла об этом. Она ступала осторожно, тело ее стало гибким и пластичным.

Дикари вышли прямо на нее. Они мало чем отличались от тех, которые собирались сделать ее матерью. И оказалось, что они не только вопили, но еще и размахивали руками и ногами, давая друг другу затрецины и пинки.

Гизелла забралась на камень, возле которого они должны были пройти, и слилась с тенью. Хотя, пожалуй, юные дикари не заметили бы ее, даже если бы она просто стояла в проходе перед ними. Они чересчур были заняты собой.

Когда она прыгнула на них, то не сдержалась и слегка взвизгнула. Один из дикарей поднял лицо. Или, скорее морду, потому что он больше был похож на пса, чем на человека.

Маленькие глазки стали чуть больше, когда увидели свирепую обнаженную женщину, которая летела на него, и совсем не для объятий. Она ударила его ногами в живот, одной рукой вце-

пившись в волосы, а другой выдавливая глаз. Он закричал, а в следующее мгновение уже визжал как поросенок, потому что она откусила ему нос.

Разложив визжащую добычу на земле, придавив ей горло коленом, Гизелла огляделась. Пещерные твари, отдаленно напоминающие людей, стояли вокруг нее, от неожиданности даже не пытаясь убежать. До их маленьких умов все никак не могло дойти, что они стали жертвами. Слишком уж непохожа была Гизелла на охотницу. Тем более, но хищника. У нее были руки и ноги, как у них, и груди, как у их общей матери. Только они не свисали до живота, словно пустые кожаные бурдюки, а были округлые и небольшие.

— Кхару! — совсем некстати выкрикнул один из дикарей.

Гизелла зарычала и вскочила на ноги. Зря он это сказал. Она не знала, что это значит. Не знала даже в своем разумном человеческом состоянии. Но это слово было плохим. Оно отзывалось в Гизелле воспоминанием о боли.

В руках у дикарей были палки, но они явно забыли об этом. Гизелла кинулась к выкрикнувшему плохое слово. В последний момент он вспомнил, что нужно обороняться и попытался защититься палкой. Но это только облегчило Гизелле задачу. Она продолжила движение палки, только не в том направлении, в котором хотел владелец. Он так и не понял, что вошло ему в шею над кадыком и лишило его жизни. Этого Гизелле показалось мало, и она вогнала палку еще

дальше, с такой силой, что сломала шейные позвонки, и голова мертвеца оказалась у него между лопаток.

От ужаса остальные дики, наконец, пришли в себя и пустились в бегство. Гизелла выдернула палку из жертвы и облизала с нее кровь. Труп упал к ее ногам.

Она чувствовала сильное возбуждение и радость. Она жаждала убивать.

Дикарь с откушенным носом решил последовать за сородичами. Но он почти ничего не видел из-за боли, крови, залившей лицо, и непривычного отсутствия одного глаза. Он даже вскочил на ноги, но не рассчитал своего следующего шага и сильно ударился об оказавшуюся у него на пути скалу.

Гизелла подоспела вовремя, чтобы не позволить ему упасть. Она подхватила бедолагу под мышки и нежно прижалась к его затылку, мурлыча как кошка. Дикарь неистово, с воплями дергался, потому что, несмотря на всю свою глупость, понимал, что эта нежность не матери к сыну, а хищника к жертве. Нежность, с которой едок подносит ко рту сочавшийся кровью кусок слегка обжаренного на костре свежего мяса.

Но всей его молодой дикарской силы оказалось недостаточно, чтобы вырваться из рук существа, еще недавно бывшего нежной и утонченной царской дочерью. А когда Гизелле наскучило наслаждаться беспомощностью жертвы, она впилась зубами в его сонную артерию и перекусила ее.

Юноша дернулся еще несколько раз и затих.

Гизелла удерживала его тело и пила кровь, пока не насытилась. Потом отпустила — и мертвец упал, громко стукнувшись головой о камень.

Ну ладно, пора заняться остальными, решила Гизелла. Хороший охотник никого не упускает.

Она нагнала троих дикарей в большой пещере, с текущим у стены ручьем. Это напомнило ей о пещере с дырами-колодцами из верхнего мира, и о Тахоре, который кидался камнями. На полу было множество камней вполне подходящего размера и формы. Гизелла подняла один из них. Тахор хорошо умел это делать, а сумеет ли она? Во всяком случае, она может попробовать.

Кидая камень, она вскрикнула. Дикари, находящиеся у темного проема выхода из пещеры, остановились и обернулись. И это было очень кстати. Потому что как раз в этот момент камень, брошенный Гизеллой, находился на излете, и не достиг бы цели, если бы цель сама не поспособствовала этому.

Камень поразил одного из дикарей в голову. Видимо, поразил основательно, потому что дикарь сразу же упал. Второй склонился над ним, пытаясь привести в чувство. Он тряс его и что-то орал. Третий попятился и скрылся в темном проеме. Гизелла неторопливо подняла с земли еще один камень. Треугольной формы, с острыми углами.

На этот раз цель была поражена без всяких усилий с ее стороны. Но не так эффективно. Камень ударил дикаря в плечо. Он упал, но тут же вскочил на ноги. Кровь текла по его руке. Он за-

рычал, сжав кулаки, наклонился и поднял камень, а потом с воплем бросился к Гизелле.

Гизелла тоже завопила в ответ — и бросилась навстречу. В последний момент перед столкновением с рычащим дикарем, Гизелла подпрыгнула и пнула ногой в перекошенное от гнева лицо.

Удар был достаточно сильным, чтобы дикарь опрокинулся на спину. Раздался хруст. Из-под лежащей под неестественным углом головы потекла кровь. Рот пещерного юноши был по-прежнему открыт, но из него не исходило ни звука. Вообще, кроме тяжелого дыхания Гизеллы и обычных пещерных шумов, ничего слышно не было.

Гизелла посмотрела на проем, в котором скрылся последний из дикарей. Добытое мясо, лежащее у ее ног, будило густым ароматом аппетит, но охотничий азарт все еще был сильнее.

Возле второго трупа Гизелла почуяла запах мочи. Последний дикарь обмочился от страха! Более яркий след невозможно было оставить. Яркий и зовущий. Даже если бы Гизелла не хотела убивать, она бы сделала это просто из инстинкта. Она сорвалась с места и побежала, не в силах преодолеть искушение.

Она нагнала дикаря достаточно быстро. Он находился в круглой пещере, потолок которой терялся во тьме. Словно это было дно глубочайшего колодца. Над юным дикарем и вокруг него стены поросли какими-то уродливыми черными растениями с нераскрывшимися бутонами цветов. Стебли были похожи на хвосты обезьян.

Юноша пребывал в каком-то странном положении. Обычно люди не могут прилипать к скале спиной. Он находился на высоте в два своих роста, ноги его ни на что не опирались, руки свободно свисали вдоль тела, а голова опущена на грудь — лица не было видно.

Гизелла остановилась. Что-то здесь было не так. У принцессы сейчас не имелось человеческого разума, она не могла логически мыслить, со-поставляя факты, но и разум зверя оказался достаточным, чтобы учゅять опасность. Как осторожный хищник, Гизелла подкрадывалась, бесшумно ступая, вся подбравшись, готовая в любой момент быстро отступить.

Правая нога юноши вдруг резко дернулась. Он застонал, поднял голову, и Гизелла увидела, что у него изо рта торчит какой-то черный отросток, мало похожий на человеческий язык.

Гизелла остановилась и склонила голову набок. Она была в недоумении. Гизелла отчетливо чувствовала угрозу, но не могла понять, откуда она исходит.

Гизелла пристально смотрела на юношу, слишком пристально — настолько, что перестала обращать внимание на то, что у нее под ногами. А зря — если бы она посмотрела вниз, то заметила бы, что песок под юношей подозрительно шевелится, и песчинки перекатываются без видимой причины.

На юноше была безрукавка из сильно облысевшей пятнистой шкуры барса, стянутая жилами, пропущенными крест-накрест через ряды от-

верстий — явно не дикарская одежда, скорее всего неправедная добыча из похода в поднебесный мир.

С удивлением Гизелла смотрела на то, как жилы растягиваются и скользят вдоль отверстий. Она не могла понять, что происходит. Тело юноши раздувалось. Не так, как происходит при дыхании. Гораздо медленнее. Человек не может так дышать. Потом жилы стали лопаться. Наружу полезла бледная плоть, поросшая черным волосом. Юноша раздувался, словно глубоководная рыба, которую вытащили из воды.

Гизелла вдруг почувствовала, что на нее кто-то смотрит. Она отвела взгляд от юноши, чтобы оглянуться, и обомлела от ужаса. То, что она вначале приняла за нераскрывшиеся бутоны цветов, вовсе не было цветами. Теперь бутоны раскрылись — и стало ясно, что это глаза. Круглые глаза на стебельках, которые торчали из стен пещеры. Они внимательно наблюдали за ней.

Краем глаза Гизелла увидела, что живот юноши лопнул. Но оттуда полезли не внутренности. Потому что обычные человеческие внутренности не могут извиваться сами по себе.

Не отдавая себе отчета, что делает, Гизелла шагнула вперед, чтобы пристальнее разглядеть эти странные внутренности. Она содрогалась от отвращения, но животное любопытство гнало ее вперед. Наверное, бабочки летят на свет и гибнут в пламени свечи по той же самой причине.

Она ступила на что-то живое и мягкое. Песок

под ней закружился множеством мелких воронок и оттуда полезли тонкие щупальца.

Гизелла застыла от ужаса, не в силах ни пошевелиться, ни даже закричать. Щупальца принялись обвивать ее ноги, словно лианы, ползущие по дереву.

Гизелла, наконец, закричала. И в этот момент что-то схватило ее сзади и вырвало из щупальцев. Гизелла продолжала кричать. Ибо то, что схватило ее, не было рукой человека. Оно было похоже на змею — с жесткими черными волосами, голое на конце.

Хвост Тахора! Гизелла снова была во власти демона! Словно все, что недавно было — Конан, земной мир, крестьяне Долины ветров, ее неожиданное превращение в кровожадное чудовище и эта жуткая тварь в пещере, которая едва не сожрала ее, — на самом деле оказалось всего-навсего сном.

Тахор закинул принцессу на плечо и выбежал из пещеры. Гизелла зарычала и попыталась изогнуться, чтобы укусить демона в шею. Но он держал ее крепко, так что у Гизеллы ничего не вышло.

Добравшись до следующей большой пещеры, Тахор сбросил ношу с плеча на землю и наступил принцессе ногой на живот. Гизелла отчаянно рыдалась, царапая ногу демона, но тщетно.

— Вечно мне приходится вытаскивать тебя из чьей-то пасти! А ты вечно неблагодарна! — проворчал он и засмеялся.

Особых причин для смеха у него не было, но

ему этого и не требовалось. И такой знакомый, отвратительный булькающий звук неожиданно вернул Гизелле человеческое сознание. Она прекратила сопротивляться и улыбнулась.

— Ну вот мы и снова встретились, — сказал Тахор. — Я знал, что ты вернешься.

Руки Тахора подняли Гизеллу и развернули лицом к нему. Улыбка принцессы повергла демона в изумление.

— Чему ты улыбаешься? — спросил он.

— Я улыбаюсь, потому что ты снова сделал меня человеком! — сказала Гизелла.

И принцесса тоже засмеялась. Но это был совсем другой смех, не имеющий ничего общего со смехом демона.

27

Гилван ворочался без сна. Долина ветров погрузилась в глубокую тихую ночь. Керземек ушел в дом жены, а Гилван лежал в общем мужском доме, неподалеку от выхода и прислушивался к звукам снаружи.

Он постоянно возвращался мыслями под землю. К двум мешкам, которые остались лежать под сталагмитовыми сводами. Особенно к меньшему из них, в котором, связанная по рукам и ногам, находилась прекрасная обнаженная принцесса, погруженная в ядовитый сон. Гилван хотел оставить ей хотя бы нижнее платье, но Керземек сказал, что нельзя давать демонам ничего человеческого, земного, пусть оно останется на земле,

а под землю пусть вернется демоническое. Два мира не могут существовать в одном. Два мира должны быть разделены — и только тогда может быть достигнуто равновесие.

Но в душе Гилвана не было равновесия. Распаленное юношеское воображение рисовало ему ужасные сцены. Он представлял себе огненноглазых подземных чудовищ, которые подбираются к мешкам, шевеля длинными усатыми, словно у крыс, носами, приюхиваясь и пуская мутные слюни.

Кем бы ни были гости, они все-таки были гостями. Они пришли в селение и не причинили никому вреда. А мы поступили по отношению к ним подло. Мы совершили тяжкий грех, и неизвестно, чем это обернется в будущем. Нельзя ведь избежать воздаяния за грехи. Следует погасить огонь греха добрым делом. Даже к демонам следует проявлять сострадание. Все достойны его. Нужно развязать пленников, чтобы оставить им хотя бы один шанс на выживание.

Мучаясь кошмарными видениями окровавленных мешков и разбросанных вокруг частей когда-то целого и соблазнительного тела, Гилван ворочался в полуслне, пока вдруг громко не залаяла собака. Наверное, псу тоже приснился страшный сон.

Гилван тихонечко собрал свою одежду и пробрался между спящими. Доски предательски скрипели, но злоупотребившие священными напитками молодые люди спали крепко.

Наступало утро. Разбудив нескольких собак,

зашедшихся лаем, Гилван вышел из селения, поднялся по террасам вверх, вспугнув пару крупных птиц, спустился по едва заметной тропинке к расселине и протиснулся в нее. Через несколько шагов в камне была щель, обрамлявшаяся вьющимися травами. Гилван встал на четвереньки и вполз. Узкий лаз вел в пещеру овальной формы, напоминающую половинку яйца, разрезанного вдоль, здесь потолок был достаточно высоким, чтобы можно было выпрямиться в полный рост.

Это были удивительные пещеры. Обычно пещеры — царство тьмы, но эти были особенные. В них всегда было светло.

Когда-то пещеры ничем не отличались от других, но двести лет назад в Долине ветров появился чародей. Он был то ли из Вендии, то ли из Китая, и пытался найти вход в преисподнюю, чтобы вызволить оттуда свою рано умершую возлюбленную. Говорили, что он сам отправил ее туда, чтобы получить весомую причину отправиться в ад, а подлинной его целью были тайные знания древних демонов, найти которые можно было только в аду. Он привез в большом сундуке несколько сотен светящихся улиток, чтобы не пользоваться огнем. Таковы были требованияния его магии и веры.

Он ушел в глубь пещер, но так и не вернулся оттуда. Говорили, что он стал учеником повелителя ада, и забыл не только о поднебесном мире, но и о себе, и о своей возлюбленной. Повелитель ада ревнив и никого от себя не отпускает. А све-

тящиеся улитки расплодились и заполнили пещеры.

Из глубин неожиданно донесся какой-то протяжный звук. Конечно, может быть, это был все-гоЛавсего подземный обвал, но Гилван сразу решил, что это вопль голодного демона. Он крепко ухватился за рукоять своего единственного оружия. Обоюдоострого длинного ножа, доставшегося ему от предков.

По мере того, как Гилван спускался, сердце его билось все сильнее и сильнее. Он чувствовал, как от ужаса холдеет спина. Ноги становились все более вялыми. Походка стала, как у деревянного человечка.

Наклонная шахта уходила вглубь очень далеко и заканчивалась почти такой же по форме пещерой, что и наверху, только раза в полтора больше. С потолка пещеры свисали сталакиты, неприятно напоминающие обломанные зубы.

Гилван остановился, прислушиваясь. Что-то в этом месте изменилось с прошлого раза. Но что могло измениться всего лишь за несколько часов? Или это только пустые страхи?

Почва была какой-то странной. Ощущение было такое, будто стоишь на спине быка. Она будто бы слегка двигалась. Но в неверном свете от улиток невозможно было понять, действительно ли она двигается. Дрожащими руками Гилван вытащил нож из ножен. И в то же мгновение песок исчез.

Дальше все стало происходить очень быстро. Гилван прыгнул назад. Он даже не ожидал в себе

такой силы и прыти. Но удивляться было некогда. Страшная костяная маска приближалась к нему, а из нее тянулся толстый обрубок, будто огромная чудовищная пиявка. И слышался быстрый треск, словно внутри большого барабана скакала стая саранчи.

Гилван ткнул ножом в обрубок, но лезвие не достигло цели. Тварь подалась назад, а потом юноша увидел гигантскую паучью ногу, занесенную для удара. Он вскрикнул и попыталсябежать. Но нога все-таки достала его. Он упал лицом вниз, ударившись о камни, и увидел собственную кровь.

— Прости, — прошептал он, неизвестно к кому обращаясь, и зажмурил глаза, приготовившись к боли и смерти.

28

Снежные обезьяны обычно живут на поверхности скал и никогда не спускаются глубоко в пещеры. Они довольны жизнью и по-своему счастливы. Они ведут спокойный образ жизни и не стремятся что-либо изменить. Таково большинство обезьян, но не все. У большинства обезьян нет имени. Поскольку язык их очень примитивен, так же как и разум. И у них нет необходимости обращаться друг к другу по имени. Но некоторые обезьяны, чем-нибудь отличающиеся от других, получают имена, как клички.

На человеческом языке невозможно передать, как по-настоящему звучало имя этой обезьяны,

рот человека не в силах правильно произнести его. Кроме того, обезьяний язык использует еще и жесты, к которым большинство людей не способно. А передавать жест в словах, тем более, бессмысленно. В переводе это имя значило — Лунь. Хищная белая птица, охотящаяся в основном на мышей, ящериц и лягушек.

Зверек родился не таким, как все. Все были с серой шерстью, которая у взрослых становилась седой, грязно серой, а у него шерсть была белой, без единого темного волоска. В играх его сторонились, а если взрослая обезьяна наказывала за что-нибудь детей, то прежде всего и больше всех доставалось ему, даже если он не принимал никакого участия в общих шалостях.

Назвали его так, едва у него полностью отросла шерстка. Он еще не понимал, почему взрослые потешаются над ним и почему выкрикивают один и тот же звук и делают одинаковые жесты. Только через полгода он понял, что его племя дразнит его, называя лунем, белой птицей.

Когда ему исполнилось четыре года, а у снежных обезьян это примерно соответствует человеческому возрасту восемнадцать лет, он стал проявлять немалый интерес к противоположному полу. Однако в их обществе самку нужно было завоевывать собственной кровью в буквальном смысле. Во время поединков между самцами, когда выяснялось, кто более достоин, самцы до крови кусали друг друга. Лунь проиграл битву за красавицу с мягкой седой шкуркой. Он с воплями отбежал в сторонку и грустным взглядом ус-

тавился на выход из пещеры, где в вечерних сумерках билась снежная буря. Но победитель и его избранница не оставили несчастного без внимания. Они подобрались поближе к нему и принялись миловаться, так чтобы он все видел и слышал, и полностью осознал позор своего поражения. Лунь не выдержал такого и сбежал.

Он выскочил из пещеры под выногу и побрел, куда глаза глядят. А через некоторое время, когда замерз и решил все-таки вернуться, вдруг понял, что заблудился. Кругом были заснеженные камни, проступавшие сквозь белую мглу, и ничего знакомого. Он заметался и продолжал двигаться, пока не забрел в развалины старого храма. Укрывшись в закутке, он забылся тревожным сном, а когда проснулся, было уже утро. Дрожа, он вылез наружу — и сразу же натолкнулся взглядом на чужой внимательный взгляд. Желтые глаза с круглыми зрачками смотрели, не отрываясь.

Это был снежный барс. Сильный, быстрый, ловкий и очень голодный. Длинная дымчато-серая с желтоватым налетом шкура делала его едва заметным среди камней.

Большая кошка медленно подкрадывалась, прижимая голову к земле. Она могла бы и не подкрадываться. Шансов спастись у белой обезьяны не было. Закуток, спасший Луня от снежной бури, оказался теперь ловушкой. Деваться было некуда. Зверек со страхом ждал боли и молил своего обезьяньего бога, Ханумана, чтобы все поскорее кончилось. Лучше всего было бы, чтобы

барс одним ударом убил его, а потом уже начал есть.

Снежная кошка остановилась и распласталась по земле, готовясь к последнему прыжку. Лунь закрыл глаза.

И вдруг послышался голос. Громкий человеческий голос, распевавший какую-то песню. Лунь однажды слышал человека. Это был охотник, тащивший добывшего торного барана, убийца, довольный собой и жизнью.

В первый момент бедный зверек подумал, что человек хочет отбить у барса добычу, и новый страх охватил его. Но эта песня была другая. В ней не звучало торжество кровавой победы. Белая обезьяна не понимала слов, но отлично чувствовала интонации голоса.

Кончик хвоста барса перестал нервно подрагивать. А глаза перестали буравить обезьяну. Морда повернулась в сторону приближавшегося человека.

Лунь тоже посмотрел на него. Он был одет в хламиду из разноцветных лоскутов, и шел, раскинув руки, как парящий орел крылья. У него была пепельная борода. Он двигался в такт собственной песне, слегка покачиваясь. Обезьяна сразу же уловила этот такт и тоже стала покачиваться.

Снежная кошка навострила уши, потом раскрыла пасть и зашипела, отступая. Человек продолжал идти на нее. Голос его звучал все уверенней и громче. Наконец, кошка не выдержала, поднялась на ноги и медленно пошла прочь, со-

храняя достоинство, будто просто прогуливаясь и не собираясь ни на кого охотиться.

— Ну вот, малыш, теперь ты в безопасности! — сказал человек.

Зверек был полон благодарности. Вот она, плата за все несчастья! Впервые в жизни ему повезло. Лунь протянул передние лапы, как ребенок протягивает руки навстречу отцу, и человек подхватил его и прижал к груди.

— Ты мой маленький Хануман, — сказал человек, неся обезьяну. — Ты существо белого цвета, возможно, это знак свыше, что ты не ведаешь греха. У ведь тебя нет разума, чтобы различать добро и зло. Ты, малыш, конечно, ничего не понимаешь, но я люблю болтать. И большинство моих слушателей тоже не понимают меня, хотя, в отличие от тебя, у них есть язык, способный к речи, и они знают все слова, которые я им говорю.

Он произнес еще множество разных слов, когда нес обезьяну к ее родным горам. И эти слова продолжали звучать в голове Луня еще долгие годы. Он по-прежнему не понимал их, но они были связаны с чудесным спасением и поэтому казались прекрасными.

И когда Лунь вновь услышал человеческую речь, сердце его подпрыгнуло в груди. Он захотел снова ощутить тепло человеческих рук. Но на этот раз слова звучали совсем с иной интонацией. Человек был взволнован. Он был в крайней опасности.

И когда Лунь увидел, в каком положении находится тот, кому принадлежит голос, он вскрик-

нул от ужаса. Впрочем, вместе с ним вскрикнули и остальные обезьяны, увидевшие чудовище, тащившее человека.

Но они быстро забыли об этом, стоило чудовищу скрыться с их поля зрения. Один только Лунь не забыл. Он спустился вниз и принял карабкаться по скале к месту, где совсем недавно находились чудовище и его плениница.

Запахи становились все тяжелее. Это был запах двух разных существ, и все никак Лунь не мог понять, какой из них принадлежит охотнику, а какой — его добыче.

Он выбрался, наконец, на площадку перед пещерой и заметил среди истоптанного ногами снега что-то блестящее.

Не успел Лунь как следует рассмотреть необычный предмет, как услышал позади человеческое дыхание и тихое шуршание одежд. Он быстро обернулся. На него несся огромный человек с волосами, черными как смоль, и мощным, как у барса, телом. И намерения у него тоже, похоже, были как у барса. В испуге Лунь протянул на встречу человеку свою находку.

Черноволосый гигант остановился в некотором замешательстве, посмотрел Луню в глаза — и неожиданно улыбнулся, а потом произнес несколько слов и забрал предмет из лап обезьяны.

С этого началось их совместное путешествие вглубь лада.

Человек оказался гораздо лучше, чем выглядел — и, как ни странно, ценил дружбу дикого животного. И Лунь отвечал ему не только благо-

дарностью, но и помощью, когда человек остро нуждался в этом.

Они сразились с чудовищем из кроваво-красного тумана в пещере-обиталище летучих мышей, которые все до единой к их приходу уже были мертвые. Потом была встреча с прекрасной беглянкой и бег дальше уже втроем. Это были лучшие мгновения в жизни белой обезьяны. Сердце Луня быстро и радостно билось. Он не мог бы сказать, чему оно радуется. Кругом была опасность, и смерть могла наступить в любое мгновение. Но как сильны были ощущения, как надежно было плечо черноволосого гиганта! Но все быстро кончилось. Плечо резко перестало быть надежной опорой, когда на затылок гиганта опустился увесистый камень. Сердце Луня едва не остановилось от ужаса. Он едва успел спрятаться, чтобы избежать смерти, а потом помог своему другу-человеку справиться с болью и восстановить силы. И человек снова ринулся в бой. Настолько рьяно, что позабыл о Луне. Обезьяна была вынуждена догонять человека.

Зато потом, когда они вновь были вместе, и прекрасная беглянка вместе с ними, Лунь стал вожаком. Он вел свою маленькую стаю к спасению, к воздуху и свету, к снегам и травам, к солнцу и луне. Люди зависели от Луня и доверяли ему. И он вывел своих друзей сначала к большому подземному озеру с водопадом, а потом и к дырам-колодцам в верхний мир. Он не отдавал себе отчета, как находит путь под землей. Он словно чувствовал дуновение свободного горного

ветра, чувствовал манящие запахи ягод под снегом, запахи цветов и травы. Такого в действительности не могло быть, все это являлось проявлениями иллюзии, затмевающей разум, но в этот раз иллюзия, наоборот, все прояснила. Наверное, в какой-то из прошлых жизней Лунь был обитателем этих пещер.

Он несколько опередил людей, а когда увидел солнечный свет, падающий в нижний мир сквозь дыры-колодцы, то больше не мог сдерживаться. Он бросился в реку, дрожа о холода, переплыл ее и быстро вскарабкался наверх. Люди больше не нуждались в нем, можно было, наконец, отдохнуть.

Мир под солнцем радостно встретил обезьяну щебетом птиц. Лунь забрался на дерево повыше и принял устраивать себе гнездо из веток и листьев. Закончив, он устроился поудобнее. Отсюда открывался прекрасный вид на долину. Террасы спускались ровными рядами, и, глядя на них, Лунь быстро заснул.

Он спал тревожно, просыпаясь от каждого шороха, как спят все обезьяны в одиночестве, а наутро тревога стала еще сильнее.

Проснулся он поздним вечером. Луня разбудили человеческие голоса.

Он посмотрел вниз и увидел странную процессию. Впереди шел высокий человек с кривым лицом, неся мешок на плече, а за ним четверо молодых людей, тащившие подобный мешок, только раза в полтора больше и явно тяжелее.

Лунь быстро спустился с дерева и попытался

догнать процессию. Несмотря на то, что был все-го-навсего глупой горной обезьянкой, он догадался, что они тащат. И это ему совсем не понравилось.

Лунь направился за ними. Они спустились по едва заметной в зарослях тропинке к расселине. Здесь им пришлось волочь ноши по земле. Лунь надеялся, что от такого грубого обращения пленники проснутся, но они даже не издали ни стона. Крестьяне затащили мешки сквозь узкий лаз внутрь горы. Лунь некоторое время не решался следовать за ними, опасаясь, что они вернутся, но потом, преодолевая страх, все же полез.

Он едва успел добраться до большой пещеры, где на стенах сидели огненные улитки, как услышались голоса возвращающихся людей.

Лунь спрятался в тени за камнем, а когда люди вышли, кинулся по их следам в глубь гор и вскоре обнаружил оставленные злодеями мешки с его друзьями. Дыхание их было слабое, едва заметное. Лунь принял развязывать путы.

Сложное это занятие для пальцев, привыкших разве что ловить блох и срывать ягоды, но все же ему удалось развязать пару узлов на малом мешке, как вдруг тело в нем пошевелилось, а в следующее мгновение ткань и веревки затрещали и разорвались, будто были гнилыми! Лунь едва успел отпрянуть в тень, зажав себе рот обеими лапами.

Из разорванного мешка появилась Гизелла. Она зарычала как зверь и встала на четвереньки. Лунь решил, что это не Гизелла — принцесса не

может себя так вести. Это какое-то другое существо, которое только выглядит как Гизелла.

Оно присело на корточках над большим мешком и принюхалось. Лунь перестал дышать, решив, что сейчас существо почувствует обезьяний запах — и тогда ему не сдобривать. Но странное существо было увлечено другим залашом. Запахом большого черноволосого мужчины, который находился во втором мешке. Лунь тоже чувствовал этот запах.

Потом вдруг девушка вскрикнула и ринулась прочь на четвереньках, как получеловек-полуживотное.

Лунь быстро огляделся. Что могло так напугать это человекоподобное существо? Но все кругом было спокойно.

Лунь устроился поудобнее, чтобы дождаться, когда проснется Конан, и незаметно заснул сам. А когда проснулся, мешок уже был пуст. Жалобно вскрикнув, Лунь схватил обрывок веревки и закружился с ним по пещере. Но вскоре обнаружил, куда направился его большой друг, и поспешил за ним.

29

Конан проснулся от тяжелой духоты, острого запаха льна и мучительной ломоты во всем теле. Когда он открыл глаза, то ничего не увидел. Кроме того, на лице лежала какая-то тряпка. Конан попытался снять ее, но обнаружил, что связан. Однако веревки были не слишком прочны. В До-

лине ветров не умели делать по-настоящему прочные веревки.

Потребовалось небольшое усилие и пара мгновений, чтобы веревки лопнули. В то же самое время Конан прокусил тряпку, закрывающую лицо. А потом разорвал освободившимися руками материю и выбрался из мешка.

Вокруг была знакомая красная полутьма. Светились огненные улитки, подобные глазам волков. С потолка свисали сосульки из известняка.

Меч лежал рядом с ним. Конан схватил его за рукоять. Привычное ощущение вернуло киммерийцу уверенность. Он мгновенно вскочил, готовый отразить любое нападение. Он даже жаждал с кем-нибудь немедленно сразиться, чтобы сбросить с себя вялость и оцепенение.

— Эти болваны, кажется, приняли нас за демонов! — воскликнул он, но ответом ему было молчание.

Конан огляделся. Принцессы Гизеллы не было. Еще один разорванный мешок лежал рядом, но оказался пуст. И разорван в клочья, словно сворой голодных злых псов. Конан схватил мешок и вскочил.

— Гизелла! — закричал он. — Гизелла!

Он пригляделся к мешку. Никаких следов крови. Значит, возможно, принцесса все еще жива. Что же случилось? Или она осталась наверху, среди этих туповатых селян?

Отверстий в потолке здесь не было. Значит, их протащили некоторое время по пещере. Не иначе для того, чтобы сложнее было найти доро-

178

179

ту назад. А следовательно боялись, что они смогут найти эту дорогу. Значит, было чего бояться!

Конан опустился на четвереньки, низко склонил голову, словно выселяющий добычу волк, и внимательно осмотрел каменный пол пещеры. На камнях остались волокна мешковины. Наверное, ноша была слишком тяжелой для носильщиков и иногда опускалась слишком низко. Еще был запах. Характерный крестьянский запах — дыма и сена.

Конан направился по следу, надеясь найти выход из подземелья. Вряд ли такую непосильную ношу стали бы тащить далеко. И его предположения подтвердились даже быстрее, чем он ожидал.

Он продолжал идти, время от времени останавливаясь, проверяя след. К запаху сена и дыма примешался еще какой-то запах. Что-то чужое, нечеловеческое.

Через некоторое время запах настолько усилился, что Конан стал подумывать, не потерял ли он след, как вдруг неподалеку раздался шум. Быстрый треск, будто бы от цикад, только очень больших, не меньше человека. Знакомый звук!

И тогда Конан вспомнил, где слышал этот треск. Он бросился вперед и оказался в большой овальной пещере, с потолка которой как гнилые зубы свисали сталактиты с обломанными остриями.

Конан подоспел как раз вовремя. Гилван попытался ткнуть кинжалом в рот чудовищной твари, которая собиралась его сожрать. С такой

же боролся Тахор, когда Конан впервые увидел Гизеллу. Жаба с паучьими ногами и костяной мордой. Нога жабопаука поднялась, юный крестьянин вскрикнул, развернулся и сделал один шаг от твари, но нога опустилась и достала его. Гилван упал и скорчился, не шевелясь.

Конан долго не раздумывал. Неважно, что крестьянин, возможно, являлся врагом. Важно, что он был человеком. А человек не должен умирать, как какая-нибудь муха, попавшая в паучью сеть.

Конан прыгнул на жабопаука и изо всей силы вогнал меч ему в спину. Не ожидавший нападения сзади, адский хищник даже не оказал никакого сопротивления. Умер, как будто самый обыкновенный паук, которого раздавили ногой. Меч с хрустом вошел в паучью плоть, ломая тонкий хитиновый панцирь. Из раны наружу полезло нечто вроде лягушачьей икры, склеенные между собой липкие пузыри. Для верности Конан всадил меч на полную глубину, насколько позво-лила рукоять, а потом провел мечом немного вперед. Выдергивая меч, он спрыгнул назад, и на лету еще отсек твари одну из задних ног. Пузыри из внутренностей жабопаука лопались с треском, распространяя вокруг страшную вонь.

Конан обошел тварь, приблизившись к юному крестьянину. Чудовищ из ада нельзя недооценивать, даже мертвых. Иные мертвые создания дьявола вполне еще могут двигаться и убивать.

Конан сунул меч в ножны, подхватил Гилvana за подмышки и оттащил от твари подальше, к стене.

Гилван дрожал всем телом. Когда он слегка опомнился, то поспешил выразить благодарность своему спасителю. Не вставая, он на четвереньках подполз к черноволосому северянину и, глядя на него снизу вверх, как собака, произнес:

— Ты вытащил мою жизнь из небытия. Ты спас меня. Теперь ты как мой отец. Ты снова родил меня. Моя жизнь — твоя.

— Думаю, что ты считал иначе, когда с приятелями тащил нас сюда, — сказал Конан.

Гилван опустил голову, не зная, куда деваться от стыда. Он посмотрел на ногу убитого чудовища. Шипы все еще продолжали подрагивать.

— Мы думали, что вы демоны.

— Почему вы решили, что мы демоны? — спросил Конан.

— Из подземного мира не возвращаются.

— Но вы же вернулись, когда отнесли нас сюда.

Гилван наморщил лоб. Непривычное это было для него дело — думать и сопоставлять. Мечтать он, в принципе, умел, но мечтать это совсем не одно и то же, что думать.

— Мы вернулись, но мы не ходили так далеко, как вы. Вы были глубже.

— Откуда ты знаешь, что глубже? Ты же ведь понятия не имеешь, где мы действительно были. И потом, вы же сначала помогли нам выбраться, значит, не считали нас демонами. Думаю, эта мысль не твоя и не твоих друзей. Кто тебе сказал, что мы демоны?

— Керземек. Я не верил, но когда принцесса съела мышь...

— Это с ней бывает, — заявил Конан. — Когда я увидел это в первый раз, тоже страшно удивился. — Он не стал уточнять, что второго раза не было.

— Так ты думаешь, что она не демон?

— Я уверен в этом. Так же, как в себе самом. Поверь мне, мальчик, демоны такими не бывают. А я видел множество демонов. И многих из них отправил в самый глубокий ад!

— Ты великий воин! — воскликнул Гилван.

— Ладно, а теперь возвращайся к своим. Наверное, твой Керземек уже заподозрил неладное. И тебе достанется от него...

— Я пойду с тобой! — вдруг твердо заявил Гилван.

Конан смерил щуплого юношу взглядом с большим сомнением.

— Ты не выживешь, — сказал он.

— Уже один раз выжил — ты меня спас, выживу и дважды — я же буду с тобой, — заявил Гилван и победно улыбнулся, видя, что поразил своей сообразительностью киммерийца.

— Да, может быть. Но зачем? — спросил Конан, вспомнив о маленькой обезьянке, которая не так давно спасла ему жизнь. Но обезьянка была ловкой и умела лазать по стенам, обладая великолепной способностью цепляться, а вот Гилван такого впечатления не производил.

— Я должен идти. Особенно теперь, когда душа моя исполнилась жгучего стыда. Ибо я нарушил закон гостеприимства. Жизнь моя останется пустой, если я не заглажу вину, если я не верну

Гизелле долг уважения. Ты дал мне вторую жизнь, моя жизнь — твоя, ты можешь убить меня, если захочешь, но эта жизнь также и моя, я тоже волен распоряжаться ей. Пусть я погибну, неважно, но я должен принцессе и тебе, и я отдам долг. Гость выше хозяина. Гость лучше хозяина. Гостеприимство — величайшая добродетель.

Гилван выглядел настолько решительным, что Конан больше не возражал. В конце концов, каждый выбирает свой путь. Даже если этот путь ведет прямиком к могиле.

Кроме того, юноша, похоже, влюбился в принцессу. Глаза его характерно блестели. Ревность лишь слегка шевельнулась в Конане. Ну да ладно, этот крестьянин не выглядит серьезным противником, да и на принцессе свет клином не сошелся.

— Ничего нет позорнее, чем не отдать долг гостеприимства, — продолжал разглагольствовать Гилван.

Конан почти не слушал его, разве что как фон, как слушают шуршание падающей хвои в лесу и шум ветра. Киммериец ни на мгновение не забывал о том, где они находятся.

Неожиданно из темноты послышался пронзительный вопль. Гилван от ужаса заткнулся на полуслове и подался к стене. Ноги его предательски дрожали. Но Конан не вытащил меч. Вместо этого он склонился и протянул вперед руки.

Вопль раздался еще раз, и на руки Конана прыгнуло маленькое мохнатое существо, в кото-

ром Гилван от страха не сразу распознал обыкновенную снежную обезьяну.

— Ты вернулся, мой друг, — сказал Конан и посадил обезьяну на плечо.

Гилван с трудом отделился от стены, еще не совсем прия в себя от испуга.

— Это мой друг и друг принцессы Гизеллы, — пояснил Конан, обратившись к юному крестьянину.

30

Диомад, наставник принцессы Гизеллы, говорил, что земля подобна сыру или морской губке. В ней есть множество пустот, служащих прибежищем различным существам, которых люди боятся и ненавидят, считая их обитателями ада, ибо эти пустоты и есть множественный ад. Для каждого существует своя пустота.

Некоторые пустоты подобны скорлупе лесного ореха и в них живет всего лишь маленький одинокий демон — чья-то маленькая греховая душа. Но есть пустоты большие — и в них обитают цари греха, демоны, каждый миг которых превращается для них в вечное мучение. И самые страшные из этих больших пустот — имеющие правильную геометрическую форму, ибо это значит, что сам творец всего сущего позабился создать для них совершеннейшую из клеток, выхода из которой нет.

Обитель Кхадеса имела форму куба. Ибо куб совершеннейшая из твердых форм. Кроме того,

каждая из стен куба имеет двойника напротив, другую такую же стену.

На всех стенах темницы Кхадеса кровью демонов таких же древних, как он, были написаны могущественные заклинания, закрывающие выход для заключенной души. Все стены были одинаковы, и существу, лишенному плоти и веса, невозможно было определить, в какой стороне находится небо. В середине куба без всякой видимой опоры парил круглый зеркальный сосуд из стекла с сужающимся к выходу горлышком. В это горлышко когда-то вошла душа Кхадеса, огромная древняя душа.

Она вошла в сосуд не потому, что этого желал Кхадес, наоборот, Кхадес противился этому, но бесполезно сопротивляться против создателя вселенной, которому нет пределов ни в силе, ни во времени, ни в пространстве.

Кхадес обладал огромной виной. Он родился из вихря, закрутившегося между землей и небом в самом начале бытия, когда у форм еще не было определенности, и даже мертвые вещи имели право выбирать, какими им быть. Он служил строителю и властелину мира вместе с другими существами первовселенной, был лепщиком низших форм жизни, тех, что скрываются в траве, под водой и под землей. У него была тысяча искусственных рук, чтобы он мог лепить из первоматерии мельчайшие детали живых существ. Он делал червей, лягушек, жаб, улиток и многоножек. Но что-то в его душе надломилось. Возможно, он просто устал. Ему надоело в точности исполнять

планы создателя, захотелось самому стать творцом. И он принял втайне лепить живые существа, исходя из собственных представлений о том, какими они должны быть.

Но у Кхадеса не было чувства меры. Он двигался к цели слишком извилистым путем, да и цели у него не было, он делал различных существ только для того, чтобы их делать, чтобы ощущать, как из ничего, из бесформенных кусков первоплоти появляется нечто — и чем при чудливее, чем несоразмернее оно было, тем большее удовлетворение он испытывал.

Он делал безногих жаб, ползающих на брюхе, как улитка; круглых и плоских многоножек, ноги которых, расположенные по кругу, могли совершать только одно движение, и поэтому они умирали, не сходя с места; шарообразных червей, которые не в силах были спрятаться в землю и их быстро расклевывали птицы. Потом он занялся воплощением существ, не имеющих названия. Он старался делать так, чтобы они как можно меньше походили на творения великого создателя. Редко какое из этих существ получалось по-настоящему живым. Как правило, это было подобие жизни.

Сделал он и несколько подобий человека, самого любимого создания творца вселенной. Как обычно, это была лишь жалкая пародия, которую едва можно было назвать живой, но это переполнило чашу терпения архитектора миров. Строитель и властелин мира разгневался.

И кара за содеянное наступила очень быстро.

Кхадес как раз лепил особо ужасное существо, отдаленно напоминающее нечто среднее между человеком и черепахой. Чтобы лишить существо всякого смысла, Кхадес старательно делил тяжелый панцирь, расположенный у человека-черепахи на груди, на части, выводя наружу самые уязвимые места. Посмеиваясь в душе, он настолько увлекся, что не заметил появления стражей.

Это были огромные черные существа без лиц, которые возникли с четырех сторон от него, стутившись из теней. Вместо пальцев у них были цепи с крючьями на концах. Цепи издавали зловещий звон, но Кхадес услышал его далеко не сразу. Только когда один из крючьев предупреждающе качнулся перед его лицом, Кхадес услышал. А услышав, и увидел стражей. Они не стали больше ждать. Кхадес даже не успел как следует ужаснуться.

Крючья вцеплялись в него, вырывая куски плоти. Он вопил от невыносимой боли. Потом четверо стражей подняли его на цепях, и он повис между ними, чувствуя, как его тело разрывается на части. Это действительно было так. Стражи тянули цепи, и внутри Кхадеса рвалась плоть. Он стал уже в два раза больше, чем обычно. А потом перед ним возник сам создатель, архитектор миров.

Он прочел приговор, не подлежащий обжалованию. Кхадесу надлежало отбывать вечное заключение. Перед тем, как поместить в темницу под землей, Кхадесу напоследок оторвали руки, всю тысячу по одной. Он мучился, кричал, но

приговор был приведен в исполнение безукоризненно, следуя великой и неоспоримой воле создателя.

Кхадес истосковался по плоти. Сто веков, проведенных в одиночестве, заставили его полюбить плоть, любую плоть. Ему уже было неважно, какая она, какова конечная цель ее существования и насколько удобно в ней душе.

Он полюбил плоть саму по себе, за основную особенность плоти — возможность чувствовать боль и наслаждение. Боль, конечно, бывает у плоти чаще, и Кхадес, будучи одним из древних строителей плоти, прекрасно об этом знал, но все равно жаждал плоти. Жаждал стать одним из смертных существ, ибо никакая бесконечность не имеет смысла, в том числе и бесконечность времени. Разве может вечное существо не бояться вечности?

Несмотря на то, что находился в самой прочной из тюрем, Кхадес мог проникать в чужие сны и соблазнять людей тайным знанием, якобы спрятанным в его темнице. И глупые твари сбазнялись, и шли к нему в темницу, чтобы отдать ему душу в обмен на знание. Но никакого тайного знания они не получали, потому что единственным знанием Кхадеса был он сам, его способности и умения, а этого он никому передать не мог, даже если бы захотел. Зато они получали другое знание — они узнавали о собственной глупости, и платили за это жизнью.

Кхадес имел силу входить в тело, оставшееся без души. Но ни одно тело не выдерживало всю

его огромную душу. Лишь на несколько мгновений Кхадес мог ощутить плоть, почувствовать желанную боль плоти, ощутить внутри себя жилы и кровь, кости и мясо, жир и булькающие внутренности. Все то, над чем он когда-то изощренно издевался, создавая пародии, и за что понес наказание. Но потом чужое тело лопалось, как лопается глубоководная рыба, которую вытаскивают в мир под солнцем рыбаки. Хлоп — и вот уже тело становится бесформенным, словно раздавленная слоном лягушка. Отвратительное зрелище.

И это было закономерно. По-другому быть не могло. Ибо создатель вселенной посмеялся над Кхадесом, сказав, что только в теле потомка одного из своих созданий он сможет покинуть тюрьму и вновь обрести все ощущения реальности, чтобы испытывать наслаждения плоти. Но это должно быть совершенное существо, истинный человек, дитя любви, а не какой-нибудь ублюдок, порождение ада. Такова была воля создателя. Он всегда оставлял надежду, сохранял лазейку даже для самого ужаснейшего из грешников. Чтобы мучение было сильнее.

Десять тысяч лет среди потомков творений Кхадеса не было ни одного, кто стал бы истинным человеком. Они изначально были мерзкие уроды, пародии на человеческий образ. И десять тысяч лет продолжали род, прибегая к насилию. И это насилие порождало других уродов, которые, хоть в них и была частица истинной жизни, все без исключения, кроме физических недостат-

ков, имели еще и моральные. Шестипальные и трехпальые, трехрукие и однорукие, или с руками и ногами разной длины, или со слишком маленькой головой, или с прозрачной кожей, они ненавидели окружающих, они ненавидели все, что было прекрасно, и изо всех сил старались бороться с ним.

Уроды долго не жили — и часто умирали, не оставляя никакого потомства. Иногда Кхадес думал, что род его созданий готов прерваться, но недаром существует насилие. И десять тысяч лет потомки потомков продолжали род, прибегая к насилию.

Не раз испытывал Кхадес волю творца и входил в тела потомков собственных созданий, но результат получался тот же, что и с обычновенными людьми. Стоило Кхадесу полностью обосноваться в теле, едва пошевелить хотя бы одним мускулом, как оно взрывалось, превращаясь в кровавое месиво.

И вот, наконец, случилось. Кхадес узнал об этом случайно, блуждая во снах обитателей города среди гор, Шадизара. Он увидел красавицу во сне одного юноши, по вечерам, после службы у купца, кропающего на оборотной стороне старых долговых расписок вирши о любви. Эту красавицу, это существо, которому бедный юноша готов был вручить свое сердце или хотя бы голову, звали Гизелла. Она была одной из дочерей царя. Недоступное, но желанное создание.

У нее были губы, красные как кровь, вытекающая из пронзенного сердца воина. Черные

волосы, как волна, готовая накрыть тонущего моряка, утопить его в собственных черных глубинах. Черные волосы, как песчаная буря в пустыне, мрачной тучей скользящая по барханам, тяжелым темным брюхом наваливающаяся на караван, проникая в ноздри, уши и рот тонкими струями песка, не позволяя путнику дышать. Кожа белая, как лед на вершинах гор.

Юноша мог строчить вирши целую ночь напролет, неровно дышать, произнося их про себя днем, путаясь в счетах и получая за это звонкие подзатыльники от хозяина, а вечером все сжигать, как недостойное ее, и все начинать сначала, почти теми же словами.

Кхадес решил позабавиться с юношой, внушил ей жаркие любовные сны, чтобы в конце показать отвратительное нутро красавицы, так, чтобы у юноши возникло стойкое отвращение. Кхадес любил смеяться над человеческими страстьюми.

Он стал по крупицам собирать образы из подсознания юноши, чтобы создать правдивую картину сна, и натолкнулся на мать принцессы. Впечатление от нее было настолько сильное и странное, что Кхадес едва не потерял контроль над юношой.

Царица была не такой, как все. И дело было не в ее внешности. Хотя и в ней тоже, но с точностью до наоборот. Высокая и стройная, с длинными скулами и тонкими губами, с ледяным взглядом и лишенным интонаций, всегда ровным голосом, она казалась холодна и бесстрастна. Но

это было совсем не так. И Кхадес, благодаря тому, что не имея плоти, развил в себе иные чувства, сразу же понял это. Он покинул юношу и проник в сны царицы.

Когда он узнал ее удивительную, жуткую тайну, он понял, что ее дочь Гизелла и есть та, которую он ждал десять тысяч лет.

31

Гизелла вела себя вовсе не так, как ожидал Тахор. Она обескуражила его. Он ожидал, что ее снова придется тащить, что она снова будет умолять и плакать, а она вместо этого вдруг пошла впереди него.

— Идем, мой прелестный хозяин! — воскликнула она. — Идем же скорее! Мне не терпится испытать все то, что ты мне обещал. Или твои обещания были пустыми, демон?

Тахор молчал. Он не хотел признаваться, что просто пугал ее, ничего из обещанного он не собирался делать.

— Она нужна мне целой и невредимой, и не вздумай каким-либо образом покушаться на ее плоть. Иначе я заставлю тебя умирать десять тысяч лет, и каждую секунду ты будешь испытывать боль, такую страшную боль, какую доселе ты еще не испытывал.

Тахор показывал Гизелле дорогу, а она продолжала молоть языком всякую чушь. Слушать ее было невыносимо. Будь на ее месте другая женщина, Тахор уже бы разорвал ее на куски и

сожрал, но Гизеллу не смел тронуть. Он не знал истинной силы Кхадеса, но великий отец одним своим видом внушал такое уважение, что Тахор ни на миг не сомневался в правдивости его угроз.

Руководствуясь видениями из снов, Тахор вел принцессу Гизеллу к обители Кхадеса:

Куб Кхадеса находился посреди огромной пещеры, на вершине пирамиды. Тахор никогда воочию не видел его. Знал только искаженные, расплывчатые образы из сновидений. Но когда впервые увидел, то мгновенно понял, что это.

— Мы пришли, — сказал он.

Гизелла в ошеломлении замолкла. Все полубезумное возбуждение, с которым она болтала языком, стремясь чем-нибудь задеть, разозлить зеленокожего демона разом испарилось. Зрелище потрясало.

По стенам полуупрозрачного светящегося куба то и дело пробегала волна света другой яркости, и интенсивность освещения в пещере все время менялась. Это было биение древнего сердца Тахора.

На вершину пирамиды вела лестница. Ступени лестницы были высокие, вряд ли предназначенные для человека. Тахор ступал по ним с большей ловкостью, чем Гизелла. Принцесса страшно устала, пока они добрались до вершины. Но вид светящихся стен с надписями из букв древних, как сама вселенная, вернули ей силы.

Они беспрепятственно прошли сквозь стены. В миг прохождения Гизелла почувствовала что-то вроде легкого дуновения теплого ветра — и все. Они оказались в кубе. Изнутри стены выгля-

дели точно так же, как снаружи. Посреди куба, в центре парил круглый зеркальный сосуд с длинным сужающимся к концу горлышком. Горлышко было направлено как раз на гостей.

— Отец мой! Я привел ее! — воскликнул Тахор.

И отец появился, возникнув на месте зеркального сосуда. Гизелла уже однажды видела это существо, когда вместе с Конаном карабкалась по скале над подземной рекой к солнечному свету. Теперь она могла рассмотреть его получше.

У него было гладкое, тучное тело, по пропорциям как у младенца, но размером со слона, огромные уши и рот, шесть гибких рук и мощные тяжелые ноги. Кожа лоснилась от жира, на ней не было ни волос, ни иных изъянов, свойственных человеку. А пупок на чудовищных размеров животе был глубоким, как будто пронзал его насквозь.

— Это все видимость, — сказал великий отец и с легкостью оторвал одну из шести рук. — Иллюзия. Я не такой. Но этот образ — единственный, который я могу являть в этом мире. Такова не моя особенность, такова особенность этого мира.

— Кто ты? — спросила Гизелла. — Зачем ты хотел меня видеть? Зачем вообще все это?

— Неправильный вопрос, но я все равно отвечу на него. Я — Кхадес, великий отец множества сущего. Но лучше бы тебе спросить, кто ты. Ибо я есть я, и всегда им был, и я знаю, кто я. А вот ты не знаешь. На самом деле, твоим отцом был один из потомков моих созданий, а не этот глупый царь, который думает, что ты одна из его

дочерей! — Кхадес внезапно расхохотался. Вся его жирная красная туша затряслась, как желе, которое несут на серебряном блюде, а изо рта полилась струйка кровавой слюны. — Я с удовольствием расскажу тебе об этом, ибо ты имеешь право знать.

И Кхадес рассказал о тайных страстих царицы-матери. Гизелла сначала не верила ни единому слову, но потом вдруг поняла, что великому отцу незачем врать. Он говорит правду. Страшную, невозможную правду. Но от реальности нигде не скрыться, даже в преддверии ада. Не замечая этого, Гизелла едва одними губами шептала «Нет». Слезы полились из ее глаз, оставляя на запыленном лице светлые дорожки.

Гизелла узнала, что в покоях ее матери, царственной Руфины, в северном дворце, куда никому, кроме ее личных немых слуг и нескольких особо преданных служанок, никому не было доступа, она предавалась безумным страстям. Руфина была одержима похотью. Замуж ее выдали в раннем возрасте, когда еще не ведают стыда, и влеченье к противоположному полу считают любопытством.

Но в случае Руфины это было больше, чем любопытство. Она начала ублажать себя задолго до того, как муж решил впервые ознакомить ее с особенностями собственного тела. Сначала она доставляла себе удовольствие при помощи пальцев, а потом у нее появилась любимая маленькая игрушка, куколка младенца, вся гладкая и округлая, которую хотелось гладить и гладить. И

Руфина гладила ее нежными пальцами, но поскольку она привыкла гладить не только куколку, то однажды эти две страсти соединились.

Куколка проникала гораздо глубже, чем пальцы. Это было удивительно приятно. Любовь Руфины к себе увеличилась, и она без устали ублажала себя. А когда настала пора, и она впервые увидела тело своего мужа, то вместо любви испытала жуткое отвращение. И на это у нее имелась вполне весомая причина — царь заявился к ней после шестидневного пира во внутренних покоях, лицо у него было красным и одутловатым, глаз почти не было видно, а в интимных местах имелись следы избавления от обременяющих организм веществ. Кроме того, от него исходил такой дух, что она задыхалась. Он навалился на нее и принялся целовать. Некоторое время она не дышала, а когда все же вынуждена была вдохнуть, ее стошило. Царь тут же одумался и ушел, наутро напрочь забыв о попытке сближения, а она не могла прийти в себя целую неделю. Она не могла ничего есть — только пила, и к концу недели у нее начались видения.

Она ощущала себя грязной, она казалась себе нечистоплотным зверем — и ее любовь к себе превратилась в ненависть. Призвав слуг, она велела им посадить себя в клетку и кормить из корыта, как свинью. Несмотря на явное безумие приказа, слуги в точности исполнили его. Руфина месяц жила в клетке, но потом страсти снова одолели ее. Она снова почувствовала себя нежной и желанной.

Отмывшись в семи водах, умастившись благовониями, она вернулась к своим обычным занятиям. Кроме того, она решила впервые со времени ее появления в Шадизаре выйти в мир. Стены стали удручать ее. Клетка научила любить свободу. Рассматривая город с самых высоких башен дворца, Руфина заранее наметила маршрут.

Снарядили паланкин. Четверо носильщиков несли его, и сопровождало четверо слуг и четверо служанок, а охраняли паланкин двенадцать воинов в доспехах и еще двенадцать, одетые как простолюдины, служили тайно, следя впереди и за паланкином, не приближаясь к нему. Они вышли за ворота, обошли по кругу дворец, ибо царица хотела увидеть всех нищих, монахов и бродячих фокусников, обосновавшихся у стен. Потом направились на базар. Еще на подходе, едва только стали слышны вопли торговцев, царица почувствовала ядовитую смесь запахов. Гниющие фрукты, жарящееся мясо, пряности. От непривычки ее едва не стоцнило, но она сумела сдержаться.

На базаре Руфина увидела толпу, большей частью состоящую из мальчишек, которые улюлюкали, свистели, плевались и кривлялись, как обезьяны. Это привлекло ее внимание. Она вообще редко видела мальчишек, и никогда не видела столько вместе.

Заметив паланкин, толпа попыталась переключиться на него, но воины хорошо знали свое дело, и мальчишки отхлынули почти без сопротивления, оставив на поле боя немного собствен-

ной крови и зубов. И тогда Руфина увидела то, что привлекало их и вызывало столь бурную реакцию. Это была клетка, а в ней сидело, сгорбившись, какое-то черное, мохнатое существо.

Руфина велела приблизиться. У клетки стоял владелец с бичом и копьем. Вид он имел свирепый, на лице у него был шрам, начинающийся на лбу, проходящий сквозь глазницу с отсутствующим глазом, и заканчивающийся на подбородке.

— Кого это там ты держишь? — тихо спросила Руфина.

— Зверочеловека, госпожа, — ответил с поклоном одноглазый и ткнул копьем внутрь клетки. — Эй, покажись, урод!

Черное существо в клетке пошевелилось и подняло голову. Увидев его лицо, Руфина вскрикнула. Он действительно был зверчеловеком, в нем имелись черты и того, и другого. Вместо носа было кабанье рыло, изо рта торчали клыки, верхняя губа была сильно приподнята и хорошо видны десны с серыми прожилками. Гниющие десны.

Но глаза были человеческими, небесно-голубыми. Они совершенно не подходили этой страшной морде. Словно какой-то нежный красавец напялил на себя пугающую маску, которую потом так и не сумел снять.

— Купите его для меня, — приказала слугам Руфина и тотчас отправилась обратно во дворец.

Зверочеловека вскоре доставили в покой царицы и поместили в ту же клетку, где недавно обитала сама Руфина. Ее запах еще витал внутри.

Зверочеловек принялся метаться по клетке, обнюхивать корыто и ложе царицы.

Внезапно он завыл как кот ночью, зарылся лицом в подстилку из травы, где спала Руфина, и стал как-то по-особому двигать бедрами. Слуги отвернулись, а царица подошла к клетке поближе. Зверочеловек выл и двигал бедрами. Потом он упал на подстилку и стал извиваться на ней, словно червяк. И вой его перешел в крик.

— Он умирает? — встревожено спросила Руфина.

Словно подтверждая ее опасения, зверочеловек застыл. Но лишь на мгновение. Затем он перевернулся на спину, раскинув огромные волосатые руки. И Руфина увидела его красный, как у павиана, детородный орган. Только у павианов он маленький, у зверочеловека же был почти как у коня. Грудь зверочеловека мощно вздымалась.

К исходящим от него жутким запахам прибавился еще один. Странно, но Руфина почувствовала, что этот запах ей нравится.

Зверочеловек стал любимой игрушкой Руфины. Она позабыла обо всем остальном. Она даже перестала рассматривать удивительные шелковые свитки из далекого Кхитая, которые обожала раньше. Теперь они лежали на полках и пылились.

Но новая любимая игрушка была опасна. Понимая это, Руфина велела соорудить специальную машину, в которую можно было бы поместить зверочеловека, чтобы он двигался только так, как было угодно ей. Сделать из живого су-

щества марионетку, полностью подчиняющуюся желаниям хозяина. И мастера изготовили для царицы такую машину.

Управлять зверочеловеком теперь было легко, как куклой. Для этого имелось множество рычагов, причем все было сделано так, чтобы не нужно было прилагать усилий. Зверочеловек был прочно закреплен в жестком каркасе, как бы повторявшим его скелет снаружи. А каркас этот в свою очередь был прикреплен к полу. Единственное, чего не мог делать зверочеловек-кукла, так это ходить. Зато он вращался в разные стороны, разводил руки и ноги, потешно покачивал головой, даже становился на четвереньки.

Руфине исполнилось всего тринадцать лет, и когда царь решил осчастливить ее своим появлением во второй раз, он с удивлением обнаружил, что ее лоно с готовностью приняло его, не оказав совершенно никакого сопротивления. Он вошел в свою царицу, словно в воду. Но Руфина была неглупой девочкой. Она показала царю множество игрушек, которыми ублажала себя, и даже показала, как она это делает. С криками «О, царь любимый, царь желанный, о, царь царей!», она проявила перед царем такую страсть, что он страшно возбудился и захотел ее снова, а недоумение его испарилось, как утренняя роса.

Но нераздельная любовь царя длилась недолго. Через неделю он устал и уехал на охоту, а по возвращении не спешил показаться. Он приобрел себе где-то в отдаленной деревне новую наложницу, так что у него, конечно, не оставалось сил

на жену. Пришел он только через месяц — и снова Руфина сумела возбудить в нем почти безумную страсть. Но не больше, чем на две ночи.

Так и повелось. Свидания их были недолгими, но бурными. И предоставленная в основном самой себе, если не считать редких официальных обязанностей, Руфина все больше и больше привязывалась к зверочеловеку. Но она так и не дала ему имени.

Когда никого рядом с ними не было, Руфина называла его своим царем. И постепенно страсть переросла в настоящую любовь. А потом Руфине пришла в голову мысль, что он тоже любит ее и не способен причинить никакого вреда. Что от их взаимной любви он сделался во всем, кроме облика, подобным человеку. И продолжать держать его либо в клетке, либо в машине невозможно. Он достоин свободы.

Это была глупая мысль. Но ослепленная любовью, Руфина не замечала этого. Поэтому однажды отослала из тайных покоев всех слуг, взяла ключ из ларца и вошла к нему в клетку. Он был возбужден и тяжело дышал. Руфина погладила его по груди, потом ее нежная рука стала опускаться ниже. Он зарычал, грубо схватил Руфину и взял ее, словно кобель суку. Он двигался быстрее, чем нравилось Руфине, но она ничего не могла поделать. Она кричала не столько от наслаждения, сколько от боли, но и наслаждение тоже было. Она снова чувствовала себя грязной свиньей — и это ей нравилось.

— Ударь меня! — воскликнула она и, как ни

странны, зверочеловек понял ее. И сделал то, что она хотела.

От звонкого шлепка по бедрам она упала. Зверочеловек перешагнул через нее. Она схватила его за лодыжку, но он рванулся с такой силой, что потащил ее за собой, и она ударилась головой о железные прутья клетки.

Некоторое время Руфина слышала его. Он с рычанием ломал машину для любви, которая доставила ей столько удовольствия. Очевидно, ему машина удовольствия не доставляла. Скорее — наоборот, судя по злобным усилиям, которые он применял, чтобы разрушить машину голыми руками.

Руфина скрчилась на полу клетки, ощущая запахи зверочеловека, далеко не все приятные, и боялась поднять голову. Когда шум затих, Руфина решила, что зверочеловек ушел. Она полежала еще немного, потом поднялась и осторожно заглянула в комнату, где находилась машина для любви.

Хитрая игрушка представляла собой жалкое зрелище, она была растерзана на куски. И являлась теперь всего лишь бесформенной грудой деталей.

Руфина вернулась в свою зеленую спальню, окна которой выходили на север, и предалась печали. Она сидела и плакала о потерянной любви, когда снаружи послышались визгливые возгласы. Царица побежала к окну иглянула сквозь резную каменную решетку.

Стражи, стоящие на башне у северных ворот,

что-то азартно вопили вниз. У стен дворца творилось нечто необычное. Руфина принялась звонить в колокольчик на зеленой ленте, призывая верных служанок.

По ее приказу они отправились выяснить, что происходит. Оказалось, что поймали сбежавшего зверочеловека.

Он убил трех стражей, но попался, когда попытался стянуть черствую лепешку у юной нищенки возле северных ворот. Нищие гурьбой поднялись на ее защиту. Зверочеловек был очень сильным, он свернул шею юной нищенке и двум ее первым защитникам, которые по наивности накинулись на него с палками. Остальные, наученные горьким опытом, были не столь опрометчивы. Они поймали его с помощью рыболовной сети, двух кожаных бичей, которыми загнали в сеть, и семи крепких палок, хотя последние были скорее средством успокоения уже пойманного врага.

В тот момент Руфина люто ненавидела зверочеловека за предательство. Он предал все — ее любовь, доверие, надежду, самого себя, в конце концов. Разве он имел право вот так попадаться? Если бы он убил нескольких человек и убежал, она бы со временем простила его. Но он глупо попался горстке нищих оборванцев, которые поймали и связали его, как поросенка.

И она приказала жестоко убить его, живьем содрать с него кожу и изготовить для нее чучело, так, чтобы оно было совершенно неотличимо от живого существа.

Она еще не знала, что последняя связь со зверочеловеком заронила в нее семя жизни.

— Так что ты родилась из горнила любви и смерти, — закончил Кхадес. — Ты должна была стать чудовищем, но твоя мать искренне любила свою игрушку-зверочеловека, по крайней мере, в момент твоего зачатия, и поэтому произошло чудо — в тебе есть все лучшие ее черты, но снаружи ничего нет от твоего черного отца-урода. Ты лучшее из моих творений, хоть я и не своими руками сотворил тебя. Но мои руки, те, которые обладали способностью творить, отобрали у меня десять тысяч лет назад. И все было предоставлено на волю судьбы. А она, злодейка, остальных сделала уродами.

Тахор недовольно хлестнул по полу хвостом.

— Конечно, речь не о тебе, мой любимый Тахор! — поспешил добавить отец. — Люди убивали детей моего греха. Убивали, насколько мне известно, всех, вместе с их матерями. Ибо дети мои были с красной кожей, с прозрачной кожей, или вообще без кожи — такие умирали сами, иные обладали хвостами, рогами или копытами, у них мог отсутствовать нос или присутствовать что-нибудь лишнее, лишние пальцы, лишние руки. Все это были мои неудачи. Но твоя мать была моим спасением. А ты — моей надеждой. Ты идеальна как женщина. Ты выглядишь совершенно как человек. И в тебе целиком есть обычное человеческое сознание. Демоническое еще спит, но вот-вот должно проснуться. И если бы оно прошло само, а ты ничего бы о нем не знала, ты

убила бы себя. Ибо обычный человек не способен выносить в себе душу демона.

Гизелла дрожала.

— Оно уже проснулось, — сквозь зубы процедила она. — И я не убила себя, как видишь.

— Я рад за тебя. Но ты все еще в опасности. Ты можешь погибнуть в любое мгновение, когда не со мной. Только я могу помочь тебе избавиться от смерти. Я вытащу из тебя лишнюю душу, которая причиняет тебе боль и убивает тебя. Освобожу от демона — и ты станешь человеком, таким, каким должен быть человек.

— Но почему ты сам не пришел ко мне? Почему ты здесь, под землей, в одиночестве? — спросила Гизелла.

В ответ Кхадес расхохотался. Все его огромное тело заходило ходуном.

— Ты считаешь, что я в одиночестве? — с издевкой в голосе осведомился он. — А может быть, ты думаешь, что я заключен здесь, что этот куб — моя подземная темница? Все не так. Все иллюзия. На самом деле, это ваш верхний мир — тюрьма. Можете ли вы путешествовать вне его? Да вам даже по нему дано путешествовать с огромным трудом. И многие из вас, жалких людышек, гибнут, пытаясь достичь иных стран. Ваше жалкое существование держится на тоненьком волоске. Вы мало чем отличаетесь от лягушки на дороге, которую в любой момент может раздавить телега. Ты — принцесса, дочь, так называемого, могущественного царя, а много ли он действительно может? На самом деле, ты ведь ниче-

го не знаешь о мире вне Шадизара и его окрестностей. А я знаю. И я могу взять тебя с собой в путешествие, поскольку ты — мое творение. Но хватит речей. Пора приступать к делу. Ты ведь хочешь избавиться от демонической души?

— Да, — сказала принцесса.

— Встань на колени, опусти голову и избавься от всяких мыслей. Представь себе, что у тебя в темени дыра, не закрывай ее, открой ее свету, работай воображением! Не мысли, не думай, не оценивай! Открой мне свою душу, отдай мне ее! — Последние слова Кхадес выкрикнул.

Гизелла сознавала, что делает что-то неправильно, но противиться словам Кхадеса не могла. Его голос был слишком силен. Он словно принадлежал самой принцессе, словно был ее внутренним голосом.

Она послушно опустилась на колени и склонила голову.

32

Гизеллу похитил демон. Об этом ясно говорили следы, на которые наткнулись Конан и Гилван. Мрачные следы, не оставляющие никаких сомнений в жуткой кровожадности демона. Первый труп, который им встретился, выглядел весьма впечатляюще. У него был выдавлен глаз и откушен нос. Он лежал в луже собственной крови, вытекшей из сонной артерии на шее. Его сплеменник опирался шеей на палку, которая пронзала его насеквоздь. Дальше вели кровавые

следы. Гилван все время упоминал о Кете, повелителе мрака, а Конан вспоминал своего северного бога, большого любителя битв и вороных пиршеств.

Кровавые следы привели к большой пещере, в которой, неподалеку от текущего у стены ручья с кристально-прозрачной водой, лежало двое — один со сломанной шеей, а другой, почти у самого выхода, с разбитой камнем головой. Возле второго трупа ощущался запах мочи.

И этот запах вел дальше, в круглую пещеру, потолка которой не было видно. В одном месте стены поросли какими-то черными растениями с бутонами, похожими на змеиные головы. Они росли по форме подковы, а середине скала отливалась по цвету от всего окружающего, да и трещины на ней выглядели слишком соразмерными, будто складки на груди слона.

Обезьянка на плече Конана начала страшно кричать. И почти прямо в ухо Конана. От неожиданности и досады он едва ее не убил, но вовремя одумался.

— Тише, я и так хорошо слышу. А лучше заткнись, — посоветовал он.

Лунь заткнулся. Не потому, что понял слова человека, а потому что осознал собственную глупость.

В пещере не было необходимости в крике, все-таки не в горах, и тот, кого он хотел предупредить об опасности, находился не где-нибудь на пределе видимости, а непосредственно рядом.

Песок под кустом черных растений подозри-

тельно шевелился, и песчинки перекатывались без видимой причины.

Кроме того, в пещере явно чувствовался запах крови и гниющей плоти, словно в логове гиен, не брезгующих ни живыми, не мертвцами, но трупов и костей видно не было. Это настораживало больше всего.

— Эй, смотри, — сказал Гилван и наклонился над тем, что увидел.

Это был кусок выделанной пятнистой шкуры барса и пропущенный через отверстие в нем искусно сплетенный шнурок из жил.

— Хорошая вещь, — заявил юноша и потянулся к шнурку.

— Не трогай! — предупредил Конан, но было поздно. Гилван уже схватился за шнурок.

Но он сразу же выскользнул у него из пальцев, исчезнув в песке. Гилван вскрикнул, едва не упав. Конан подхватил его и вернул в вертикальное положение. И как раз вовремя. Потому что в песке неожиданно образовалось множество воронок, а потом из этих воронок полезли тонкие черные щупальца.

— Берегись! — крикнул Конан, вытаскивая меч.

Одно из щупальцев дотянулось до лодыжки юного крестьянина — и быстро обвило ее. Гилван дернулся, но это привело только к тому, что он упал.

Конан рубанул ближайшее к нему щупальце. Оно упало и принялось извиваться, как обезглавленная змея. Лунь покинул плечо Конана одним

мощным прыжком, оказавшись у противоположной стены. Гилван с поскуливанием, словно обиженная собака, отползл в сторону, но слишком медленно. Еще одно щупальце обвило его лодыжку — и скрытое в песке существо потянуло крестьянина к себе. Он задергался и забил ногами, однако освободиться не мог.

— Конан, помоги! — умоляюще завопил он.

Киммериец был в основном занят тем, что пытался не попасться сам. Щупальца атаковали его, будто голодные пиявки, он рубил их, но из песка появлялись все новые и новые.

— Конан! — вопль Гилvana был столь отчаянным, что Конан отвлекся на мгновение, и увидел, что ноги юноши наполовину погрузились в песок. — Они сейчас отгрызут мне ноги!

— Нож, болван! Используй нож! — крикнул Конан. Он помог бы юноше, но щупальца, которые держали его, уже скрылись в песке, и ударом меча он рисковал рассечь его ногу.

— О, какой же я дурак! — догадался Гилван и, выхватив нож, с остервенением воткнул его в собственную ногу. Вряд ли преднамеренно, скорее всего, просто потому что рука его дрогнула и он промазал мимо цели. Брызнула кровь, но Гилван больше не вопил. Он нашел в себе силы вновь ударить ножом — и на этот раз попал, куда нужно.

Все щупальца вдруг разом втянулись. На песке остались лишь обрубки. Гилван полз, оставляя за собой кровавый след.

Конан поднял голову и увидел, что черные

бутоны растений на стене раскрылись — и в них оказались не цветы, а глаза. Круглые глаза с черными зрачками. А в середине меж зарослей из этих странных глаз стали раздвигаться в стороны трещины в скале.

Оттуда потянуло еще более жутким зловонием, чем было в пещере. Тошнотворнейший из запахов, которые Конан когда-либо чувствовал.

Из полураскрывшихся щелей наружу полезло что-то вроде человеческих кишок, только кинки эти извивались, и их становилось с каждым мгновением все больше и больше. И вся эта зловонная масса приближалась к юному крестьянину, отползающему слишком медленно.

Лунь первым пришел ему на помощь. Он схватил его за волосы и потянул. Это ничуть не ускорило продвижение Гилvana, но заставило Конана действовать. С запозданием он отметил, что взгляд глаз на черных стебельках заворожил его.

Он схватил Гилvana и, забросив его на плечо, кинулся прочь из жуткой пещеры. Пожалуй, если бы не Лунь, он мог бы все еще стоять и наблюдать, как тошнотворное месиво приближается к нему.

Конан бежал, думая о том, что осталось позади. Остановился он только в большой пещере, с твердым полом и низким потолком. Огненные улитки мирно сидели на стенах. Все было спокойно.

— Как твоя рана? — спросил Конан, опуская крестьянина на холодный пол с мелкой каменной крошкой.

— Пустяки, — отозвался Гилван.

— Я все же посмотрю. — Конан бесцеремонно ощупал рану юноши. Пальцы у него были сильные и действовал он достаточно грубо для того, чтобы Гилван не сдерживал стоны. — Действительно, пустяки, — подытожил он. — Рана поверхностная, по сути ты только порезал кожу. Так что пойдешь сам. Больно, но двигать ногой ты вполне можешь. Обойдешься без моей помощи.

— Помоги мне встать, — сказал Гилван.

Конан протянул ему руку и поднял. Крестьянин, скорчив страдающую мину, проковылял несколько шагов, и вдруг замер, словно наткнувшись на невидимое препятствие.

— Я чувствую ее запах! Запах нашей принцессы! Он немного изменился, но я все равно узнаю его! Она была здесь совсем недавно.

Обезьяна по имени Лунь тоже чувствовала этот запах, но поскольку ничего не могла сказать людям, просто устремилась по следу.

— И твой зверь тоже почувствовал! — закричал Гилван и устремился за обезьянкой так рьяно и с такой прытью, что даже позабыл прихрамывать на раненую ногу. Но через несколько шагов вспомнил.

33

Запах женщины снова вел мужчин. Настойчиво звал к себе, не давая передышки. Прошло немало времени, прежде чем посреди огромной пещеры они увидели пирамиду, на вершине кото-

212

рой стоял полупрозрачный светящийся куб. Внутри двигались какие-то тени. Свет становился то тусклым, то снова разгорался. К вершине пирамиды вела лестница с высокими ступенями.

— Кром, что это? — воскликнул Конан.

— Что бы это ни было мы должны спешить! Я чувствую, что Гизелла в опасности! — отозвался Гилван.

Лунь первым кинулся вперед, остановившись лишь на мгновение перед самой пирамидой и что-то подняв с земли. Конан и Гилван догнали обезьяну на второй ступени. Несмотря на всю свою ловкость, по ступеням обезьяна передвигаться толком не умела, к тому же одна ее лапа была занята. В маленькой ладошке зверек что-то сжимал. Конан подхватил обезьяну и посадил к себе на плечо.

Чем выше они поднимались, тем быстрее становилось биение света. Вскоре людям стало казаться, что свет уже мерцает у них внутри. Этот свет обжигал и высасывал силы, словно солнце в песчаной пустыне где-нибудь посреди Черных королевств.

На верхней площадке Лунь спрыгнул с плеча Конана и шагнул к стене куба. Так, будто ее все не существовало. И прошел сквозь нее! Гилван схватил Конана за локоть.

— О, Кет, повелитель мрака! — сказал он и собрался повторить эту фразу, но не успел, потому что голова обезьяны высыпалась из стены. Крестьянин забыл закрыть рот.

— Иллюзия, — сообщил Конан. — Не бойся,

213

такие фокусы умеют делать даже в публичных домах Китая.

Он, конечно, соврал, но юному крестьянину это пошло во благо. Он закрыл рот и перестал трястись.

— Я пойду первым, — заявил Конан и шагнул сквозь стену. Словно легкий порыв теплого ветра коснулся его — и больше ничего. Гилван шагнул вслед за ним.

То, что они увидели внутри, заставило их мгновенно забыть о каких бы то ни было страхах и фантазиях. Реальность затмевала любую ложь.

Громадный шестириукий младенец, розовый, как будто только что родился, с закрытыми глазами нависал над принцессой Гизеллой, а из его широко разинутого рта выползла розовая многоноожка.

Гизелла стояла на коленях и тряслась, как в лихорадке. Из ее темени навстречу многоноожке медленно двигалась пиявка. Черная кожа пиявки доснилась, и в ней отражался свет от стен куба, а потом стали заметны и буквы. Кожа пиявки сделалась как будто прозрачной, и внутри появились лица, подобные человеческим, но не совсем человеческие. Это были лица подземных дикарей. Испуганные лица. А потом одно из них лишилось носа, а из глаз и носа второго полилась кровь. Другие лица исказились от страха — и вдруг в них возникло нечто нечеловеческое. Вместо лиц — вытянутые мордочки с черными бусинками глаз.

И то же мгновение это видение исчезло. Розо-

вая многоноожка принялась пожирать пиявку. Она глотала ее, толчками продвигаясь вперед, словно змея, глотающая мышь.

Всё тело принцессы Гизеллы была крупная дрожь. Пот катился градом. Голова моталась из стороны в сторону. Она должна была кричать, вся ее поза и напряженные мышцы свидетельствовали об этом, но она не кричала. На миг Гилван увидел лицо принцессы. На ее губах выступала кровавая пена.

Тахор, ящероподобный демон, находился тут же, но Гилван не замечал его, потому что во все глаза смотрел на принцессу. Но Тахор заметил его — и хвост демона заходил из стороны в сторону, как будто у разозлившегося кота. Конан одним движением выхватил из ножен меч. Гилван кинулся к принцессе — и в этот момент словно кто-то невидимый схватил Гизеллу за волосы и поднял вверх. Она, наконец, закричала — и этот крик был ужасен. А затем ноги у нее подкосились, и она повалилась прямо на руки Гилvana. Он едва сумел удержать ее. Длинные черные волосы разметались по земле.

— Гизелла! — воскликнул юноша.

Принцесса больше не кричала. Она смотрела на него мутным взором и вряд ли понимала, что происходит, и кто перед ней. Тело ее стало мягким, как воск. Все мышцы, только что напряженные до предела, расслабились.

Лунь разжал маленькую ладошку. В ней был небольшой продолговатый камешек черного цвета, гладкий, будто обкатанный морем. Пальчики

Луня не смогли удержаться от того, чтобы погладить камешек. Его поверхность тянула к себе. Лунь чувствовал, что это не простой камень. Именно поэтому он подобрал его у подножия пирамиды.

Прошло всего лишь мгновение, прежде чем Лунь вновь сжал ладошку. А потом кинул камень в многорукого розового урода.

Кхадес задрожал. Тело его стало словно плавиться, как будто было слепано из воска. Широкий лягушачий рот стал мягким и поплыл в сторону, но напоследок успел произнести:

— Убей его! — И розовый урод распался на несколько бесформенных кусков, поплывших в воздухе, словно масло в воде.

Тахор бросился на Конана. И чтобы подбодрить себя, прорычал:

— Умри! — Но киммериец, и прежде неоднократно слышавший этот призыв, не собирался исполнять его.

Тахор дрался с ним на равных. Он не мог достать его ни хвостом, ни руками, ни, тем более, зубами. Ни одно из этих обычно смертельных для человека средств убийства на киммерийца не действовало. Он легко уворачивался и защищался мечом. Но и его меч не мог нанести существенного урона противнику. Тахор действовал осторожно — он все еще хотел жить.

Неожиданно Гизелла вновь обрела силы. Она вырвалась из объятий Гилвана и схватила Тахора за хвост. Для него это было так же неожиданно, как и для остальных. На мгновение он отвлек-

ся — и этого хватило, чтобы меч Конана, наконец, достиг цели.

Голова Тахора отделилась от тела и покатилась. Рот его, однако, не закрылся, а продолжал двигаться и посыпать проклятия. Он плевался кровью, и все никак не мог остановиться. Конан прыгнул вслед за головой и воткнул в ухо меч. Вместо очередного проклятия изо рта Тахора появился кровавый пузырь — и лопнул.

Но тело демона тоже не собиралось так просто сдаваться. Хвост дернулся — и Гизелла оказалась в опасной близости от его сильных рук, способных разорвать ее пополам. Она жутко завопила, пытаясь вырваться, одновременно уклоняясь от слепых ударов.

— Гизелла! — воскликнул Гилван и вытащил нож. Это было несерьезное, по сравнению с демоном, оружие. Годилось разве что снимать шкурки с кротов или драться с соплеменниками, но юный крестьянин был настроен решительно. Он с воинственным криком бросился к Тахору и одним движением отсек ему хвост.

Гизелла была свободна. Держа извивающийся хвост, она на четвереньках отбежала к стене. Конан наступил на голову, чтобы выдернуть меч и помочь крестьянину справиться с обезглавленным телом.

Гилван переоценил свои силы. Тем же самым несерьезным ножом он решил окончательно убить демона, пронзив его сердце. Но, конечно, у него ничего не вышло. На груди у Тахора была слишком толстая и прочная кожа. Ножик едва

погрузился в нее, одним только острием. Зато руки демона нашли обидчика и схватили его. Затрещали кости, Гилван закричал, как поросенок, которого режут.

Конан выдернул меч из уха Тахора и поспешил на помощь юному крестьянину. Но было поздно.

У Гилвана уже было раздавлено плечо — и правая рука была полуоторвана, она держалась только на жилах. Пальцы на ней все еще шевелились. Юноша продолжал вопить, но из его рта вырывались не только звуки, но и кровь. Он блевал кровью — и она смешивалась с бьющей из шеи Тахора черной кровью.

Конан изо всех сил рубанул мечом по ноге демона. От этого удара демон пошатнулся и выронил жертву. Гилван пополз, как гусеница, извиваясь всем телом — и сумел отползти на расстояние, достаточное для того, чтобы упавший на четвереньки Тахор не задел его.

Конан поднял меч и резко опустил его, разрубая спину демона. Потом еще раз и еще. Руки демона перестали держать его — и он повалился навзничь.

— Гилван, ты жив? — воскликнула принцесса и подбежала к нему.

Юный крестьянин попытался улыбнуться ей.

— Навряд ли, — едва слышно прошептал он.

И это были последние слова, что произнес Гилван. Лицо его вдруг застыло, а глаза бессмысленно уставились вверх. Это был уже не юноша Гилван. Это был его труп.

Вокруг появились полупрозрачные, мерцающие призраки людей — маги, поэты, цари, воины, все те, кого Кхадес когда-то соблазнил тайным знанием и погубил ради краткого наслаждения ощущениями плоти. Они что-то шептали, но ни слова невозможно было разобрать.

Потом возле светящихся стен стали стущаться тени. Это были высокие существа, подобные людям-великанам, но без лиц. Вместо лиц у них была гладкая поверхность. Черная, в которой не отражался никакой свет. Существа, похоже, состояли из одних теней. Но у них были руки, или что-то похожее на руки, а вместо пальцев — цепи с крючьями на концах. Цепи раскачивались, а крючья скребли по камню, издавая ужасный скрежет.

— Ты вновь послал за мной, — раздался голос Кхадеса.

Голос, у которого уже не было даже видимости плоти, ибо у Кхадеса больше не имелось ни легких, ни горла, ни рта, ни языка, ни губ — и ему нечем было произносить слова.

Четыре бесформенных куска, на которые распался Кхадес после того, как обезьяна поразила его камнем, витали в четырех верхних углах куба. Крючья поднялись с пола и потянулись к тому, что осталось от Кхадеса. Они зацепились за бесформенные куски. И вновь послышался голос Кхадеса. На этот раз это были не слова. Это был крик боли.

Цепи с крючьями были похожи на чудовищные щупальца гигантского осьминога. Они слов-

но ловили больших неповоротливых рыб. И теперь все рыбы были пойманы и крючки всажены в их плоть.

Рыбы умели кричать, но это николько им не помогало. Крючья рвали Кхадеса на все более мелкие части, а когда частей стало тринадцать, рванули их в разные стороны — и неожиданно стены его десятитысячелетней тюрьмы разбились, будто были хрустальными. Черные тени ринулись вниз по ступеням, вслед за сверкающими осколками.

Обезглавленный Тахор пошевелился. Его пронзенная голова тоже. На искаженном гримасой смерти лице открылись глаза. И эти глаза в упор и очень пристально смотрели на Гизеллу.

— Конан, убей его! — взвизгнула она.

Конан, не видя, что происходит с зеленокожим демоном, с удивлением обернулся.

— Кого еще я должен убить? — спросил он.

Гизелла дрожащим пальцем показывала на Тахора. К этому времени он уже не просто шевелился, а активно двигался в определенном направлении. Его тело быстро подползало к голове,

Ничего хорошего из этого не могло выйти. Выглядел Тахор не лучшим образом, но кто знает, что случится с ним, если он снова соберется воедино. От восставших трупов можно ожидать чего угодно.

Конан кинулся к Тахору. Для начала вскочил ему на спину и отрубил правую руку. Она продолжала ползти в прежнем направлении.

Гизелла взвизгнула.

— Кром! — воскликнул Конан. — Да умри же ты, наконец!

И принялася кромсать руку на части. Мелкие куски потеряли определенную цель и принялись расползаться в разные стороны.

Невнятно бормочущие призраки людей, все еще витавшие в воздухе над вершиной пирамиды, вдруг сорвались со своих мест, превратившись в маленькие вихри, и устремились к расползающимся кускам. Входя в бесформенный кусок, вихрь полностью исчезал в нем, а кусок превращался во что-нибудь другое. Иногда в мышь, иногда в маленького, размером с ту же мышь, человечка, иногда в большого паука или птицу.

Голова Тахора непрерывно вопила. А превратившиеся в разных существ куски сбегали во все стороны, вниз по ступеням пирамиды.

Тело Тахора с оставшейся левой рукой все еще двигалось. С Конаном на спине у него получалось двигаться только на месте. Николько не приближаясь к голове.

Не всем призракам-вихрям хватило кусков руки, нарубленных Конаном, и он продолжил начатое дело. С превеликим удовольствием он рубил зеленокожего демона на все более мелкие части. Он смутно понимал, что происходит. Но его душу тепшило уже одно то, что ненавистный Тахор страдает. Разделав тело, он бросился к голове и занес над ней меч, собираясь искромсать и ее тоже. Голова прекратила вопить, в ней что-то булькнуло. Из дыры, проделанной прежде мечом Конана, вытекла струйка крови. Глаза посмотре-

ли вверх, на киммерийца. Конан помедлил. Голова явно хотела что-то сказать, и любопытство на миг пересилило жажду мести.

Но слова оказались глупыми и не стоящими внимания.

— Мы еще с тобой встретимся, варвар! — сказал Тахор.

И Конан со всей силы ударил по голове. Чепр громко хрустнул, и голова распалась на половинки, а между ними остался мозг. Он был черным. Как и следовало ожидать от мозга демона. Три оставшихся последними вихря устремились к разрубленной Конаном голове. Два вошли в половинки черепа и превратились во что-то вроде черепах, только с длинными и быстрыми ногами. Они сбежали по ступеням, как ветер. Один миг — и вот их уже не видно. А самый последний вихрь — самый неудачливый из всех — попытался сначала превратиться в большую крысу. Но крыса получилась мягкой как расплавленный воск. Она не могла идти, каждое движение лапы приводило в движение все тело, которое неправлялось само с собой и расползлось в разные стороны. Тогда мозг превратился в медленную, мягкую улитку без панциря. Улитка поползла, оставляя за собой след.

Пирамида затряслась, а сверху посыпался песок и мелкие камни. Конан поднял голову и увидел, что сталакиты наверху угрожающе раскачиваются.

— Бежим, — вскрикнула Гизелла, которая посмотрела туда же.

Конан наклонился к Гильвану, намереваясь взвалить труп юноши на плечо.

— Оставь мертвецов! — завопила принцесса. — Им уже все равно, а нам может быть хуже! Возьми лучше меня! Я не знаю, способна ли бежать.

Конан быстро оценил ситуацию. Принцесса Гизелла, конечно, была права.

34

Улитки, огненные улитки, которые делали пещеры удивительными и неповторимыми, умирали. Свет от них становился все тусклее. В конце концов, Конану пришлось идти почти на слух, ориентируясь по звуку собственных шагов и всплям обезьяны, которая в темноте чувствовала себя лучше и привычнее, чем он.

Лунный свет был внезапен, как крик совы. За сову вскрикнула Гизелла. Конан от неожиданности едва не потерял равновесие. Это было тем более опасно, что они находились на крутом склоне, поверхность которого состояла из сыпучего песка. И опрометчивый прыжок на него грозил обвалом.

— Мы вышли, — сказал Конан.

— Прости, я испугалась, — ответила Гизелла. — Наверное, теперь нам лучше идти по отдельности.

— Я тоже хотел предложить именно это, — подтвердил киммериец. — Склон выглядит весьма опасно.

С большими предосторожностями они спустились по склону и оказались на дороге. Вскоре, когда лунный свет сделался привычен для глаз, Гизелла узнала эту дорогу. Путь из храма Вина и Крови в Шадизар.

Горная дорога сначала вилась по склону, потом вошла в ущелье и вскоре влилась в проложенную древними строителями мостовую, ведущую к воротам Шадизара.

Увидев брошенный, сломанный паланкин и растерзанные падальщиками тела носильщиков, телохранителей и любимых служанок, Гизелла остановилась, не в силах некоторое время ни двигаться дальше, ни что-либо сказать. Столько всего случилось, что ей казалось, что весь этот ужас, случившийся по дороге домой из храма Вина и Крови, был так давно, словно прошло множество лет. Все давно истлело — тела и воспоминания — и покрылось паутиной времени. Но оказалось, что это вовсе не так. Тела еще гниют и съедобны для паразитов, а боль в памяти так сильна, что отделаться от нее невозможно.

Конан молчал, понимая, что вряд ли чем-либо сможет утешить принцессу. Он не знал, что произошло. Но можно было легко догадаться. А при взгляде на лицо Гизеллы угадывалось и остальное. Эти растерзанные мертвецы — ее люди. И с некоторыми из них у нее была сильная и прочная душевная связь.

Вот эти два разодраных трупа с длинными волосами — у одного русые, у другого — черные, как вороново крыло, наверняка были прибли-

женными служанками принцессы. Потому что остальные трупы при жизни были мужчинами.

— Здесь нам лучше расстаться, — не глядя на Конана, неожиданно сказала Гизелла. Она уже сделала несколько шагов вперед, судя по всему, не собираясь прощаться и хоть как-то благодарить киммерийца, когда он догнал ее и властно положил руку на плечо.

Принцесса вздрогнула, как от удара бича, и обернулась.

Конан держал в руке что-то блестящее. В неверном свете луны она не сразу узнала свое украшение.

— Твой браслет, — сказал Конан. — Обезьяна дала его мне. Если бы не этот смышленый зверек, мы бы никогда не встретились.

— Да мы все равно, что и не встречались, — ответила Гизелла. — Разве нам стоило встречаться вот так? Это не подобает царской дочери. Ты теперь знаешь меня с такой стороны... К сожалению, наши пути далеко разошлись. Мы стали как птица и рыба. Если и можем встретиться, то только для того, чтобы сожрать друг друга.

— Вообще-то я не собираюсь тебя есть, принцесса, — сказал Конан.

— Я верю тебе. Но все равно. Рыба — я, и я боюсь тебя. Точнее я боюсь себя в тебе. Я боюсь Гизеллы, которую ты знаешь. Мне больше по душе старый образ надменной зазнайки. Прости, Конан, но нам лучше расстаться. И не иди в Шадизар. По крайней мере, не попадайся мне на глаза. Мне бы не хотелось сдирать с тебя кожу. А брас-

лет... Он твой навсегда. Я не могу отнять у тебя память.

— Я буду хранить его вечно, — поклялся Конан.

...Через неделю, в Аренджуне, он обменял браслет искусной работы на гораздо более ценные в тот момент вещи, способные удовлетворить голод двух видов — большой круглый хлеб, особым способом зажаренную утку, у которой можно есть не только мясо, но и хрустящие косточки, два кувшина сливового вина и бурную ночь с прекрасной юной женщиной, уста которой были нежны и благоуханны, как цветок вендинского лотоса.

Тайны Ирема

араван двигался медленно, с огромным трудом преодолевая бесконечные барханы. Пустыня не хотела отпускать дерзких людей, рискнувших пробраться в самое ее сердце. Тучи мелкого песка поднимались в воздух, хотя ветра почти не было. Даже наброшенная на лицо ткань не могла задержать вездесущую песчаную пыль..

Ослепшие люди и животные, задыхаясь, шли наугад. Верблюды то и дело ложились, и их приходилось поднимать ударами хлыста. Люди стонали и плакали, но слезы не текли по иссохшим щекам. В глазах был песок. А, кроме того, измученный, обезвоженный организм не мог больше выделять жидкость, ни в виде пота, ни в виде слез.

Бурдюки для воды давно опустели. Лишь у некоторых погонщиков в походных фляжках ос-

тавалось немного протухшей, прогорклой воды, которую они берегли, как зеницу ока.

Караванщик со странным именем Адракс, опытный, не раз ходивший по пустыне человек, на разные лады клял хозяйку, снаряжившую караван и наметившую этот гибельный маршрут. Разве недостаточно у нее денег?! Разве мало в окованных железом сундуках драгоценных камней?! Разве не самый лучший дворец она построила? Разве, в конце концов, не правит она страной, ибо правитель, жалкий, слабый человек всесело ей подчиняется!?

Спору нет, говорил себе Адракс, туже стягивая на лице кольца чалмы, хозяйка — очень красивая женщина. За такую красавицу, за один только ее взгляд, любой мужчина пойдет, и на край света, и в сердце пустыни на поиски таинственного города Ирем. По приданьям, старым, как мир, а, возможно, еще старее, город этот, называемый также Городом Колонн, возвели бессмертные джины по приказу великого шаха Шаддата. И спрятаны в том городе, в его библиотеках, самые сокровенные знания о мире. И кто найдет свитки, в которых гиганты-нефилимы, поданные великого Шаддата, навеки запечаттели недоступные простым смертным знания, тот и будет править миром!

И он, Адракс, опытный караванщик, поддался на уговоры прекрасной Итилии — негласной хозяйки страны Куш — и отправился на поиски несуществующего города Ирем. И обрек на смерть и себя, и всех тех, кто ему верил и, как всегда,

пошел с ним в пустыню. Впрочем, не поддайся он на уговоры, хозяйка прибегла бы к другому способу убеждения, более жестокому.

Адракс вспомнил крики рабов, порой доносившиеся из подвалов дворца. Да, хозяйка умела подчинять себе людей! И сейчас, если каким-то чудом удастся выжить, нельзя возвращаться с пустыми руками. Она этого не простит... Уж лучше погибнуть в пустыне!

Караванщик стиснул зубы и зарычал. Пусть песок занесет наши мертвые ссохшиеся тела, превратит их в мумии...

Пусть! Если так случится — мы будем ждать, когда здесь проедет сама Итилия, ждать, хоть целую вечность! А она не сможет усидеть дома, в роскошном дворце, где слышна тихая, ласковая музыка и в воздух поднимаются прохладные, живительные струи фонтанов! Она обязательно поедет сама! Такова уж ее природа — не сможет эта женщина с черными колодцами, вместо глаз, остановиться на полпути, бросить поиски. Пусть даже город этот никогда и не существовал, пусть все это сказки... Она поедет... А мы — песчаные мумии — ее дождемся...

* * *

В таверне толстого Асланкариба, что приткнулась к каменному забору, огораживающему дом купца средней руки по имени Курдибек, редкий день обходился без драки. А уж споры, ругань, крики были здесь в порядке вещей, как и нищие

у дверей, и пьяные в придорожной канаве. Сам Курдебек в сопровождении охраны иногда заходил в таверну — проверить все ли в порядке, ибо был он в доле с толстым Асланкарибом, потому и позволил прокопченным стенам забегаловки подпереть его забор. Зайдет, сморщит брезгливо нос, с отвращением посмотрит в бессмысленные, мутные глаза завсегдатаев заведения, получит с компаниона свою долю и скорее к выходу! Не терпела расчетливая душа купца бессмысленного пьянства и прожигания жизни. Не выносил Курдебек также бедности и глупости, и были эти два понятия для него почти что едины. Если беден — значит, глуп, иначе смог бы заработать! Если беден и не глуп, значит ленив! А про ленивого тоже говорят — дурак! Вот и получается — беден, значит дурак.

Сам купец отличался живым умом, умел читать и писать на нескольких языках, был, вопреки расхожему мнению простолюдинов о купцах, высок, строен и силен, как бык. В дни молодости, будучи еще только приказчиком у богатого и скрупульного дядюшки, хаживал он и на войну, участвовал в нескольких походах, осаждал крепости и нападал на вражеские караваны.

Все было в жизни Курдебека. И много шрамов украшали его тело, а один красовался и на лице — тонкий, красный рубец через всю щеку, память о встрече с богатырем, прорубавшимся вместе с другими из осажденной крепости и увидевшим свою смерть в глазах молодого воина Курдебека.

Давно это было. Но и теперь, в свои сорок лет, не стал купец ни толстым, как другие, ни дряхлым. Все также зорко глядели из-под лохматых бровей его карие глаза, так же была крепка его рука и светел ум. И несладко приходилось тем его приказчикам, кто смел проявить леность или глупость, нерасторопность в делах! Многие нерадивые помощники после хорошей затрешины, будто подхваченные волшебным вихрем, вылетали из комнаты, где вершил купец текущие дела.

Курдебек, скрестив ноги, сидел на пышных подушках, вполуха слушая отчет одного из приказчиков и размышляя о последней просьбе партнерши по торговле, живущей в далекой, черной стране Куш. Просьба весьма странной. Итилия — так звали партнершу — по слухам, была необычайно красива. Сам Курдебек ее никогда не видел, но караванщики не жалели красок, расписывая прелести этой странной белой женщины, фактически правящей черной страной. А просьба состояла в том, чтобы найти в Шадизаре киммерийца Конана и уговорами, или обещанием хорошей платы заставить его с очередным караваном отправиться в Ксутал, где и царствовала красавица. За это она обещала продать Курдебеку товары по такой низкой цене, что отказать Итилии в просьбе было немыслимо. Немыслимо и глупо, а глупость Курдебек не терпел. Пожалуй, проще всего нанять этого киммерийца охранять караван, заплатив, скажем, вдвое, или втрое. Вряд ли он откажется от такого выгодного предложения.

Курдивек прикинул сумму, которую выручит за товары, если выполнит просьбу Итилии, и лицо его подобрело. Сеть мелких смеющихся морщинок раскинулась вокруг глаз и приказчик, бубнивший цифры, решил, что его отчет одобрен. Но когда хозяин вдруг скрипуче рассмеялся — испугался за его рассудок.

Не обращая внимания на изумление помощника, Курдивек вновь рассмеялся и потер руки. Дело было за малым — найти этого самого Конана. Вроде, к Асланкарибу захаживал какой-то гигант-киммериец...

На следующий день все было улажено. Конан за хорошую плату согласился наняться охранником.

Правда, к нему прицепился какой-то южанин, по имени Култар — пришлось нанять и его, но все это были мелочи. Главное — Конан отправился в страну Куш, как и просила Итилия. Курдивек провернул хорошее, выгодное дельце, а что там будет дальше — его не касается. Может, Итилия решила четвертовать своего старого врага? Или, наоборот, нанять на службу старого друга? Это уже ее дела...

2

— Знаешь, — прошептал Култар, поравнявшись с Конаном, который, чтобы не глотать пыль, ехал с наветренной стороны каравана, — я узнал, что остальным охранникам хозяин платит в два раза меньше! Почему?

— Я сразу понял, — усмехнулся Конан, — как только услышал, куда идет караван...

— Что ты понял?

— Что одна моя знакомая придумала такой хитрый план, чтобы встретиться.

Услышав недовольный окрик начальника охраны, Култар поморщился — по заданному порядку нельзя было надолго покидать свое место.

— Поговорим на привале! — и Култар нырнул в облако пыли; ему досталось место с подветренной стороны.

Только когда огромное закатное солнце озарило выжженную степь кровавым светом, и караванщик зычно прокричал отбой, Култар смог вернуться к своим расспросам.

— Так, кто она — твоя знакомая?

Верблюдов стреножили и отпустили пастьись. За ними присматривали охранники. Других воинов расставили попарно вокруг лагеря. Спать полагалось по очереди.

— Старая знакомая... Красавица Итилия. Она знала, что просто так я к ней не поеду. Вот и попросила Курдивека нанять меня в охрану. Сейчас она сказочно богата...

— И ты не поехал бы к такой женщине?!

— Я люблю свободу, Култар. А Итилия не знает меры... Тебе сейчас трудно понять.

Вытаращив глаза, южанин смотрел на друга. Вроде, все о нем знал... А оказывается...

— Мне не то что трудно! Мне — вообще не понять! Как можно...

— Вообще-то, — перебил Конан, — она, веро-

ятно, задумала какое-то дело. И я ей нужен не только как... а еще и... — киммериец смахно зевнул.

— Если ты не против, я буду спать первым...

Новый день был в точности похож на вчерашний. А все последующие ничем не отличались от предыдущих, разве что, солнце палило все более нещадно, да почва становилась песчаной — караван продвигался на юг.

Несколько раз на горизонте показывались всадники, но были ли это разбойники, или мирные жители степей — оставалось неясным. Во всяком случае, нападать на столь хорошо охраняемый караван они не решались.

Наконец, тяжело нагруженные верблюды величественно зашагали по тенистым улицам Ксутала. А чуть позже караван вступил за ворота усадьбы самой богатой и самой красивой женщины страны Куш.

Итилия, облаченная в облегающие черные одежды, гибкая и стремительная, как пантера, сама руководила разгрузкой. Бесчисленные рабы носили и носили тюки с товарами, верблюды ревели, погонщики кричали, а приказчики сновали взад-вперед, как летучие мыши. Конан с Култаром сидели у фонтана, наслаждаясь прохладой взмывающих ввысь прозрачных струй. Подхваченные ветром брызги попадали на их разгоряченные лица, привнося в души блаженный покой.

Итилия, окруженная кольцом приказчиков, все еще раздавала указания. Конана она «не заме-

чала». Иногда, стремительно шагая мимо фонтана, даже отворачивалась, деловито расспрашивая о чем-то караванщика.

Култар, восхищенно цокал языком. Притворно закатывал раскосые, восточные глаза, качал головой. С черными распущенными волосами, сверкая черными, как ночь, глазами, Итилия действительно была сказочно прекрасна. Даже Конан признал, что таких красивых женщин он встречал не часто.

— Ну, что же, — он хлопнул Култара по плечу, — расчёт мы получили, пойдем, отдохнем в ближайшей таверне!

— Но... как же? Ты же говорил...

— Я, наверное, ошибся, — горько усмехнулся Конан, — разве может простой охранник заинтересовать такую красавицу?!

Легко поднявшись, киммериец зашагал прочь. Култар, растерянно потоптавшись, бросился следом. Ему показалось, что Итилия что-то крикнула. Окликнула Конана? Впрочем, в общем шуме трудно что-либо разобрать. Возможно, она отдавала очередной приказ...

В таверне висел густой табачный дым. Люди южных стран обожали пускать ароматный дым из длинных, коричневых трубок. Часто в табак они добавляли какие-то снадобья, и после курения долго спали с блаженными улыбками на лицах.

Друзья выбрали столик, заказали обильный обед и самое лучшее вино. Конан деловито налил из кувшина. Култар все порывался о чем-то

спросить и никак не мог решиться. А, кроме того, трудно расспрашивать о сокровенном в шумной таверне. За окном стемнело, и слуга зажег дымные факелы — по одному на каждой стене. Черные лица посетителей заведения тонули в полумраке. Только белки глаз сверкали, когда негры, недовольно ворча, косились на сидевших за обильным столом белых. Только сейчас Култар заметил, что кроме них в таверне не было ни одного белокожего. Очевидно, другие охранники и погонщики нашли заведение получше.

— Мне кажется, — сказал Култар, — что посетители не очень довольны...

— Только заметил? — усмехнулся Конан. — Если бы мы не были вооружены, нас давно бы уже поджарили на вертеле!

— Они, что? Едят человечи... — с ужасом начал Култар, но тут Конан оглушительно расхохотался.

Вокруг недовольно заворчали, а несколько человек с мрачными лицами подошли к столику и угрожающе залопотали.

— Что они говорят? — Култар недоуменно смотрел на окружающих его громил.

— А демон их разберет! — Конан неспешно встал.

Даже самый высокий негр едва доставал ему до плеча. Разговоры мгновенно смолкли. Подошли еще несколько человек. Култар заметил, что они прячут за спиной короткие, массивные дубинки. Один из вновь подошедших, что-то крикнул, показывая на дверь. Конан, не размахива-

ясь, ударил его в челюсть. Мгновенно повернулся направо, затем налево, и через секунду на полу лежали уже трое самых крепких негров. Остальные попятались. Не поднимая глаз, отошли в сторону, коротко посовещались и расселись за столики.

Конан налил очередную кружку. Хлопнул Култара по плечу.

— Они не любят белых. А мы не очень-то жалуем негров!

Теперь в таверне было так тихо, что слышалось потрескивание факелов.

— А что это за мясо? — оживился Култар. — Очень вкусное!

— Это песчаный удав, — Конан с аппетитом закусывал, — видишь, оно как бы нарезано кружками. Снимают шкуру и аккуратно режут поперек тела...

Култар поморщился. Он не любил змей. А теперь он не любил и негров.

Дверь распахнулась, и вошли три высоких воина. Длинные кольчужные рубашки, сплетенные из темной проволоки, гармонировали с черными, как сапог, лицами. Короткие мечи на поясах и луки за спиной.

— Это из охраны Итилии, — бросил Конан, — она, конечно же, сама их тренировала. Могут быть очень опасны в бою.

Воины направились прямиком к столу, за которым сидели Конан и Култар. Теперь слышно было не только потрескивание факелов — можно было различить даже тихое жужжение мух.

— Подожди! — удивился Култар. — Ты хочешь с ними сражаться?! Почему бы ни принять приглашение? Ведь они, наверное, пришли нас пригласить на...

— Потому, что я хожу в гости только тогда, когда захочу!

Воины почтительно, но и с некоторой угрозой склонились над столиком.

— Госпожа приглашает тебя на ужин. Вместе с другом.

— Передайте госпоже, что я отлично поужинал и тут!

Охранники коротко посовещались на своем языке.

— Мы не можем вернуться без тебя! Если ты не пойдешь сам, нам придется тебя связать!

Взревев, Конан одним ударом свалил с ног говорящего. Двое других схватились за мечи. Издав странный, визгливый боевой клич, Култар подпрыгнул, и каблук его сапога отпечатался на черной физиономии другого охранника. Оставшийся на ногах, благоразумно вложил меч в ножны и учтиво поклонился. Затем помог подняться товарищам и увел их, шатающихся, в темноту южной ночи.

Конан налил очередную кружку. Култар отставать не собирался. Слуга, с выражением беспредельного ужаса на лице, принес очередной кувшин.

— Ты говоришь, Итилия сама учит сражаться своих охранников? — язык у Култара начал немного заплетаться.

— Да, — кивнул Конан, — она была когда-то убийцей и очень хорошим фехтовальщиком! Не думаю, что она потеряла форму.

— Но эти-то... Не рискнули...

— Возможно, она кое-что рассказала обо мне... Ну и, кроме того, наказала доставить нас живыми и здоровыми.

В который раз дверь таверны с грохотом распахнулась. Из темноты, как привидение прекрасной дамы, возникла хозяйка города Ксутал, хозяйка страны Куш, убийца и изощренная интриганка, нежная и дивная Итилия.

— Конан! Ты мог хотя бы поздороваться, когда пришел с караваном в мой город!

— В мои обязанности входила только охрана товаров...

— Не прикидывайся! Ты прекрасно понял, кто и зачем тебя нанял!

— Почему же ты так упорно меня не замечала? — Конан откровенно ухмыльнулся.

Култар сидел с открытым ртом. От этой женщины исходил чудный запах. Что это? Заморские благовония? Духи из Вендии? Или это запах ее прекрасного тела?

— Ну... я, — Итилия смущалась, — я была занята... А, дьявольщина! Я думала... Я надеялась, что ты сам подойдешь!

— Разве может простой охранник запросто подойти к такой важной госпоже?!

— Прекрати дурачиться! Конан... я хотела...

И тут случилось то, о чем впоследствии несколько лет судачили во всех тавернах города.

Хозяйка, эта твердая, как железо, жестокая, как тиран, и хитрая, как лиса, женщина, опустилась на пол и прижалась лицом к коленям огромного киммерийца. Посетители заведения перестали дышать. Култар превратился в каменное изваяние. Конан бережно поднял Итилию, как пушинку подхватил на руки и, словно демон, похищающий красавицу, вышел в ночь.

3

Много дней друзья беспробудно пьянились в доме Итилии. В результате обильных возлияний и бесконечных, изнурительных ночей в объятиях хозяйки, Конан опух, похудел и под глазами у него залегли темные круги. Култар, которого охаживали две миловидные рабыни, отличающиеся бешеным, южным темпераментом, выглядел не лучше.

По утрам, плохо соображая после бессонных ночей, друзья встречались за столом.

— Теперь я понимаю, — сказал однажды Култар, — почему ты не спешил в гости к нашей очаровательной хозяйке.

Конан удрученно кивнул.

— Нужно выбираться отсюда, иначе скоро мы не сможем даже вытащить мечи из ножен, — прошептал он заговорщицки.

— Да и другие мечи у нас будут не в лучшем состоянии...

Итилия, обладающая сверхъестественным чутьем, сама заговорила о деле.

— Я вижу, Конан, что ты собираешься сбежать! Не спеши. Я хочу предложить тебе возглавить караван, который отправиться на поиски Города Колонн.

Конан застонал.

— Города Колонн не существует!

— Почему? Почему ты так уверен?

— Потому, что его ищут уже несколько столетий.

— Они искали не там, где нужно!

— Они искали везде... — Конан вскинул голову. — Скажи, и сколько караванов ты уже послала?

— Четыре...

— Ты хочешь, чтобы я сгинул вместе с пятым?

На смуглых щеках Итилии выступил легкий румянец.

— Но у меня есть точная карта...

— Карты были у всех! В Шадизаре на каждом углу мошенники продают разные карты... Я думаю, в Ксутале — тоже!

— Подождите, подождите, — встремя подошедший к столу Култар, — о чем это вы говорите? О городе Ирем? Мои родственники тоже искали его!

— Ну и как? — зевнул Конан.

— Не нашли, — развел руками Култар, — пропали в песках...

Итилия стукнула по столу кулаком.

— Карту я нашла в подвале старинного дома! Рабы выбирали хорошие камни на развалинах... Это когда строился мой дворец...

— Ну, хорошо! Пусть карта пролежала в подвале сотню лет. Ты думаешь, что сто лет назад на земле не было мошенников?

— Подождите! — опять крикнул Култар. — Ты по этой карте посылала четыре каравана? Которые пропали?

— Ну... да. Дело в том, что на карте показаны пять возможных маршрутов, ведущих в одну точку...

— Странная карта.

— Именно поэтому она похожа на настоящую! Мошенники таких не рисуют!

Конан, ворча, согласился. Култар почесал затылок, силясь сосредоточится. Похоже, что им предстоит еще одно путешествие. Он поморщился, пытаясь вспомнить предыдущее. Они шли к проклятому монастырю... Нет, их доставил на летающем ящере волшебник Эскиламп... А уж, потом они шли... И дальше — провал. Конан говорит, что в его тело вселился некий бог... Может, и так...

Култар не любил странствия. Он мечтал о тихой, спокойной жизни. Иметь свой домик... Лучше, конечно, хороший дом, в два-три этажа! Да земли клочок... Вообще-то, лучше побольше... Ну, и рабов, чтобы они эту землю обрабатывали. Да скот... Несколько коров, овец... Нет, мало! Как ни крути, а нужно иметь стадо, лучше несколько стад, чтобы они спокойно паслись. Земли-то, стало быть, надо еще больше — чтобы были выпасы. Много земли надо. Тут уж не обойдешься и простым домом, пусть даже в три этажа. Нужен за-

мок. И чтобы стоял он на холме, а вокруг простирались его, Култара, земли. Пашни, выпасы... А раз замок, значит и прислуга, и охрана... Да что там говорить — нужно иметь свое небольшое войско, иначе этого замка можно быстро лишиться! А лучше, чтобы войско было большое! Тогда не только свой замок всегда можно отстоять, но и чужие прихватить! И спокойно жить! Иметь красавицу жену, растиль детей.

Но для этой тихой, мирной, спокойной жизни нужны деньги! Много денег! А значит, придется ходить по рискованным маршрутам в разные, опасные места! На поиски Города Колонн, например. Иначе никогда не купить ни замка, ни земель, ни даже маленького домика с небольшим участком земли!

Култар вздохнул. Плохо боги устроили этот мир! Те, кто с самого рождения купаются в деньгах — дети вельмож, купцов — всю жизнь не знают нужды. Только преумножают богатство. А оно-то им, ведь, с неба свалилось! Просто повезло родиться не сыном сапожника, а сыном вельможи. Сами-то они ничего не сделали! А живут, как боги.

Тут Култар невольно посмотрел на Итилию. Конан как-то рассказал ее историю... Рассказал, кем она была. Как добилась богатства. Бывает, бывает так, что кто-то добивается богатства сам! Как, вот она — красавица Итилия. Честь и хвала таким людям! Но беда в том, что так бывает очень редко. Чаще, кто родился в нищете — тот в нищете и помрет. Итилия-то, кстати, родилась

не в нищете! Она по рождению какая-то там царица и или княжна... Конан рассказывал... Так что, пример ее как раз и показывает — кто родился богатым, тот и будет богатым!

Южанин потер фалангами больших пальцев раскосые глаза. Нахмурился. Голова после вчерашнего гудела так, будто в ней работали десятки кузнецовых. Стучали, ковали, дымили... Да... Можно, конечно, богатство потерять. Так бывает. Жил, потом у него все отняли, или сам прогорел, и стал нищим. А вот, Итилия, наоборот, сумела нажить богатство. А муж ее, как раз потерял... И не только богатство, но и жизнь...

Принесли легкого вина, и Конан выпил половину кувшина прямо из горлышка. Итилия молча смотрела. Ждала ответа. Култар, который для себя уже все решил, тоже смотрел на Конана. Киммериец встрихнул черной гривой спутанных волос, и в синих глубинах его глаз Итилия прочла ответ.

— Я прикажу начать сборы. Выходим через два дня.

— Выходим? — удивился Конан. — Ты тоже идешь с караваном?

— Конечно! Неужели ты думал так легко от меня отделаться?

Култар засмеялся и потянулся к кувшину — прогнать кузнецовых. Конан пожал широченными плечами и приказал служанкам принести еще вина.

Через два дня все было готово к отъезду. Десять самых выносливых верблюдов с поклажей,

двадцать рослых, закутанных в черные плащи, воинов на лошадях, Конан с Култаром и сама Итилия — все собрались у ворот, ожидая пока спадет дневная жара. Первые дни, пока путь хорошо известен, лучше двигаться ночью. Днем — отдыхать в оазисах, отсыпаться.

Последний раз взглянув на карту, Итилия подала знак. Погонщики подняли верблюдов, охранники вскочили на коней.

— Ты распорядилась положить в каждый бурдюк с водой по серебряной монете? — уточнил Конан.

— Конечно, — Итилия глянула с укором.

Култар задумчиво потер подбородок.

— Я так и не понимаю до конца — зачем это делается? На счастье? Или ради утешения тех, кому воды не хватило?

Конан внимательно посмотрел на товарища. Убедившись, что тот и не думал шутить, пояснил:

— Чтобы вода не портилась. Серебро хорошо сохраняет воду!

— А золото? Может бросать по золотому?

— А, может, по бриллианту? — подхватила Итилия.

— Тогда уж, лучше по горсти изумрудов, — пробормотал Конан и тронул коня.

Задрав надменные морды и презрительно выпятив нижнюю губу, верблюды величественно прошествовали по улицам города. Итилия, на стройном, белоснежном жеребце, ехала рядом с Конаном. Култар немного отстал, уловив желания

ние хозяйки поговорить с возлюбленным наедине. Охранники скакали далеко впереди.

— Конан, почему бы тебе навсегда не остаться у меня? Можешь даже жениться на мне. Мы будем вместе владеть тем, что я имею!

— Ты слишком любвеобильна, — рассмеялся Конан.

— Ты же знаешь... — смущалась Итилия. — Это оттого, что колдун Акцион поил меня своим зельем...

— Эскиламп считал его неплохим человеком... — Конан был рад сменить тему.

— Эскиламп его ученик. Ученик не может плохо говорить об учителе!

— Это почему же?

— У волшебников так принято!

— Не слышал...

Цокот копыт стих — караван незаметно покинул мощенные мостовые. Городские ворота остались далеко позади. Впереди был долгий путь и томительная неизвестность.

— Ты мне так и не ответил... — напомнила женщина.

— Разве?

Итилия вспыхнула:

— Ты не хочешь жениться на мне?! Боишься, что я тебя замучаю до смерти?! Да знаешь ли ты, неотесанный тупой варвар, сколько богатых купцов, сколько вельмож, каждый день просят моей руки?!

— Они все, наверное, старые и дряхлые? — усмехнулся Конан.

— Нет, не все! Есть и молодые! И довольно красивые!

— Ну, так в чем же дело?

— В тебе, варвар-киммериец!

«Неужели она действительно любит меня? — ужаснулся Конан. — Но я же не могу...» А, вообще-то, почему бы и нет? Почему бы, действительно, не жениться на богатой вдове и покончить с бродячей жизнью? Что мешает? Ее темперамент — только предлог. В конце концов, супруг не обязан непрерывно ублажать ненасытную жену! У него есть и другие дела. Нет, страсть Итилии к любовным утехам его не пугает...

Он представил, как будет вершить хозяйственныe дела, чинно сидя за большим столом. Выслушивать отчеты приказчиков, давать указания. Этот товар продать подороже, тот пока не продаивать...

Это же надо изучить все купеческие премудрости! Корпеть, потеть, знать цены, проверять, не воруют ли продавцы... А меч будет висеть на стене! И постепенно покроется слоем ржавчины. Вначале тонким, потом толстым. И скоро его невозможно будет вытащить из ножен...

А он, Конан, бывший воин, вор, романтик, скиталец, который когда-то превыше всего ценил свободу, будет заниматься куплей-продажей. Забудет звон мечей, боевые кличи, кровавую радость битвы. Зато будет хорошо знать цены на разные товары и вечерами перебирать в сундуках драгоценные камни, пересчитывать золото и серебро!

— О чём ты так тяжко задумался? — голос Итилии вернул его к действительности.

Конан молчал, оглушенный видениями нудной купеческой жизни.

— Не бойся, — тихо сказала Итилия, — я больше не буду об этом говорить. Просто обещай, что ты меня не забудешь и, хоть иногда, станешь навещать.

— Конечно, обещаю, — с чувством сказал Конан, затем усмехнулся и добавил:

— Да тебя и невозможно забыть!

Итилия хлестнула коня и скрылась в клубах пыли.

Култар давно заметил, что когда идешь с караваном — первые дни всегда бывают долгими и трудными. Но уже через некоторое время к дороге привыкаешь и кажется, что всю жизнь так и было — лошадь, седло, верблюды с тюками, крики погонщиков... А затем, дни сливаются в одну бесконечную полосу, которая заканчивается всегда неожиданно, повергая в растерянность и смятение. И караванщик объявляет о прибытии на место, выдает заработанные деньги и желает приятно их пропить.

Так было и на сей раз. Только бесконечная полоса дороги кончилась не так, как обычно. Никто не предложил денег, хотя о том, что прибыли на место — объявили. И место это было поистине ужасным.

4

Ветер выл, как пойманый в капкан зверь. Походный шатер угрожающе раскачивался. Чернокожие охранники попеременно держали боковые колья, не позволяя ветру сорвать шатер с места и утащить в песчаную мглу.

Итилия в который раз развернула карту.

— Похоже, мы у цели... Три дня пути от соленого озера, вот оно... — миниатюрный пальчик похлопал по пергаменту в том месте, где было изображено озеро. — Сегодня третий день...

Конан мрачно смотрел на выцветшую, истертую карту. Култар помогал охранникам держать шатер.

— Странно, почему так внезапно началась песчаная буря... Будто нас кто-то ждал и как только увидел... — в черных глазах Итилии мелькнул страх.

— Если Ирем существует, — спокойно отозвался Конан, — его, конечно же, стерегут.

— Интересно, кто? — вытянул шею Култар.

— Кто? — переспросил Конан. — Духи, джины, демоны, мертвцы...

— Прекратите! — Итилия прикусила губу. — Там, среди вихрей, вход в город... Его, конечно же, не увидишь — для того и крутит тут песок... Конан, что будем делать?

— Воды у нас осталось достаточно, будем двигаться расширяющимися кругами, искать вход. Если через три дня не найдем — отправляемся обратно.

В шатер вбежал один из охранников.

— Госпожа! Найдены кости верблюдов и пустые бурдюки!

— А кости людей?

— Их нет... Только верблюжьи.

Через несколько минут Конан стоял у бархана, из которого торчали кости. Песчаная пыль забивала глаза, мешала дышать, шершавыми пальцами ковыряясь в носу и горле. Охранники вытаскивали из песка кости. Стервятники поработали на славу, обгладав останки верблюдов до блеска.

— Посмотрите вокруг, — сказал Конан, — должны быть скелеты погонщиков. Люди не могли уйти далеко, после того, как пали верблюды.

— Господин, — охранник, переминался с ноги на ногу, — мы уже потеряли трех человек... Они как раз и искали скелеты...

— Они же не могли пропасть! — крикнул Конан.

— Ищите! Может, они просто отошли... При такой видимости...

— Один из них крикнул, что...

— Что?! — Конан не на шутку рассвирепел. Что это за воины, которые теряются в песчаной буре, как дети?!

— Он крикнул... что, вроде бы... заметил человеческую руку, торчащую из песка...

— В какой стороне это было?

— Там, — охранник указал направление.

— Ищите, шакалы дети!

Конан, плотнее закутав лицо, пошел в указан-

ном направлении. Через несколько шагов, ему показалось, что на свете не осталось ничего и никого, кроме кружавшего в воздухе песка. Даже крики охранников стихли где-то за песчаным занавесом. Следы быстро заметало. Нет, далеко отходить нельзя. Нужно ждать конца бури, Конан остановился. Прислушался. Как будто кто-то кричал... Но крики раздавались не со стороны лагеря. Возможно, это трое заблудившихся охранников... Следы почти исчезли. Конан прочертит носком сапога стрелу, указывающую направление и вновь прислушался. Нет, только вой ветра в ушах и скрип песчинок на зубах... Он пошел назад.

В лагере уже недосчитались десятерых охранников. Кроме того, пропали два погонщика. Ко всему прочему, стало быстро темнеть.

— Всем оставаться в лагере! — отдал приказ Конан, выслушав сбивчивый доклад старшего охранника. — Сейчас мы никого не найдем. Тем более ночью. Следить за верблюдами и лошадьми. Ждать конца бури.

Ночью ветер злился сильнее обычного и только к утру стал постепенно стихать. Восходящее солнце осветило несколько полузасыпанных песком походных палаток, наклонившийся, но устоявший шатер Итилии, невозмутимых верблюдов, спокойно жующих жвачку и тревожно бьющих копытами коней.

Конан, ругаясь, вылез из шатра, протер глаза и осмотрелся. Пустыня напоминала застывшее, по мановению волшебной палочки, море. Беско-

нечные барханы, вздымались, как остановившиеся волны. Мелкая песчаная рябь навеки подернула затвердевшее море.

Из палаток выползали невыспавшиеся люди. Погонщики бросились считать верблюдов. Охранники неровным строем стояли, ожидая распоряжений.

— Каждому по одной лепешке и по полкружки воды. Затем искать товарищей. Находиться в пределах видимости, — Конан хмуро смотрел на оставшихся воинов. Перед ним стояли шестеро. За вечер и ночь пропали четырнадцать человек!

Култар осторожно тронул товарища за руку:

— У меня не выходит из головы слова одного из них... Кто-то крикнул, что видел руку...

Конан помолчал, наблюдая, как расходятся в разные стороны охранники.

— В такую бурю еще не то может померещиться.

Из шатра вышла, наконец, Итилия. Созвала погонщиков. В начале пути их было пятеро — по одному на каждую пару верблюдов.

Теперь перед ней стояли три испуганных, измученных человека.

— Как они пропали? Куда-то ходили? Заблудились?

— Госпожа, — пролепетал один, — они исчезли на моих глазах...

Подошел Конан. Култар семенил следом.

— И что же ты видел?

Погонщик поклонился.

— Господин, я видел... видел, как чьи-то высо-

хшие руки схватили их за лодыжки и утянули в песок...

— Кром! Где это было?

— Недалеко от того места, где лежали верблюды.

— Показывай!

Погонщик мелким шагом осторожно двинулся вперед. Через несколько десятков шагов остановился. Оглянулся.

— Кажется тут, господин.

Конан попытался вырыть мечом яму, но песок осыпался, тек, как вода. Яма получилась не слишком глубокой.

— Тут никого нет!

— Их затянули, господин...

Подошла Итилия.

— Что-то я не вижу охранников... Раньше все шестеро маячили на горизонте...

— Проклятье! — Конан стукнул кулаком по ладони, затем вздохнул: — Нужно убираться отсюда. Люди исчезают прямо на глазах! Кроме того, похоже, опять поднимается буря.

— Собирайте коней, готовьте верблюдов, мы уходим! — крикнула Итилия, и погонщики торопливо стали готовиться к отходу.

Неожиданно Култар завопил так, будто увидел самого дьявола. Конан еще только поворачивался, а Итилия уже выхватила саблю и яростно рубанула по песку, едва не задев сапог южанина. Раздался еще один вопль — хриплый, булькающий. Итилия ткнула клинком в песок и подняла на острие отрубленную, высохшую руку, пальцы

которой дергались, подобно паучьим лапам. По песку прошла рябь, он зашевелился, послышался странный скрип.

— Скорее! В седло! — крикнул Конан.

Закричали погонщики. Итилия завизжала, яростно отмахиваясь саблей. Из песка лезли, растопырив скрюченные пальцы, худые, высокие руки. Конан и Култар, выхватив мечи, бросились на помощь. Через минуту множество рук было отрублено, но еще больше появилось из песка.

— В седло! — проревел Конан, работая мечом.

Итилия взлетела на белого скакуна и дала шпоры. Шевелящийся песок рекой тянулся за ней следом. Руки исчезли — только рябь в направлении скачущей Итилии показывала, что они не желают упускать добычу. По счастью погонщики успели связать верблюдов, и Конан на ходу подхватил повод переднего.

— Похоже, они охотились, прежде всего, на нашу хозяйку, — задыхаясь, крикнул Култар, правнявшись с Конаном.

— Но охранники и погонщики тоже погибли, — пробурчал Конан, силясь сквозь начинавшуюся бурю увидеть белого жеребца Итилии.

Она сама внезапно вынырнула из песчаного вихря.

— Не отставайте! Нужно уйти как можно дальше!

— Не слишком спеши, если не хочешь потерять верблюдов, а, значит, погибнуть от жажды, — спокойно сказал Конан.

Итилия дрожала, как в лихорадке.

— Что это было? Во имя богов, что это было?!

— Песчаные мумии, — сказал Конан, будто видел такое каждый день.

— Мы остались втроем, — пробормотал Култар, — давайте связемся веревкой, иначе потеряемся. Буря усиливается.

Конан накинул петли на седла и к этой же веревке привязал верблюдов.

— Трогаемся. Поедем, не смотря на бурю. Остановиться, значит, умереть.

Замотав лица и закрыв глаза, они осторожно тронули лошадей. Скоро невозможно было разглядеть даже луку седла. Буря выла и стонала, словно скопище грешных душ. «А, может быть, так оно и есть?» — подумал Конан. Тут собрались души и тела всех тех, кто погиб, пытаясь добраться до этого проклятого Города Колонн!

Почувствовав, что лошадь остановилась, он открыл глаза. Ярко светило солнце. Вокруг расстился песок странного зеленоватого цвета. Внезапная тишина подавляла. Рядом вертел головой Култар. Белоснежный жеребец Итилии нетерпеливо перебирал копытами. Сама она смотрела на Конана не то с ужасом, не то с ликованием. Перед ними возвышался лес огромных колонн. Каждая была украшена резьбой и резьба ни разу, на сколько хватало глаз, не повторялась. В обе стороны до самого горизонта тянулся этот строй колонн. Прозрачные облака, скорее даже, легкая дымка укутывала вершины.

— Будь я проклят, — прошептал Култар, — да ведь это...

— Это Город Колонн! — Конан оглянулся. Позади крутилась мутная завеса песчаной бури.

— Мы все же нашли его, — в черных глазах Итилии стояли слезы.

— Скорее, он нашел нас, — сказал Конан, затем, указывая на клубящиеся вихри позади, добавил:

— Мы или случайно нашли проход, или нас провели...

— Интересно, кто?

Конан молча спешился, отвязал веревку, связывающую лошадей, поднял несколько небольших камней, вероятно отколавшихся когда-то от колонн. Неторопливо выложил стрелу, указывающую точно на то место, через которое они попали в город.

— Ты думаешь, этот город... — начала Итилия.

— Да, — кивнул Конан, — город не в нашем мире. И, если мы хотим вернуться, важно не потерять проход.

— Странно, мне как-то не очень хочется углубляться в этот каменный лес, — Култар покосился.

— Поэтому, поедешь последним, — усмехнулся Конан, привязывая повод переднего верблюда к луке седла лошади Култара, — за верблюдов отвечаешь головой!

— И в какую сторону поедем?

— Прямо! — Конан тронул коня и не спеша, двинулся вперед.

Четыре огромные ступеньки вели к мощному плитами основанию колоннады. Клубящаяся дымка мешала разглядеть кровлю, которую, вероятно, поддерживали колонны. Солнце исчезло, едва копыта лошадей и верблюдов зашокали по камню. Кони испуганно ржали. Даже невозмутимые верблюды вели себя беспокойно. Проезжать между огромными каменными столбами было действительно жутковато. Кто знает, что там, на верху, скрыто туманом...

— Смотрите, — негромко сказал Конан, указывая вперед, — кажется, начинается город.

Через несколько минут каменный лес остался позади. Перед путешественниками такими же стройными рядами, располагались одинаковые квадратные здания. Дальше возвышались круглые башни, целый лес башен. На вновь появившемся солнце сверкали золотые купола и шпили. И, наконец, еще дальше, в синей дымке возвышалась огромная, как гора башня, вмещавшая в себя, вероятно, целый город.

Достаточно удалившись от колонн, Конан остановил караван.

— Култар, посмотри, что у нас осталось из еды, сколько воды в бурдюках. И если осталось зерно, покорми верблюдов и лошадей. Я думаю, травы они долго не увидят.

Итилия легко соскочила с коня и стала помогать Култару. Конан так же спешился и стоял, задумчиво глядя на расстилавшийся перед ним

тайинственный город. Он хорошо помнил старинные предания. Ирем, Город Колонн. Великий шах Шаддат, волшебник, владеющий самыми сокровенными знаниями, заставил джинов построить для него этот город. Для него и его подданных — гордых гигантов-нефилимов. Старшие боги уничтожили всех, кто жил в городе за их непомерную гордыню. Но другие легенды говорили о том, что гордыня здесь ни при чем: боги опасались за свою власть, ибо велика была мощь шаха и его подданных.

Так или иначе, но жители города Ирем исчезли. Однако, в библиотеках остались книги, свитки папируса, каменные таблички... А в подземных кладовых — древние колдовские артефакты... Удастся ли их найти?

Какая-то невысказанная мысль беспокоила киммерийца, пока он стоял, глядя на город. Какая-то... он только что подумал... Да, он подумал — сумеют ли они найти книги и артефакты? А нужно ли их искать? Вот что его беспокоило! Стоит ли вытаскивать на свет то, что волею богов, скрыто от людей? Не приведет ли это к нарушению хрупкого равновесия, которое с таким трудом установилось в этом мире? Вероятно, Шаддат решил править вселенной. Ему не позволили...

А если сейчас красавица Итилия овладеет самыми сокровенными секретами? Познает тайны, которые боги намеренно оставили скрытыми? Завладеет могущественными артефактами? Что она может натворить? Она — красавица, злодей-

ка, жаждущая абсолютной власти хозяина города Ксутал, бывшая убийца, интриганка, ненасытная сластолюбица, стремящаяся покорить все и вся?

До сих пор Конан не задумывался над этим, будучи уверен, что никакого волшебного города не существует...

Но даже, если предположить... То уж им-то его не найти... И вот, этот мертвый город раскинулся перед ним, как на ладони. Вот он — с его тайнами, могуществом, ужасом... Нет, нельзя допустить, чтобы Итилия овладела могуществом древних! Она попытается покорить мир! Именно покорить, завоевать, залить кровью, подчинить своей необузданной воле!

Конан вдруг, неожиданно для себя, почувствовал острую жалость. Бедная женщина — она не умеет смирять страсти, она пойдет до конца... и кончит так же, как шах Шаддат и его нефилимы. Погибнет. Но перед тем, утопит в крови полмира. Нет, тайна Города Колонн должна остаться незыблемой.

— Конан, воды у нас дней на двадцать, не считая того, что оставлено на обратную дорогу! Лепешек и зерна тоже достаточно! — весело крикнул Култар.

Вполне возможно, что мы и на самом деле ничего не найдем, думал Конан, мы оказались в городе, но это еще не значит, что мы овладеем его тайнами.

— Если надоест жевать лепешки, — продолжал южанин, — можно пожертвовать одним верблюдом.

Итилия гневно сверкнула глазами:

— Сначала купи верблюдов, потом ими распоряжайся! Я уже и так во время бури потеряла двадцать лошадей!

— А потеря охранников, что ехали на этих лошадях тебя не волнует? — уточнил Конан.

— Это были рабы! Их у меня достаточно!

— А лошадей и верблюдов — мало? — удивился Култар.

Итилия поймала пристальный взгляд Конана и смутилась. Опустила голову и спряталась под роскошными прядями иссиня-черных волос.

— Ты стала настоящей купчихой, — не унимался Култар, — а наш друг рассказывал, что раньше ты...

— Заткнись! — рявкнул Конан.

Южанин испуганно замолчал, затем отошел к верблюдам и стал поправлять поклажу, проветрять ремни, подтягивать подпругу.

Хрупкие плечи Итилии затряслись, когда киммериец нежно прижал ее к груди.

— Да... я стала... я стала, — плакала женщина, уткнувшись другу под мышку, — я теперь... Но ничего! — она вдруг гордо вскинула голову. — Я найду то, что запрятано в городе! И тогда!..

Итилия оттолкнула Конана и одним прыжком взлетела в седло.

— Вперед! Меня ничто не остановит! — она дала жеребцу шпоры и помчалась к серым зданиям, однообразные ряды которых, исподволь будили глубоко запрятанную тревогу.

Конан вздохнул и покачал головой. Култар,

косясь на друга, сел на коня, и стал, дергая за веерку, поднимать верблюдов.

— Попспешим, нельзя оставлять ее одну, — Конан вскочил в седло. Внезапно конь его поднялся на дыбы и тревожно заржал.

— Он чует опасность, — проскрипел сзади Култар.

Друзья уже скакали во весь опор, но ряды однотипных зданий не приближались. Белый жеребец Итилии, вдруг взбрекнул, затем стал, вопреки желанию наездницы, поворачивать назад.

— Что с ним? — Конан резко осадил коня.

— Не знаю... Он испугался. Он никогда ничего не боялся! — Итилия, наконец, справилась с конем и уже спокойно двинулась дальше. Конан, поравнявшись с ней, указал на квадратные здания.

— Они дальше, чем мы думали!

— Конечно! Это огромные жилища гигантов. До них еще скакать, да скакать!

— Тогда высоту той горы-башни вообще представить невозможно, — добавил Култар.

Наконец, после продолжительной скачки, друзья, остановились у первого дома. Квадратное здание высотой с четырехэтажный дом, где-то на верху — узкие окна. Огромный портал, слишком большие для человека ступени и высоченные, резные, двустворчатые двери из белого камня.

Конан и Итилия решили попытаться войти и посмотреть, как жили мифические гиганты. Култар остался удерживать коней, которые вновь тревожно ржали, били копытами по огромным

плитам мостовой и выказывали явное желание убраться вовсюси. От легкого прикосновения огромные створки дверей открылись, как бы приглашая непрошенных гостей войти, но, приглашая с нехорошой усмешкой, с взглядом из подлобья — входи, но потом не жалуйся.

В доме не было перегородок. Все строение — одна огромная комната. Конан быстро осмотрелся, ощущая все нарастающую тревогу. Посреди — нечто вроде каменного стола: квадратный, отполированный сверху, и корявый по бокам камень. Рядом — что-то вроде скамейки. Громадная каменная лежанка у стены — одна, значит, жилище рассчитано на одного человека. Человека? Нет, нефилима — сына человека и демона, или же — человека и бога... Чьи же дети тут жили, в Городе Колонн? Что они хотели? О чем думали, мечтали? Завоевать мир? Или изучить его? Познать? Библиотеки Ирема... Мудрость, недоступная человеку...

Конан прикинул размеры гигантов — на лежанке вполне могли бы уместиться человека четыре... Да и высота здания как раз, и позволяет такому чудовищу ходить не сгибаясь...

В доме не было ни очага, ни посуды... Как готовили они пищу, как ели? Да и нужно ли было, им есть? Конан хмыкнул. Даже демоны, во всяком случае, те, которых он видел, нуждались в пище. Более того, питались изысканно, закатывали пирсы... Возможно, в этих домах гиганты просто спали, а трапезы устраивали в других? Странно, все странно...

Окна под самой крышей давали достаточно света. Лучи солнца косо падали на противоположную стену, освещая затейливую резьбу и надписи на непонятном языке.

— И что толку будет найти книги, которые мы не сможем прочитать? — пробурчал Конан, разглядывая полустертыес буквы.

— Прочитают другие! Есть волшебники, есть мудрецы, они смогут рассказать мне, что написано... — Итилия вдруг беспокойно оглянулась: двери были закрыты.

— А захотят ли эти «другие» делиться секретами с тобой? Да они, если сумеют прочитать...

— Конан, — изменившись голосом перебила Итилия, — двери закрылись!

Киммериец оглянулся. Резные створки, высотой почти до самого потолка, действительно были закрыты.

— Когда мы входили, они открылись от легкого прикосновения, может и сейчас... — он направился к выходу.

— Конан, мы в ловушке, — прошептала Итилия, — они не позволят нам пройти дальше в город, найти библиотеки...

— Да кто «они»? — крикнул Конан, — тут никого нет!

Гулкое эхо явственно отзывалось: нет...нет...

Он толкнул дверь. Створки не шелохнулись. Он уперся ногами, налег плечом. Никакого результата. Итилия шептала молитву.

— Боги не помогут, — проворчал Конан, — тем более здесь. Они, вообще, редко помогают...

Он стал ощупывать каждую выпуклость на двери, каждую завитушку.

— Кром! Если здесь и есть потайной рычаг, он находится наверху, куда нам не дотянуться!

— Я могу встать тебе на плечи!

Конан кивнул и опустился на колено. Подождал, пока Итилия найдет устойчивое положение, и осторожно выпрямился, придерживая ее за тонкие лодыжки.

— Подними руки и нажимай на все завитушки подряд!

Женщина вытянулась и стала шарить по створкам. С удивлением заметила, как дрожат руки. Разозлилась на себя. Разве раньше — и не один раз — не была она на волосок от смерти? Не попадала в ловушки? Не билась одна против десятка воинов? Почему же теперь у нее трясутся руки?! С теплотой, но и с некоторым раздражением подумала о Конане. Он спокоен, будто и не грозит им голодная смерть в этом огромном доме-склепе. Он уверен, что мы выберемся, иначе, откуда бы у него такое идиотское спокойствие! Спокойствие идиота! Но он далеко не дурак. Будь он дураком — она давно бы его заманила, женила на себе и каждую ночь наслаждалась бы его могучим телом и мужской силой. И как это он, со скрытой радостью, сказал, что нет смысла искать книги, если не сможешь их прочесть! Следующим шагом был бы возврат в песчаную бурю. Конан явно не хочет искать библиотеку. Почему? Ему не нужны знания? Может, и так... Он выбрал путь воина, всякое колдовство ему претит. Со-

кровенные знания не нужны. К власти он не стремится... Почему же он не любит власть?! Ведь это прекрасно — повелевать народами! Это волнует даже сильнее, чем любовь! Когда, по одному твоему слову, люди идут на смерть или пытки. Когда, следя взмаху твоей руки, огромная армия лавиной устремляется на врага! И покоренные народы признают тебя повелительницей. О, сколько подобных снов она видела! Сколько раз, во сне, увы — только во сне — овладев сокровенными знаниями, превзойдя колдовской мудростью даже мерзкого Актиона, она покоряла мир! И вот, теперь она нашла Город Колонн! Тайны вселенной лягут к ее ногам, а вместе с ними — безгранична власть над миром! Власть, которой можно упиваться, которую нужно лелеять, как новорожденного ребенка, которая даст невероятное, неземное блаженство. Такое же блаженство — почти такое — дают ночи с Конаном... Но он не желает ее, не хочет провести с ней жизнь! Что ж, она утолит эту жажду другим способом — покорит мир!

Итилия встряхнула головой, освобождаясь от видений. Покорит мир?! Да она погибнет тут от голода и жажды! Одно утешение, только одно — умирать она будет в объятиях Конана...

Внезапно раздался странный, скрежещущий звук и одна из голов трехглавого дракона, изображенного древним ваятелем на створках двери, вдруг подалась, утонула, и двери медленно распахнулись. Култар, с безмерным удивлением, уставился на Конана, невозмутимо держащего за

ноги, вытянувшуюся в струнку Итилию. Затем, сообразил, улыбнулся:

— Двери с секретом? Конечно... а потайной рычаг — на уровне пояса гиганта...

Итилия легко и грациозна, как черная пантера, спрыгнула с плеч Конана и рассмеялась над недавними страхами. Затем, опустила голову. Что она там надумала насчет смерти в объятиях любимого? Чепуха! Смерть — это всегда ужасно! И все же... Все же умереть в объятиях Конана, было бы не так уж плохо...Она вновь рассмеялась. Теперь придется завоевывать мир...

В другие здания, рядами стоящие вдоль дороги, путники решили не заходить. Двигались к башням, золоченые крыши и шпили которых, сверкали на солнце, как начищенные доспехи вельможи. Дорога казалась бесконечной. Унылые, однообразные кубы домов, выстроенные, как по ниточки, сверкающие вдали шпили, возвышающаяся из-за горизонта башня-город. И тишина. Мертвая, гнетущая тишина, нарушать которую неприличным стуком копыт, казалось кощунством, святотатством. Сколько тысячелетий назад залегла, угнездилась среди серых зданий эта мертвая и мертвящая тишина?

— Мне почему-то хочется забрать, но я боюсь, — прошептал Култар.

Итилия молча кивнула. Пристально и подозрительно посмотрела на Конана:

— Тебе, что — совсем не страшно?

— Неприятно, как-то, — признался Конан, — но страха нет.

— А, вот я — боюсь и не стыжусь этого, — сказал Култар с некоторым вызовом.

Чувствовалось, что ему невыносимо ехать в тишине, слушать цокот копыт и представлять, что, вот сейчас, некие высокие великаны-мумии, вроде тех, песчаных, выглянут из-за серых своих зданий и протянут к нему, Култару, огромные, желтые руки.

— Боишься — уговори хозяйку повернуть назад, — усмехнулся Конан.

— Она мне не хозяйка, — тихо сказал южанин, — я к ней не нанимался...

— Как это «не нанимался»?! — воскликнула Итилия.— А кто радовался, как ребенок, когда я пообещала вам столько серебра, сколько вы сможете унести?!

Култар затравленно оглянулся. Уже и позади, насколько хватало глаз, тянулись нескончаемые ряды серых, угрюмых зданий. Скоро, скоро город их проглотит, как птичка глотает муху! Им никогда не выбраться в тот мир, где они жили раньше. Да и казался теперь «тот мир» каким-то далеким, призрачным, ненастоящим.

— Сколько мы уже едем, а башни не приближаются, — пожаловался южанин, покосившись на Конана.

— Да, едем достаточно долго, пожалуй, пора сделать привал, — Конан остановил коня и осмотрелся. Все вокруг серо, несмотря на ярко сияющее солнце. Серая мостовая, серые здания... Только вдали — все еще вдали — сверкают купола башен.

Култар уже распаковывал седельные сумки. Итилия недовольно хмурилась — ей натерпелось добраться до библиотек. Верблюды, получив свою порцию фуражного зерна, неторопливо жевали, изредка кивая головами, будто соглашаясь с какими-то своими потаенными мыслями. Лошади же, наоборот, все больше беспокоились, били копытами, отказывались от пищи.

— Что-то будет, когда мы достигнем башен, — покачал головой Конан, — лошади чуют беду.

Итилия облизнула сухие губы.

— Ерунда! — они просто не привыкли...

— К чему? — осведомился Конан.

— Не привыкли к этим громадным каменным домам, к этой серости.

— В городах, где они жили, всегда было достаточно каменных домов, разной величины.

— Да и в замках, — добавил Култар, — вот уж, где хватало камня и серости!

— Все равно, — упорствовала Итилия, — просто непривычная обстановка!

— А ты разве ничего не чувствуешь?! — вззвыл южанин. Он только что нарезал ломтиками сухую лепешку и держал в руке нож, рукоятку которого сжал с такой силой, что побелели кости пальцев.

— Кое-что чувствую, — спокойно сказала Итилия, насмешливо глянув на нож.

Култар разжал ладонь и кривой, восточный клинок, звякнув, упал на мостовую. Конан невозмутимо перемалывал крепкими зубами высохшую до состояния древесины лепешку. Солнце

клонилось к закату. Длинные тени протянулись на восток, раскрашивая зеброй мощеную улицу.

— Еще немного проедем и остановимся на ночлег, — бросил Конан, вставляя ногу в стремя.

— Какой-то выдастся наша первая ночь в мертвом городе? — пробурчал под нос Култар.

Он поднял верблюдов и нехотя взобрался в седло.

Итилия долго успокаивала жеребца, при этом сама беспокойно оглядывалась, будто опасалась нападения невидимых врагов. Возможно, ей было бы легче увидеть целые полчища недругов, нежели, в звенящей тишине заброшенного города, ждать неизвестной опасности. Конан, проверив, легко ли меч покидает ножны, тронул каблуками коня. Караван двинулся дальше, вглубь Города Колонн.

6

На ночь остановились посреди улицы. К домам этим, серым, однотипным, пугающим, подходить не хотелось. Молча распаковали седельные сумки, вяло пожевали сухие лепешки. Култар покормил лошадей и верблюдов. Лошади опять почти ничего не ели.

— Воду бы надо найти... — как бы про себя пробормотал южанин, — без воды нам конец...

— Пока что — ни колодца, ни водоема, — Конан расстелил одеяло и лег, с удовольствием вытянувшись, — будем искать. Жалко, что птиц тут нет — они бы показали воду...

— Ни птиц, ни даже мух... — Култар искося глянул на ряды безмолвных, серых зданий.

Солнце скрылось за горизонтом. Сумерки наступали, как безмолвная, но грозная сила. Тени постепенно исчезали — все поглощала вязкая тьма.

— И устала, и спать боюсь, — прошептала Итилия, — кажется, что стоит заснуть, как кто-то придет... кто-то страшный... не из нашего мира...

Кони тонко и тревожно ржали. Верблюды улеглись и спокойно пережевывали вечную свою жвачку. Их силуэты постепенно исчезали в темноте.

— Я, пожалуй, подежурю, — сказал Култар наигранно бодрым голосом, — все равно пока не уснуть.

— Давай, подежурь, — Конан зевнул, но, перед тем, как окончательно закрыть глаза, окинул улицу быстрым и зорким взглядом. Затем положил ладонь на рукоять меча и заснул.

Итилия расстелила одеяло у левой руки Конана, легла и свернулась калачиком. Дневная жара постепенно уступала место ночной прохладе. Но не слышно было ни криковочных птиц, ни жужжания кровопийц-комаров, которые изредка налетали на спящих людей в том, другом, таком далеком теперь мире.

Конан проснулся внезапно, будто от толчка. Тишина звенела в ушах тонкими, надрывными голосами. На небе ярко сияли чужие, незнакомые звезды. Култар давно уже похрапывал,

подобрав во сне ноги к животу. Итилия прижалась к руке Конана, в неосознанных поисках спокойствия и защиты.

Несколько минут Конан лежал неподвижно, до боли вглядываясь в темноту и пытаясь уловить малейший звук. Что же его разбудило? Заржала лошадь? Громко всхрапнул во сне Култар? Нет, нет... Был другой, чужой звук. Звук, исторгшийся из этого, нового для них мира. Может, треснуло здание, отдавая накопленное за день тепло? Трудно сказать... Но внутри зреала странная уверенность, что разбудили его шаги. Крадущиеся, легкие, почти неслышные шаги. Так не может ходить гигант. Да и нет здесь давно никаких гигантов. Только огромные дома напоминают о них... Но кто-то же шел? Кто-то же крался в темноте? Значит, есть тут, среди мертвых стен огромных зданий, какая-то жизнь. Нечеловеческая, неестественная жизнь...

Тишина наполняла голову тупой болью. Но Конан был уверен, что существо, подкрадывающееся к нему в темноте, где-то рядом, затаялось, распласталось на нагретых камнях и смотрит. Это ощущение чужого, недоброго взгляда преследовало киммерийца с самого вечера, с тех пор, как удлинились тени, и солнце приготовилось отправиться на покой. Именно в такое время и начинает просыпаться вся мерзость: упыри, мертвецы, уроды-колдуны, днем спящие, или обернувшиеся корявой, горелой лесиной — если в лесу, либо же каменным идолом, если дело происходит в горах... Мерзость этого мира... Но —

у Конана неприятно заныло сердце — они, ведь, в другом мире! И кто знает, какая нечисть обитает тут, в мертвом, заброшенном городе, в мире, где даже звезды на небе расположились совсем по-другому?

Вот! Конан чуть приподнял голову и прислушался. Вот этот звук, что разбудил его — тихие, крадущиеся шаги.

Медлить больше нельзя! Неизвестная тварь близко! Уже слышно ее зловонное дыхание! Нужно вскочить, разбудить остальных, выхватить меч! Но почему не слышатся ноги?! Почему вдруг тело стало таким чужим и непослушным?! Пальцы не могут обхватить рукоять меча, руки — шевельнуться, даже крикнуть нет сил!

Конан понял, что на него наложено заклятие. Вероятно, не только на него, на Култара и Итилию — тоже. И они трое лежат беспомощные, как малые дети, перед неизвестным чудовищем, обладающим способностью насыпать на свои жертвы неподвижность. Как скоро оно нападет? Отвратительный запах забивал горло, хотелось сдавить шею, перекрыть доступ этому смраду — если нет возможности вдыхать чистый воздух, лучше не дышать вовсе.

Голова кружилась, мысли путались. Конан почувствовал, что еще немного, и он уплывет, улетит в другую страну, за далекие синие горы, с белоснежными, сверкающими на солнце вершинами, где встретит его Кром, усадит за роскошный стол и будет угождать самыми изысканными винами...

Неимоверным усилием он разорвал чары. С рычанием, с криком, с боевым кличем воина-варвара, вскочил на одеревеневшие ноги, выхватил меч. Тень, чернее ночи, густок могильной тьмы, зашипела и... рассеялась в темноте. Пахнул ветер и принес еще больший смрад, такой, что Конан с огромным трудом удержал в желудке остатки съеденной вечером лепешки. Застонал, зашевелился Култар. Итилия, стиснув зубы, поднималась с колен с саблей в руке.

— Что? Что это было? Кто это был? — Култар сплюнул, разминая руки и ноги.

— Я не могла шевельнуть даже пальцем, пока ты не вскочил, — простонала Итилия, — я все слышала, но не могла двинуться! Что за чудовища живут в этом городе?!

Конан, достал флягу и протянул женщине.

— Это всего лишь первая ночь! Ты все еще хочешь искать библиотеку?

Итилия промолчала. Сделав несколько глотков, передала флягу Култару.

— Конан, кто это был? — допытывался Култар.

— Откуда я знаю, кто это был?! — рявкнул Конан. — Ясно, какая-то нечисть! Умеющая насыпать оцепенение. Следующий раз можем и вообще не проснуться!

Итилия сидела, обхватив голову руками. Култар раздал животным утреннюю порцию корма. Посмотрел на восток, где тонкой полоской начинало светлеть небо и вопросительно глянул на Конана.

— Хозяйка решать должна! — усмехнулся киммериец. — Она нам серебром платит!

Итилия подняла бледное лицо. В черных глазах отражалась недавняя боль.

— Башни обследовать не будем! Библиотека должна быть в той горе... — она кивнула на приступающий в утреннем свете конус башни-города, — поскакем галопом, может, успеем до ночи хоть что-нибудь найти...

— Конечно, — мрачно отозвался Култар, — смерть свою и найдем.

Но Конан уже вскочил в седло. Привстал на стременах, вглядываясь в серые рассветные сумерки.

— Не будем терять времени! — Конь его, чувствуя волю хозяина, рванул в галоп.

Только к вечеру они достигли башен. А до центральной башни-горы, пути было, как понял Конан, несколько дней. Ряды однообразных серых зданий закончились. Караван остановился перед ближайшей башней.

— Экая громадина, — проворчал Култар, — если скакать вокруг, так и за полдня не управиться.

Башня действительно была огромна. Сложенная из такого же серого камня, что и дома, круглая и пузатая, как бочка, она стояла, подпирая облака золоченым куполом. Громадный пандус приглашал осмотреть ее необъятные внутренности и найти там... Что?

Покой, отдых, знания, книги? Или голод, жажду, смерть? Узкие окна, в несколько рядов

опоясывающие башню, глядели насмешливо и угрожающе.

— Ночевать на улице больше не будем, — бросил Конан, осматривая, высияющую перед ним, неуклюжую громадину, — придется рискнуть и остановиться в башне.

Никто не сказал ни слова. Итилия и Култар понимали, что Конан прав. Чем бы ни грозила башня, на улице они едва не погибли.

— Заходим сразу и вместе с верблюдами! — Конан спешился и, ведя в поводу коня, осторожно ступил на лестницу, по которой приходилось карабкаться, как по горным уступам.

По счастью, ступенек было немного — люди и животные их быстро преодолели. Легкое касание — и резные створки огромной двери «приветливо» распахнулись.

— Трехглавого дракона нет, — Итилия, запрокинув голову, рассматривала внутреннюю резьбу двери, — придется опять искать потайной рычаг.

— Жаль, нечего подставить... камень бы, какой... чтоб они не закрывались, — Култар вертел головой, но ничего на глаза не попадалось.

Двери плавно, с мягким шлепком, закрылись. Башня, в отличие от серых зданий, имела, конечно же, несколько этажей. Вдоль стены, в потолочные отверстия уходила винтовая лестница с такими же ступеньками, как и на пандусе. Первый этаж представлял собой так же, как и в кубических зданиях, одну огромную комнату. Только каменных лежанок здесь было гораздо больше и в центре стоял гигантский стол, или постамент,

на который вполне можно было бы установить памятник какому-нибудь правителю.

Но все это путешественники заметили потом. Первое, что бросилось им в глаза, была вода! Водоем, огороженный высоким парапетом, занимал третью часть площади всего первого яруса башни. В центре возвышался каменный дракон — возможно, когда-то из его раскрытой пасти был фонтан.

— Осторожно! — остановил Конан, бросившегося к воде Култара в тот момент, когда он уже вскарабкался на парапет. — Мы не знаем, пригодна ли для питья эта вода. Сначала пусть попробует один из верблюдов.

Култар нехотя согласился. Наполнив бурдюк, он подошел к самому худому верблюду.

— Пей, мой хороший, пробуй... — верблюд, не раздумывая, уткнул морду в бурдюк. Послышалось его довольное хлюпанье. Другие животные, почуяв воду, выражали нетерпенье — крутили головами и встряхивали гривами, лошади били копытами.

Конан заставил друзей продержаться не менее часа, наблюдая за напившимся верблюдом. Тот явно повеселел, лежал довольный, гордо глядя на томимых жаждой товарищей надменным оком. Наконец, Култар не выдержал и припал к заранее наполненному бурдюку. Конан понюхал, попробовал на язык — вода была кристально чистой. Покачав головой, он единым духом осушил половину бурдюка.

— Если в каждой башне есть вода — мы не

пропадем! — Култар пил через равные промежутки времени, напитывая живительной влагой ссохшийся, обезвоженный организм.

— Интересно бы знать, — Конан в раздумье потер гладко выбритый подбородок, — откуда здесь вода? Она не течет с гор — гор тут нет; она не может быть дождевой — дожди тут явно редки, если, вообще, бывают, да и дождевая вода давно бы прогоркла, испортилась... Откуда же она?

— Может, подземные источники? — предположил Култар.

— Чтобы вода не портилась, она должна обновляться, — настаивал Конан, — здесь же нет течения, просто небольшой водоем...

— Что мы знаем об этом мире? — Итилия с трудом оторвалась от фляги, — что мы знаем о волшебстве тех, кто здесь жил? Вероятно, вода заколдована — и не портится.

— Вот, вот, — проворчал Конан, — именно что заколдована.

— Так мы пили колдовскую воду? — вскинулся Култар. — Как бы с нами чего не случилось...

— Например, превратимся в гигантов! — рассмеялся Конан.

Но время шло, а колдовство — если оно и было — никак не давало о себе знать. Путешественники чувствовали свежесть, прилив сил и хороший аппетит. Култар все чаще поглядывал на верблюда — душа требовала мяса.

— Даже если хозяйка согласится, — усмехнулся Конан, уловив настроение товарища, — нет

аров, чтобы разжечь костер. А есть сырое мясо не по мне...

— Его можно нарезать тонкими полосками и провялить на солнце, — сказал Култар.

— О чём это вы говорите?! — в глазах Итилии сверкали черные молнии. — Мы еще не умираем от голода!

Аппетит пришлось умерить, удовлетворяясь сухими лепешками. Но со свежей, прохладной водой даже сухое, как доска, тесто казалось прекраснейшим медовым караваем.

— Темнеет, — сказал Конан, кивнув на окна, будто занавесившиеся серой мглой, — пора подумать о ночлеге.

Веселое настроение вмиг улетучилось. Все вспомнили о ночном ужасе, что подкрадывался к ним прошлой ночью.

— Тихо, — шепнула Итилия, — слышите? Там, в воде...

— Ничего не слышу, — изменившимся голосом сказал Култар.

Конан приложил ладонь к уху. Покрутил головой, улавливая звуки.

— Будто пузыри по воде... или...

— Или кто-то хочет выбраться из водоема. Мы же не знаем, какая у него глубина...

Конан, бесшумной тенью, прокрался к парапету. Долго стоял, всматриваясь в сумерки.

— Никого. Может, действительно тут бьет ключ... Или водятся рыбы.

— Кто-то водится, это уж точно, — пробубнил Култар.

Вскоре в башне совсем стемнело, только центральный постамент — или, все-таки, стол — еще освещался последними закатными лучами. Подозрительных звуков из водоема больше не доносилось, и друзья стали укладываться на ночь.

— Я дежурю первым, — сказал Конан, — затем, Култар, последней — Итилия.

Ночь, как ни странно, прошла спокойно. Правда, каждый дежурный слышал некие звуки, доносящиеся из водоема, но никто оттуда не вылез, не подкрадывался к спящим, и, скорее всего, звуки эти порождены были естественными причинами.

— Нужно промерить глубину, — сказал Конан, разматывая веревку и ища глазами, что бы привязать в качестве груза. Култар протянул свой кривой, тяжелый нож. Убедившись, что камни поблизости не валяются, Конан привязал нож и, свесившись над парапетом, стал опускать веревку в воду. Култар и Итилия молча наблюдали. Веревка полностью ушла под воду, не достала дна. Привязали вторую, но и она оставалась натянутой. Третьей веревки не было.

— Похоже, что дна у этого водоема нет, — сказал Конан, сматывая мокрые веревки.

— Разве так бывает? — Култар с ужасом смотрел в глубину, намереваясь заметить, когда покажется его нож.

— В Киммерии некоторые пропасти тоже не имели дна, — ответил Конан, — внизу клубились туманы и сколько ни бросай камни, звука падения не услышишь.

— Так, может, звук просто глух в тумане?

— А в других расщелинах туман не мешал услышать грохот разбившегося камня, — назидательно сказал Конан, отвязывая нож и подавая его Култару.

— Ладно, давайте напоим, как следует, животных, наполним бурдюки, и будем пытаться открыть двери, — нетерпеливо перебила Итилия, — мне придется опять влезть тебе на плечи, Конан.

Через некоторое время створки распахнулись. На сей раз, потайным рычагом служил верхний лепесток одного из цветков, затерявшегося среди прочих цветов и деревьев, изображенных на дверях. В лучах утреннего солнца караван двинулся дальше, туда, где в синей дымке возвышалась гора-цитадель. Однообразие огромных башен угнетало так же, как и ряды вчерашних серых зданий, как привычный уже цокот копыт по плитам. Все понимали, что ехать придется несколько дней, что неизвестно найдут они вожделенную Итилией библиотеку или нет, а вот, опасности, грозящие смертью — найдут обязательно.

Ехали молча. Каждый вспоминал что-то свое, о своем думал. Култар вскинулся было однажды пошутить, но не нашла шутка поддержки и одобрения, заглохла, увязла в серой унылости башен, нависающих над караваном. Умолк и Култар. Опустив голову, ехал, вспоминая свое детство.

Родился, он где-то на юго-востоке, считай, на самом краю мира. И много было у него братьев и сестер. Да только не помнил он их толком, были

они, вроде, такие же чернявые со слегка раскосыми глазами. Такими же, как у его отца. Еще у отца была небольшая, кучерявая бородка и хорошая, кривая сабля. Точил он ее, считай, что каждый день, блеск наводил, полировал. Но только не помогла ему сабля эта, острия — налетели кочевники, изрубили отца на куски, мать в сарай утащили и еще долго раздавались оттуда ее крики, а всех детей, в том числе и его, Култара, связали и к седлам прикрутили. Потом подожгли дом и все постройки, забрали скотину и помчались степным вихрем на следующее село. Детей продали в рабство и Култар, разлученный с братьями и сестрами, несколько долгих лет провел на полях, под присмотром свирепого садиста-надсмотрщика. Спина у парня никогда не заживала, потому, что ежедневно стегал его садист кнутом, сплетенным из вяленых оленевых кишок.

Как только улучил Култар момент — напился тогда и заснул надсмотрщик — сбежал он в леса, что чернели на севере от плантаций. Многие в тот день сбежали. Култар уже после, через несколько лет узнал, что садиста-надсмотрщика хозяин велел бить тем же кнутом до самой смерти. Все рабы по очереди били, выменивали застарелую злобу, и издох, как шелудивая собака, злой надсмотрщик — забили его насмерть.

Долго потом скитался молодой Култар. Бывал в разных странах, занимался к разным хозяевам, пока однажды не взял его в ученики старый воин-охранник у местного шаха. Научил обращению с оружием, фехтованию на мечах и саблях,

стрельбе из лука. И еще много премудростей освоил Култар, в том числе и рукопашный бой, где вместо оружия использовались руки и ноги, колени и локти.

Долго служил он у шаха, даже и после того, как его учитель, постарев и одряхлев, оставил службу, а вскоре и вовсе отправился на небеса или, как толкуют некоторые, на серые равнины. Накопив достаточно денег, отправился Култар-войн путешествовать. Хотел по свету походить, место хорошее подыскать, еще деньжат подзаработать, а уж потом обзавестись семьей и жить в свое удовольствие. Но напали однажды разбойники, чуть насмерть не зарубили, все деньги отняли, голого для смеха отпустили и вслед гоготали, хлопая себя по ляжкам и давясь от смеха. И снова пришлось Култару деньги зарабатывать и копить. Нанялся он на службу в городе Шадизаре, охранять княжну. Вначале капитан Бруккис не хотел принимать неизвестно кого — без лошади, без оружия, но Култар вызвал его на бой. Капитан — с мечом, а он, Култар — и без меча, и без кольчуги. Вначале капитан, не был, конечно, по-настоящему, но потом, когда выбил Култар у него из рук меч, бросился месить новобранца огромными кулачищами — уже всерьез. Только ни один удар не достиг тела юноши — уворачивался Култар, уклонялся, отпрыгивал, уходил вбок. Рычал от злости капитан, и хохотали стоящие вокруг воины. А потом, когда надоело юноше это представление, изогнулся он и ударили Бруккиса каблуком в подбородок. Рухнул ка-

питан, как подкошенный, унесли его, а Култару посоветовали уйти и заявиться только через пару дней, когда остынет капитан, когда пройдет гнев его бурный. И когда пришел новобранец, Бруккис встретил его смехом, руку от души пожал и в отряд принял. А через какое-то время пришел в отряд великан-киммериец. И начались события вовсе невиданные... И опять не удалось Култару деньжат подкопить. Теперь, вот, обещала красавица Итилия серебром нагрузить, если в живых останемся...

Задумался Култар, задремал даже, вспоминая свою жизнь, и не заметил, что конь волнуется, что даже верблюды упираются и не хотят дальше идти. Конан и Итилия тоже коней еле сдерживали. Впереди, медленно, как оживший дом, двигалась на них чудовище.

Чем-то похож был ящер на черепаху, только величиной с двух слонов, с огромными рогами, направленными, и вперед, и назад, с ноздрями с бочку величиной и ногами-тумбами. Панцирь, наподобие черепашьего, покрывал большую часть тела, а несоразмерно маленькие, дремучие глазки, сонно смотрели перед собой.

— Не бойтесь, — крикнул Конан, управляясь с конем, — он, похоже мяса не ест: на лапах нет когтей!

— Главное, не попадаться ему на дороге, — добавила Итилия, отъезжая в сторону.

Култар торопливо увел с дороги верблюдов. Громадная рептилия медленно проползала мимо, даже не поворачивая головы. Каждый шаг ее от-

зывался эхом, возникающим где-то за башнями, и сотрясал землю так, что она дрожала.

— Ну, хорошо, — сказал Култар, — мясом он не питается. А чем? Что он ест среди каменных домов и башен? Что-то я тут ни травы, ни деревьев не видел!

— Может, еще и увидишь, — Конан смотрел вслед медленно шагающему чудовищу, — а, может, он, вообще, не отсюда и попал случайно, как и мы.

— Все-таки какая-то жизнь тут есть, — задумчиво сказала Итилия, — не только призраки, насылающие оцепенение...

Ящер протопал по мостовой и скрылся, свернув за одну из башен.

— Сколько мяса уходит, — Култар потянул носом, будто вдыхал аромат жареного над углами, истекающего соком хорошего куска мяса.

Путешественники продолжили путь. Скоро предстояла опять ночевка, а центральная башня-гора даже не приблизилась. Все так же она синела вдали, грозная, недосягаемая.

— Если мы, в конце концов, и доедем до нее, — Конан ткнул пальцем в пространство, — представляешь, сколько времени потребуется, чтобы отыскать библиотеку! Если она, вообще, там есть...

— Ты предлагаешь вернуться назад?! — восхлинула Итилия. — Это невозможно... Смотри, Оглянись!

Конан нехотя оглянулся, ожидая увидеть ряды серых башен, но позади... ничего не было.

— Кром! Что это за шутки?

На расстоянии полета стрелы реальность крошилась, будто рассыпались песчаные замки. Воздух дрожал, маревом устремляясь вверх, к синему, безоблачному небу. Закричал Култар. В его раскосых глазах метался ужас.

Итилия звонко рассмеялась. Конан, догадываясь, в чем тут дело, нахмурился. Култар недоверчиво смотрел, то на хозяйку, то на исчезающий город.

— Вот видите, — опять засмеялась Итилия, — я уже кое-что могу! Я давно интересуюсь колдовством и научилась создавать иллюзии. Правда, они получаются не долговечными, и приходится очень долго сосредотачиваться.

Култар шумно выдохнул. Затем, скав зубы, что-то сказал на непонятном языке. Итилия догадалась, что, вряд ли он ее похвалил. Конан был мрачнее тучи.

— Я не люблю, ни колдовство, ни колдунов! — он опять оглянулся — ряды серых башен выселились, как ни в чем не бывало.

7

Друзья стояли перед башней-городом, подавленные ее величием и собственным ничтожеством. Само существование этого колоссаказалось невероятным. Ну, ладно боги создали горы — огромные, увенчанные сверкающими на солнце снегами и ледниками, но это — боги! Они всемогущи, они создали все — горы, и моря, и землю вокруг.

Но тут... Ведь эта «гора» не создана — построена! Хотя... построили-то ее, как известно, не люди — джины, демоны построили. Для них тоже нет ничего невозможного.

Так думал Конан, разглядывая, запрокинув голову, гигантское сооружение, уходящее вершиной в недоступную высь. Что там внутри? Какие твари, какие чудовища прячутся? За время путешествия к башне-горе, они встречали еще несколько ящеров-черепах. Попадались и другие — поменьше, но зато и более шустрые. От одного даже пришлось спасаться бегством. Ночевали, как всегда, в башнях. Темная вода пузырилась, грозилась выпустить неких таинственных созданий — может быть, духов подземных вод — но, так никого и не выпустив, затихала под утро вместе с караульными, впадавшими в необоримую дрему. Несколько раз, в сумерках, встречали друзья серые тени, сходные с той, что напустила на них окоченение. Не имея еще силы — пока не спустилась на город душная, вязкая тьма — тени не пытались причинить людям вред, а поскорее растворялись в воздухе, оставляя после себя стылый, удущливый смрад. Но кто знает, что было бы с людьми, заночуй они, как в первую ночь, на улице. Может, и не доехали бы до этой рукотворной горы...

Конан смотрел и смотрел на бесчисленные ряды окон, многократно опоясывающие огромное тело башни и думал: кто же смотрит на них, из этих окон? Кто скрежещет зубами от злости, или радуется предстоящей добыче, потирая костяные

ладони. То, что Город Колонн обитаем, уже не было сомнений. Вот только обитали теперь тут не гиганты-нефилимы — гордые, надменные и мудрые — а всякая нечисть, заселившая, мало-помалу, опустошенный город. Природа пустоты не терпит. Любая образовавшаяся ниша сразу кем-то заселяется. Даже пустыня — уж, на что гиблое место — и то имеет своих жителей, чувствующих себя в горячих песках очень даже вольготно. Разные змеи, ящерицы, пауки — большие и малые — не говоря уж о песчаных мумиях...

И ясно было, что вся жизнь, которая есть в Городе Колонн, прячется в этой рукотворной горе, в этом огромном муравейнике, в этом лабиринте невероятных, невиданных размеров...

Итилия так же молча смотрела на гору. Где же искать тут библиотеку? Да и есть ли она — вместилище сокровенных знаний, дарующих мудрость и могущество? А если и есть, как найти ее — проверять каждую комнату, каждый зал, каждый этаж? Жизни не хватит... Да еще и эти... Итилия, благодаря успехам в изучении колдовства, стала лучше других чувствовать невидимое, предвидеть опасность. Она не говорила Конану, что у башни их окружил целый рой невидимых существ, злобных, ожидающих только момента, чтобы застать врасплох, напасть, выпить кровь, разорвать плоть, насытиться, завладеть душой, и вечно мучить ее, не выпуская из кривых, кровавых когтей.

А Култар сидел в седле, не поднимая головы. Не смотрел на ужасную обитель нечиستи, насе-

ляющей Ирем, не хотел смотреть. Страшно было ему — бывалому воину, прошедшему через множество испытаний, видевшему много смертей и горя.

Множество широко распахнутых дверей приглашали непрошенных гостей войти в здание. Войти, затеряться среди бесчисленных этажей, коридоров и переходов и стать легкой добычей для тех, кто населяет гору-муравейник.

Время было обеденное и друзья решили отдохнуть и подкрепиться перед тем, как пробираться внутрь. Расселись прямо на дороге, распаковали сумки, разложили сухие лепешки и фляги с водой. Трудно глотались, царапали горло сухостойные куски лепешек, смачивай-несмачивай водой — не помогало.

Конан мрачно поглядывал на украшенные затейливой резьбой распахнутые двери. Первобытным чутьем варвара угадывал ловушку. Знал, что туда придется там, в глубинах города-горы. Но Итилия, раскрасневшись, с горящими глазами торопила мужчин-едоков, не терпелось ей окунуться в гибельный омут центральной башни Города Колонн. Пусть опасности, пусть смерть за каждым углом — уж как-нибудь, боги помогут, да и сами, авось, отбоятся. Отбились же тогда, в первую ночь от гибельной тени, помогут боги и сейчас. А те... невидимые, что, принюювшись, ждут... может, и не нападут, побоятся...

— Придется весь караван внутрь заводить, — Конан дожевывал последний кусок, — разлучаться нельзя: потеряемся, сгинем поодиночке.

— Ясно, нельзя, — голос Култара чуть дрогнул, — только, как мы... где мы там... искать будем?

— Я думаю, — Итилия торопливо прикручивала седельные сумки, — что библиотека должна быть в самом центре.

Конан кивнул. Да, скорее всего, где-то в середине, в самой защищенной части огромного здания. Ведь в библиотеках хранилось самое ценнейшее, что было у шаха Шаддата — знания. Сокровенные знания — о мире, о колдовстве, о богах и демонах, бесплотных духах и смрадных чудовищах. О том, как повелевать духами и демонами, как использовать в своих целях мертвцевов и чудовищ.

— Поди-ка, найти там центр... — проворчал Култар.

Конан первый вступил под своды конусообразной горы-башни. Следом, ведя в поводу коня и связанных веревкой верблюдов, двигался Култар. Последней, непрерывно оглядываясь, шла Итилия. Странные и страшные звуки слышались ей, словно гнусно хихикали над ее глупостью незримые преследователи, рычали, чавкали в предвкушении добычи. И видела она, как скользнули бесплотные тени вслед за караваном внутрь, как закружился вокруг них радостный хоровод мертвцевов, поблескивая белыми костями, злорадно взирая пустыми глазницами.

Адракс, караванщик, которого она послала на смерть — он тоже тут, поняла женщина, глядываясь в невидимые другим тени. Он был среди

песчаных мумий, хотел отомстить, затащить ее в песок, задушить, умертвить, превратить в такую же, как и он, как они все, желтую мумию. И вот, он здесь. Аикует. Уж теперь, она не убежит, не спрячется в песчаном вихре, не ускакет на лихом, белоснежном скакуне!

Двери с тихим, но отчетливым щелчком закрылись. Все. Ловушка захлопнулась! Скоро, скоро протянутся к ним высохшие руки с отросшими когтями... Итилия закричала. Конан быстро подошел к ней, твердо глянул ясными, синими глазами, словно омыл помертвевшую от страха душу чистой, прозрачной водой, несущей в себе свет неба и горных вершин.

— Они... — глаза женщины наполнились слезами, — они все тут... Они всегда шли за нами... Я не говорила...

— Я знаю, — спокойно сказал Конан, — догадался. Ты же все время оглядывалась. Это песчаные мумии? Ты их видишь?

— Иногда вижу, — прошептала Итилия, — они вошли вместе с нами.

— Эй, о чём это вы толкуете?! — воскликнул Култар. — Какие мумии? Почему ты раньше?..

— Приготовь меч и поменьше спрашивай, — прошёл Конан.

Караван стоял в большом зале, совершенно пустом. Стены были так далеко, что многочисленные арки, ведущие, очевидно, в другие помещения, казались не больше мышиных норок. Потолок был выполнен в виде нескольких куполов, поддерживаемых рядами колонн.

— И тут колонны! — Култар настороженно озирался, сжимая рукоять меча.

Что-то приближалось. Воздух, казалось, загустел и заплесневел. Сладковато тянуло мертвениной, разрушенным склепом. Конан обнажил меч и прислушался.

— Будто кто-то смеется... Далеко... И песок шуршит...

Итилия торопливо закивала. Да, да она чувствует, слышит, видит... Она виновата. Это она, в ослеплении привела друзей в ловушку, обрекла на гибель... Это ее жадность... Стремление к власти...

— Они должны будут принять зримый облик, облечься в плоть, — торопливо сказал Конан, — иначе, им нас не достать! А плоть, пусть даже и мертвую, засохшую, можно рубить! Не бойтесь! Готовьтесь к бою!

Вокруг зашелестело. Поднялся вихрь. В нос удариł удущливый смрад давно мертвых, изъеденных червями тел. Верблюды и лошади отбежали к закрытым дверям, сбились в кучу. Люди стояли спина к спине, выставив три клинка, ежесекундно ожидая нападения. Из вихря стали показываться желтые, мертвые лица. Иссохшие тела, истлевшая одежда. У некоторых мертвцов в костяных руках белели сабли. Напротив Итилии появился сам Адракс, караванщик. Остановившийся взгляд тусклых глаз цепенил, лишал воли, заставлял руки опускаться, а ноги слабеть, дрожать. Конан успевал охватить взглядом всех мертвцов, даже тех, кто стоял за спиной. Заме-

тил он и Адракса, приготовившегося напасть на Итилию.

— Он здесь главный! Достань его в первую очередь!

Женщина сделала молниеносный выпад. Не смотря на испуг, на дрожь в руках и коленях, она не растеряла воинского искусства. Свистнула сабля и с глухим стуком ударила по твердому, засохшему, одеревеневшему телу. Желтая пыль фонтаном взметнулась в воздух, распространяя удашливый запах гнилой и засохшей в процессе гниения плоти.

Голова с тусклыми глазами, кружась, отлетела в сторону. Мертвецы завыли. Перед Конаном и Култаром замелькали длинные руки с кривыми когтями. Три клинка пришли в движение — огромный меч Конана, поменьше и полегче — Култара, и быстрая, как жало змеи, сабля Итилии.

За завесой желтой пыли падали мумии, вскакивали, вновь бросались на ненавистных людей, теряли руки и ноги, по-волчьи выли и на кульышках опять кидались в атаку. Головы многих уже валялись на полу, злобно щелкая желтыми зубами. Отрубленные руки скребли когтями по камню, бились в судорогах, словно раненые змеи, пытаясь любой ценой, даже погибая, добраться до противника. Но сталь рубила, крошила, разносилась в клочья высохшие тела, и скоро вокруг троих живых высилась груда искореженных, искромсанных мертвых. Судорожные движения постепенно замедлялись, мерзкая потусторонняя

сила покидала мертвецов и их отрубленные члены, уходила, рассеивалась в воздухе. Пахло гнилью, растревоженной падалью. Желтая пыль забивала нос, покрывала толстым слоем потные лица, оседала на полу.

— Отойдем в сторону, — крикнул Конан, — Култар, забери животных.

На зубах скрипело. Дышать было невозможно. Конан и Култар непрерывно чихали и кашляли. Итилию рвало. Наконец, отойдя подальше от места схватки, друзья стали постепенно приходить в себя. Почистились, умылись. Прокашлялись, прополоскали горло.

— Никто не ранен? — спросил Конан, осматривая Итилию и Култара. — Если есть царапины, нужно промыть не жалея воды, лучше даже прижечь огнем!

По счастью, ни ран, ни царапин не было. Мертвецам противостояли три опытных воина, умеющих разить, оставаясь вне досягаемости противника.

— Ну, что же, — Конан тщательно обмыл меч, затем вытер о горб невозмутимого верблюда и только потом вложил в ножны, — двинемся дальше! Поищем вначале на первом ярусе, вдруг сразу повезет...

Култар с сомнением покачал головой, а Итилия пристально посмотрела на друга — не насмеяется ли он, но Конан и не думал смеяться. Синие глаза смотрели спокойно и отрешенно.

Следующий зал, куда пришли путешественники, ведя за собой коней и верблюдов, был в точ-

ности таким же, как и первый. Громадный, со сводчатыми потолками и рядами колонн. Пустой. Со стен все так же смотрели ряды узких окон, прорубленных под самыми сводами. Выложенный из огромных плит пол. Далекие арки проходов в следующие залы... Ни коридоров, ни небольших, по меркам тех, кто когда-то населял этот необъятный дом, комнат...

— Похоже, весь первый этаж состоит из одинаковых залов, — сказала Итилия, нервно озираясь по сторонам.

— Тут все такое, — добавил Култар, — и квадратные дома, и башни, и, теперь вот, эта гора... Все одинаковое... Как они тут жили? Неужели не надоедало?

— Что мы о них знаем? — Конан остановился. — Только то, что они были гиганты. Наверное, им нравилось однообразие. Может, они считали его высшей справедливостью?

— Всем поровну? — усмехнулся Култар. — Никому не обидно. Нет неравенства, нет зависти, злобы...

— Зависть и злоба будут всегда! Всем поровну, а кто-то работал больше других. Ему будет обидно. Обида породит, и злобу, и зависть...

— Вы слышите? — перебила Итилия. — Слышиште шепот? Будто кто-то зовет... тихо-тихо... так, чтобы посторонние не слышали?..

— Ничего не слышу, — Култар посмотрел с недоумением, — ты опять что-то... Опять мумии?

— Нет, это другое...

Конан вздохнул:

— Давайте-ка, отдохнем и закусим... Сколько там у нас осталось лепешек?

Он сел, скрестив ноги и устремив взгляд куда-то за колонны, за стены. Култар распаковал сумки и пересчитал лепешки. Выходило по двадцать штук на каждого. Потом придется резать верблюдов... Итилия от еды отказалась. Стояла, беспокойно оглядываясь, иногда что-то шепча пересохшими губами.

— Мы идем вдоль наружной стены. Окна и двери у каждого зала... — Конан рассуждал вслух, — стоит ли пройти через центр к другой стене? Может, там, в центре, и находится хранилище? Или, хотя бы водоем? Нам скоро понадобится вода.

После обеда пошли от наружной стены вглубь здания. На сей раз, сели на лошадей — хватит бить ноги — и неспешно двинулись вперед. Конан ехал во главе каравана, внешне спокойный, даже флегматичный, но готовый к любым неожиданностям и когда Итилия внезапно вскрикнула, вмиг очутился рядом с обнаженным мечом в руке.

— Мне показалось... показалось... — женщина дрожала, как в лихорадке, — что кто-то... хочет напасть... тянет лапы...

— Похоже, что пора возвращаться, — Култар прятал меч, оказавшийся в руке, помимо воли хозяина, — но серебро ты нам все равно... — он умолк, поймав грозный взгляд киммерийца.

— Я думаю, он прав, — мягко сказал Конан, — долго этого напряжения ты не выдержишь.

— Я чувствую, что она, библиотека, тут, в здании... но они... они окружают, хотят напасть...

Конан еще раз осмотрелся — пустота... Давящая, гнетущая пустота. Гулкое эхо огромных залов, бесконечные ряды колонн. Люди казались такими маленькими, такими ничтожными и беспомощными в этом жилище давно сгинувших великанов...

— Они нас не выпустят, — плакала Итилия, — как только они увидят, что мы повернули назад — нападут!

— Да кто — «они»!? — крикнул Култар. — Кто там на сей раз?

— Я не знаю... но они все тут... они нас уничтожат...

Конан и сам постоянно чувствовал чье-то присутствие. Будто невидимые соглядатаи шли рядом. Может, это духи здания-горы? Ведь у каждой горы есть свои хозяева — духи. И неважно, что эта гора рукотворная... Или это не нашедшие успокоения души великанов, некогда живших здесь и уничтоженных богами за гордость и высокомерие?

Так или иначе, но кто-то действительно все время был рядом, и Итилия, обучавшаяся колдовству, чувствовала это сильнее других.

Конан прислушался. Тишина — угнетающая, звенящая тишина... Но она всегда царствовала в Иреме. Только щокот копыт нарушал ее, да говор пришедших под эти своды людей... Но теперь она — тишина — стала напряженной, натянулась, как веревка перед тем, как лопнуть... Скоро

она взорвется воем, стоном, криками — чем-то еще, но взорвется обязательно, не может она длиться вечно...

Конан неосознанно сжал рукоять меча, и этот жест не ускользнул от внимания Култара. Его раскосые глаза беспокойно метались, отыскивая самое слабое, самое потаенное движение врагов... и не находили ничего. И от этого еще тревожней, еще тягостнее становилось на душе. Опытный воин, он готов был сражаться, убивать, получать раны, самому ранить врагов, но как вынести, длящееся вечность, напряженное ожидание нападения? Его душа привыкла к видимым врагам. Вот они идут — пусть целые полчища, но их видно, они нападают, рубят, убивают... И на них можно и нужно напасть, дать выход злости, ненависти, разорвать, наконец, гнетущее ожидание атаки...

Но как быть, если это ожидание длится и длится?.. Тянется бесконечно? И не кого проткнуть мечом, сбить с ног, убить... Как долго сможет человек вытерпеть ожидание битвы с неизвестным, невидимым врагом?

Култар сглотнул комок, в очередной раз появившийся в горле, и хрипло сказал:

— Так что будем делать? Возвращаемся?

— Я же сказала, — выдохнула Итилия, — мы не можем...

— Но мы можем попытаться! Пусть они нападут! Это лучше, чем...

— Пока пойдем вперед, — спокойно сказал Конан, — пройдем через средину, посмотрим... —

он умолк: из-за колонны выглянуло и скрылось чье-то лицо. Или показалось, померещилось?

— Стойте здесь, — он тронул коня, решив обхехать колонну с другой стороны. Если за ней кто-то прячется....

За колонной никого не было. Вернувшись, кратко пояснил: «Показалось». Затем, нахмурившись, долго молчал, вспоминая, что видел. Желтое, неживое лицо. Пожалуй, похоже на высохшее лицо песчаной мумии. И, все же, другое. Но в чем отличие — сказать невозможно. Так ничего и не решив, в дурном расположении духа, Конан повел караван в центр горы-башни.

Култар тоже был хмур и мрачен. Он давно понял, что живыми отсюда не выбраться и хотел теперь только одного — как можно больше порубить нечисти перед смертью, тогда, может, богам понравится его доблесть, и они примут его душу в свои сверкающие чертоги.

Итилия не могла унять дрожь в руках. Ей слышался шепот, переходящий в смех, чьи-то шаги, вздохи и стоны. Прошли несколько залов. Теперь свет проникал только через арки дверных проемов, и для путешественников наступили сумерки. Чем ближе к центру башни-горы продвигался караван, тем темнее становилось вокруг. Скоро колонны потонули в густившейся тьме, и с трудом можно было разглядеть гриву собственной лошади.

— У нас нет факелов и сделать их не из чего, — Конан остановил караван, — похоже, придется повернуть назад.

— У меня есть... — Итилия торопливо перебирала вещи в седельной сумке, — у меня есть камень... Купила у одного старика... Он клялся, что в полной темноте, камень начинает светиться... Вот... — она извлекла полуупрозрачный камень, величиной с куриное яйцо. Камень не светился.

— Сейчас еще светло... В полной темноте...

— Ты, что — его ни разу не проверяла? — удивился Култар.

— Нет... я забыла про него.

— Поедем дальше, — решил Конан, — в темноту.

По мере сгущения сумерек, камень понемногу начинал испускать свет — очень слабый.

— При его свете мы все равно ничего не сможем разглядеть, — ворчал Култар, оглядываясь на верблюдов.

В следующем зале была уже кромешная тьма. Вероятно, на улице уже наступила ночь. Камень давал достаточно света, чтобы разглядеть собеседника, но не более того. Поужинали все теми же лепешками, рассевшись вокруг камня-светлячка.

— Мне кажется, они опять нас окружают, — прошептала Итилия, кутаясь в плащ, — они вокруг и очень злы...

— А кто тут есть добрый? — усмехнулся Конан. — Вот, разве что эти гигантские черепахи? Они просто шли по своим делам...

Теперь уже и Конан с Култаром, а не только Итилия — слышали шелест вокруг. Словно десятки губ, не приспособленных произносить слова, силились что-то сказать, кривились, брызга-

лись слюной, шипели от злости. Но ничего нельзя было разглядеть в темноте.

— Что будем делать? — нервно спросил южанин, пробуя большим пальцем острие меча.

— То же, что и раньше, — невозмутимо ответил Конан, — рубить, как только они проявятся и нападут.

Култар с восхищением, смешанным с ужасом, посмотрел на киммерийца. Неужели ему не страшно? Неужели не стынет кровь в жилах? Не потеют ладони? Не дрожат противной, мелкой дрожью, колени? Не хочется вскочить и с диким криком рубить, крошить не важно что — лишь бы дать выход накопившемуся напряжению, которое рвется наружу, которое уже невозможно сдержать — все равно оно вот-вот прорвёт броню воли и выльется, выплеснется, как река, разрушившая запруду?

Но Конану тоже было страшно. Сидя у камня-светлячка, окруженный первозданной тьмой, он чувствовал поднимающийся из глубины души ужас. Дикий, первобытный ужас варвара перед сверхъестественным. Но он закалил волю, занимаясь ремеслом вора, а, позже, воина-наемника, бойца, умеющего спокойно и расчетливо убивать, оставаясь при этом живым и, чаще всего, невредимым. Кроме того, природа наградила его не только физической, но и психической силой — здоровой, необоримой, способной вынести непосильное для других напряжение.

Ночь прошла незаметно. Призраки не проявились и не напали. В зале чуть посветлело, и ка-

мень заметно потускнел. Усталые люди жевали осточертевшие лепешки, запивая теплой, начинаяющей портиться водой.

— Они ушли, — Итилия устало поднялась, потрепала по загривку заметно похудевшего жеребца, — но к ночи опять вернуться... Нужно возвращаться...

— Давно бы так, — оживился Култар, — все равно мы при свете этого камня ничего не найдем! Только головы зря сложим!

— Возвращаемся, — Конан легко поднялся и, усмехнувшись, добавил, — пока живы.

8

Скакали во весь опор. Гром подков наполнял залы и отзывался далеким эхом, постепенно замирающим, теряющимся позади. Скоро достигли наружной стены. Знакомые ряды окон под сводами радовали глаз, а лучи восходящего солнца, освещавшие купола и колонны, вселяли уверенность в том, что удастся выбраться из Ирема живыми.

Невдалеке от выхода, Конан остановился.

— Ждите меня здесь до следующего утра. Если не вернусь — выбирайтесь сами.

Он повернул коня и поскакал вдоль наружной стены.

— Куда ты? — Итилия рванулась, было следом, но Култар успел подхватить под уздцы ее белоснежного жеребца.

— Будем ждать, как он сказал... Пока покор-

мим животных. Фуражного зерна осталось на несколько дней... Да и то — впроголодь...

— Да мы и сами не очень жирем, — пробормотала женщина устало.

Потом, спохватившись, крикнула:

— Но куда он направился? И почему один?

Култар помолчал, отмеривая зерно лошадям и верблюдам, затем, осторожно сказал:

— Он о чем-то догадался. Хочет проверить. Нам остается только ждать...

* * *

Конан проехал уже несколько залов, но лестницы, ведущей наверх, не было. Но где-то она должна быть, рассуждал киммериец, и, скорее всего, у наружной стены. Библиотека, если она, вообще, существует, может находиться, или в центре пирамиды, или где-то в подземелье, или на самом верху. В месте, которое что-то значит само по себе. Обойти все залы горы-башни невозможно. Остается попытаться проверить значимые места. Например, самый верхний зал.

Лестница нашлась через несколько часов пути. Очень широкая, со ступенями, напоминающими горные уступы. Казалось, она уходила к самому небу. Конан спешился, распаковал сумку и отдал коню все зерно, что еще оставалось.

— Ешь, — он ласково потрепал взмокшую от пота гриву, — нам предстоит очень трудный путь.

* * *

К вечеру Итилия извелась. Несколько раз закричала на невозмутимого Култара. Едва не вылила воду из последнего бурдюка.

— Да, она немного испортилась, — уговаривал женщину южанин, — но кто знает, когда мы наберем новую... Лучше подождать — выпить всегда успеем.

То, что с ней разговаривали, как с ребенком, настолько разозлило Итилия, что она набросилась на Култара с кулаками. Южанин спокойно отбивал удары, не причиняя хозяйке вреда и от того, что ни один удар не достигал цели, она злилась еще больше.

В конце концов, женщина прекратила атаки, и устало опустилась на землю.

— Он не придет... — шептала она, — он там погибнет, а мы погибнем тут без него...

— Он, по-моему, просто не может погибнуть — возражал Култар, — его могут ранить, оглушить, опрокинуть, но он встанет, отряхнется, перевяжет раны и снова кинется в бой!

Однако время шло, а Конан не возвращался. Настала ночь. Опять шелестящие тени обступили согнувшихся над камнем-светлячком людей. Шептали, шипели, хихикали... Даже невозмутимые верблюды стали проявлять беспокойство. Лошади же с самого вечера испуганно ржали и били копытами.

Конан появился только под утро. Вышел из темноты, ведя в поводу шатающегося коня. Сел

рядом с Итилией и долго молча смотрел на камень, свечение которого постепенно угасало.

— Разгрузи одного из верблюдов, — кивнул он Култару, — конь слишком измучен, а ехать нужно немедля.

Он снова замолчал, вспоминая бешеную скачку вниз по лестнице впереди катившейся за ним лавины щупальца, когтей и кожистых крыльев.

— Где ты был? — рискнула спросить Итилия.

— Наверху... Я думал, что библиотека может быть именно там...

— Ее там не было?

— Нет... — Конан вспомнил бесконечные ряды отшлифованных камней, величиной с хорошего барана, или небольшого теленка. Прикасаясь к каждому камню, он слышал в голове чужой голос, спокойно и равномерно рассказывающий удивительные вещи.

Самое странное было в том, что Конан понимал язык рассказчика, точнее, даже не понимал язык, а сразу же схватывал смысл сказанного, не смотря на то, что слова были до боли чужие — грубые и певучие, отрывистые и, в то же время, текучие, как вода с гор.

А потом появились Они. Обладатели когтей, крыльев и щупальца. Стражи сокровенных знаний, поставленные, как он успел узнать, древними богами, уничтожившими жителей Ирема. Сражаться с разъяренной массой чудовищ было невозможно. Оставалось одно — бегство. И тут пришлось положиться на силу и выносливость коня. Сумасшедшая, бешеная скачка-падение вниз

по лестнице! И вой, хрипение, шипение позади. И, несмотря на опасность, на очень малый шанс уцелеть, острая жалость оттого, что не удалось послушать голоса, внимать которым можно было годами! Слушать, узнавать, запоминать, причащаться великой, недоступной ныне мудрости древних!

— Нет, — покачал головой Конан, — библиотеки там не было... Были твари, от которых нужно спасаться — бежать, как можно быстрее! Култар, верблюд готов? Едем!

Они беспрепятственно выехали из башни и помчались во весь опор. Шелест голосов некоторое время катился следом, но вскоре наступила тишина — они выехали за пределы досягаемости невидимых стражей горы-башни. А те, кто был облечен в плоть, имел клыки, когти, щупальца и крылья, благодаря которым едва не догнали Конана, очевидно, вообще, не выходили за пределы центральной пирамиды.

Скоро путники остановились, чтобы дать отдых уставшим животным. Раздали последние остатки зерна и выпоили всю воду.

— Ночевать будем, как и раньше, в одной из башен, там и наберем воды, — Конан кивнул на ряды башен, еще недавно казавшихся огромными, а ныне — после посещения цитадели — маленькими и словно бы игрушечными.

— Мне кажется, — Итилия опустила голову, — что мыолжнны провели в Иреме... А тот мир — наш мир — где-то далеко... Что он, может быть, вообще, не существует...

Сели на коней — а Конан, все еще на верблюда — и тронулись дальше. К вечеру вошли в одну из башен.

— Коням придется поголодать, — печально сказал Култар, затем вздохнул и добавил, — верблюдам тоже.

Итилия отошла к водоему и, облокотившись о парапет, молча смотрела в глубину. Конан расстелил одеяло и лег, закинув руки за голову.

— Так ее там действительно не было — библиотеки? — Култар смерил глазами расстояние до парапета, где стояла Итилия. Услышать она не могла.

— Не было? — повторил он, хитро улыбнувшись.

Конан посмотрел на товарища долгим взглядом. Ничего не ответив, вздохнул и закрыл глаза.

* * *

Обратная дорога всегда короче — в этом Конан убеждался не раз. Скоро закончились ряды башен, начались серые кубические здания, закончились и они — пошла колоннада. Кто-то, может, ветер, разбросал камни, из которых Конан сложил стрелу, указывающую на проход. Но место было найдено и проход — клубящийся туман, переходящий в песчаный вихрь — пройден без всяких приключений. Скоро закончилась и великая пустыня, в центре которой боги, или демоны, оставили лазейку для того, чтобы знающий, или мудрый, или безумный человек мог проникнуть в Ирем — Город Колонн.

* * *

— Конан, если я дам тебе столько серебра, сколько ты сможешь унести, — смеясь, проговорила Итилия, — ты оставил меня без серебряных монет! Поэтому я дам тебе золота! Но столько, сколько сможет унести Култар, а не ты. Мне это выйдет дешевле!

Сидевшие за столом, уставленным обильными яствами, Конан и Култар равнодушно кивнули. Налили еще по кубку ароматного, нежного вина.

— С тех пор, как мы вернулись, — прошептал южанин, — я не могу выспаться! В Иреме и то лучше спал! — Он посмотрел на двух рабынь, стройных и изящных как пары молодых ланей.

— А ты думаешь, я сплю? — хмуро спросил Конан.

— Нам пора собираться, — Култар заговорчески подмигнул, — я куплю в Заморе замок... если хватит серебра.

— Если не хватит... — Конан зевнул так широко, что Култар успел увидеть все его зубы, белые и крепкие, способные разгрызть и кость, и лепешку из тех, что они ели в Иреме. — Если не хватит серебра, я добавлю золота!

Нашествие из-за Круга

а закате славного дня, наполненного благостными трудами и неизбежными заботами, степенный купец Курдебек беседовал со своим компаньоном — толстым Асланкарибом, трактирщиком. Они сидели на подушках в доме купца, неспешно пили легкое вино из запасов хозяина и разговаривали о погоде и женщинах. Причем трактирщик больше говорил именно о погоде, а купец чаще сворачивал на женщин. Никчемная беседа тянулась до тех пор, пока Асланкариб не заговорил о другом.

— Помниться ты, уважаемый Курдебек, нанимал охранником киммерийца Конана, заплатив второе против обычного...

Купец погладил бороду, пригубил вино и только после этого сказал:

— Да, меня попросила одна женщина... направить Конана в Ксутал.

— Любопытно... — пробормотал трактирщик.

Курдебек посмотрел с осуждением. Он не любил слишком любопытных. Асланкариб сделал вид, что ничего не заметил.

— Недавно этот гигант-киммериец вернулся... — продолжал он, как бы в раздумье, — потом куда-то опять пропал... С ним еще был какой-то южанин... прицепился, как репей.

Купец равнодушно пил вино и поглядывал в окно, где последние лучи закатного солнца окрашивали сад и фонтан пурпурными красками. «А где-то, может, бьют такие же фонтаны, только из крови», — некстати подумалось ему.

— Да... — сказал трактирщик, уловив взгляд компаньона и угадав его мысли, — будто кровь... Конан всегда... Не в крови, нет... Но там где он — там и кровь...

— А скажи, уважаемый Асланкариб, — ласково начал купец, — почему этот Конан так тебя интересует?

Трактирщик знал: если купец начинает говорить ласково, значит, дело плохо — он, или разозлился, или готовит какую-нибудь каверзу. В любом случае — плохо.

— Да нет... Просто Конан часто ко мне захаживает. Раньше его сопровождал гном по имени Хепат... Теперь, я его что-то не вижу...

— Гномы — легенда! Уж ты бы должен об этом знать! — вспыхнул купец.

«Хорошо, — подумал трактирщик, — пусть выскажет, пусть кричит, только бы не вкрадчивые, ласковые слова», а вслух сказал:

— Легенды часто говорят правду. Только давнишнюю. Может, гномы и жили когда-то...

— А с чего это ты решил, что он был гномом? — Курдебек с подозрением глянул в заплыши жиром хитрые глазки компаньона.

— Он сам так говорил. Что он-де, последний из какого-то там гномьего племени... Да и был он маленький, крепкий и с огромной бородой. Именно так легенды и описывают гномов.

— Да просто карлик, — успокаиваясь, сказал купец, — урод, каких много!

— Карлеки всегда именно уродливы, — возразил трактирщик, — то голова больше, чем надо, то руки короткие... А у этого все было, как у человека, только меньше. Вот борода...

— Да демоны с ним, с этим гномом! — Курдебек опять стал злиться. Манеры компаньона раздражали его невероятно. К чему он ведет? Хочет узнать что-то про Конана? Так и спросил бы напрямик! Нет, хитрая лиса, он любит выведывать все как бы ненароком, между делом. Засыпает словами, а сам принююхивается, ждет, ловит нужные сведения.

Купец допил вино и, досадуя на себя, налил еще. Он был ярый противник пьянства. Асланкариб ничего не замечал, или делал вид, что не замечал. С удовольствием пил вино, поглядывал вокруг, оценивая богатое убранство комнаты, бросал быстрые, пытливые взгляды на купца, наблюдал за его реакцией на те или иные слова.

Ишь, лиса, размышлял в свою очередь Курдебек, нет, даже не лиса — шакал! Хитрющий ша-

кал. Что он хочет узнать? Что-то о гномах? Или о Конане? Зачем?

— Конан приходил, — спокойно продолжал трактирщик, — заплатил золотом и куда-то исчез.

«Понятно, — высветило купца, — он просто хочет, чтобы Конан оставил это золото у него!»

— Он был один, или с кем-то еще? — спросил Курдебек и отчего-то развелся.

— С этим, — Асланкариб пожевал губами, — с южанином, товарищем своим...

— Понятно, — разочарованно протянул купец. Затем нахмурился, прислушиваясь к себе. Что он ожидал услышать? Что-то о женщине невероятной красоты? Купец завесился бровями. Да, именно об Итилии он и хотел услышать. И что ему далась эта... купчиха? По рассказам — красавица. Но ведь, врут! Точно врут! После долгого путешествия в страну Куш, после воздержания, тягот похода, любая женщина покажется красавицей! И все же... все же... Хотелось бы ее увидеть. Женщину с кожей, как шелк, волосами, как смоль, и глазами, как ночь со сверкающими звездами... Именно так ее описывали караванщики. Мерзкие развратники! Они только и думают о женщинах!

— Если он придет, Конан, — медленно сказал купец, — сообщи мне об этом... Хотелось бы с ним поговорить.

В глазах толстого Асланкариба зажглось такое любопытство, что купец злорадно улыбнулся. Вот, пусть теперь подумает, почешет жирный за-

гривок!.. Он притворно зевнул, и трактирщик зашибился домой.

— Всего тебе хорошего, мудрый Курдик, — сказал он, льстиво улыбаясь, — пусть только прекрасные сны посетят тебя сегодня ночью. Пусть приснятся тебе черноокие, черноволосые красавицы, которых еще не видывал свет... Пусть одарят они тебя самыми нежными ласками...

— Спасибо, спасибо, — отвечал потрясенный купец, — и тебе желаю того же!

Как это он узнал? О красавицах? О красавице Итилии... Угадал? Да, ведь я что-то говорил ему о компаньонке в стране Куш... Наверное, говорил... Он еще раз зевнул — на сей раз без притворства — подумал, какую наложницу выбрать сегодня на ночь, затем махнул рукой и в одиночестве отправился в спальню.

* * *

Конан привстал на стременах и взгляделся в струящиеся марево. В такую жару хорошо сидеть у фонтана или в прохладной таверне, отдыхать, пить хорошее вино. Вместо этого приходится тащиться по степи, высматривая старые, полузабытые ориентиры.

Култар придержал резвую гнедую кобылицу, купленную в тридорога у заезжего купца, и с надеждой посмотрел на товарища.

— Нет, — равнодушно сказал Конан, — кажется, мы слишком забрали на юг. Вернемся назад и возьмем севернее.

В темных, слегка раскосых глазах южанина отразилось разочарование. Но он промолчал, понимающе склонив голову.

— Расскажи мне еще про этот замок, — попросил он, заглядывая в лицо товарища, исеченное шрамами и потемневшее от загара.

Конан чуть придержал коня и поехал шагом. Култар пристроился рядом.

— Я не знаю, может, этот замок уже растащили по камешкам... — начал киммериец, затем, подумав, добавил:

— Хотя, вряд ли... Я слышал, про него рассказывают страшные истории, а крестьяне слишком пугливы, чтобы брать там камни. Так что, скорее всего, стоит он заброшенный и ждет хозяина.

— И хозяином буду я! — воскликнул южанин. Затем, опустив глаза, добавил, — если ты не против, конечно.

— Я не против, — засмеялся Конан.

— Ты говорил... его владелец погиб...

Конан понял, что придется рассказать всю историю.

— Его звали Кушух. На нем висело проклятие, и я помог его снять...

— А какое проклятие? — перебил Култар.

Конан поморщился.

— Он не мог давать сдачи, когда его бьют. А били его всегда — знали, что надо бить и что он не сможет защищаться. Такое было проклятие.

— За что? И кто его наложил? — допытывался Култар.

— Наложил какой-то маг. Он к тому времени

умер. А за что? — Конан нахмурился, вспоминая. — Кажется, он в деревне был всех, кого ни попадя. Сильным был. И коварным, как я потом понял.

— И ты снял проклятие?

— Нет, я помог найти волшебное зелье, — Конан надолго замолчал.

Они ехали молча по пыльной, выжженной солнцем степи, а позади, из-за горизонта, величественно вставали синие горы.

— Мы нашли это зелье в замке, который то исчезал, то появлялся, — продолжил Конан, — в подвалах замка... А, испив из чаши, Кушух меня предал и оставил погибать за закрытыми дверьми среди сундуков с сокровищами. Правда, один сундук был набит не камешками, а скелетами!

— Как же ты выбрался?

Конан смотрел, казалось, куда-то за горизонт. Синие глаза его подернулись поволокой воспоминаний.

— Двери открывались только снаружи. В конце концов, один человек их открыл... — киммериец нахмурился и продолжал, — не человек... зорг — искусственное создание... Хороший был воин. Для этого он и был создан — убивать.

— Но ты его одолел? — в глазах Култара смеялись суеверный ужас и восхищение.

— Иначе меня бы здесь не было... Он обращался с саблей, как виртуоз-музыкант с флейтой... Пробить его защиту было невозможно... Мне удалось отрубить ему ноги... Вероятно, просто повезло.

Култар покачал головой.

— Повезло? — он усмехнулся. — Тебе, Конан всегда везет... Нет, тут дело не в везенье. У тебя какое-то предназначение... И ты просто не можешь погибнуть!

— Еще как могу! Много раз чуть было не погиб!

— Вот именно «чуть».

Култар рассеянно почесал за ушами гнедую кобылу. Та с благодарностью замотала головой, встряхивая пышной гривой.

— Ну, вот, — продолжал Конан, — а потом я пробрался в замок...

— В какой замок? Тот, что мы ищем?

— Ну, да. Кушух построил его, пока я был... точнее, пока меня не было в этом мире. Он набрал сокровищ и успел построить замок за год.

— Ну а ты — набрал сокровищ?

— Где-то в этих краях у меня зарыт горшок с алмазами... Несколько раз хотел поискать...

— То есть, как? — не понял Култар. — У тебя зарыт клад, и ты до сих пор...

— Каждый раз мне что-то мешало. Я даже стал думать... — Конан замолчал и оглядел степь. Жаркое марево струилось вокруг, как бы отсекая их от действительности.

— Ну? — торопил южанин.

— Я стал думать, что это сокровище... Словом, что его невозможно найти. Оно как бы прячется. Ведь добыл-то я его в призрачном, исчезающем замке!

Култар обтер лицо и шею, выжал платок и

повесил его сушиться на седельную сумку. Жара донимала даже его — родившегося далеко на юге.

— Ну, ладно... Пробрался ты в замок...

— И разделался с предателем. Выпив зелье, он помолодел и снял заклятие. Мог защищаться. Схватил ятаган...

— Дальше ясно, — кивнул Култар.

— А замок стоит где-то в этих местах. Его нужно только привести в порядок.

— Ну, а... слухи... — протянул южанин.

— Крестьяне говорят, что Кушух до сих пор бродит по замку... мертвый и страшный... И на кого он посмотрит, тот долго не живет...

Конан махнул рукой.

— Долго не живет, но успевает рассказать, что мертвец на него посмотрел! — добавил он со смехом.

Култар подавленно молчал. Ехал, опустив голову.

— Да все это чепуха! — Конан протянул руку и хлопнул товарища по плечу, отчего тот чуть не слетел с лошади.

— Разве мало мы видели живых мертвецов? — тихо спросил южанин. — Все это может быть и не чепухой...

Конан еще раз привстал на стременах и осмотрелся.

— Ага, вот развилка, где мы выбрали южную дорогу. Теперь поедем севернее.

Он стиснул каблуками бока вороного коня, также купленного совсем недавно, ринулся в галlop и исчез в пыльном облаке. Култар поскакал

следом, жмурясь от пыли и фыркая, как жеребец, увидевший молодую кобылу. Скоро Конан пустил коня шагом и Култар вновь смог задавать вопросы.

— Так ты считаешь слухи про мертвого Кушуха чепухой?

— Послушай! — Конан посмотрел на товарища, как на неразумного ребенка. — Ты сам сказал: разве мало мы видели живых мертвецов? Отобъемся! Не в первый раз.

— Значит, ты веришь, что...

— Все может быть. Отобъемся.

— Хорошо бы... — Култар почему-то не испытывал особого воодушевления от возможной битвы с мертвецом.

— Тебе нужен замок? — Конан потерял терпение. — Нужен? Когда мы посчитали наши деньги, выяснилось, что замок со всеми полями, лугами, скотом и рабами на них купить невозможно! А тут тебе — готовый! Нужно только его заселить, купить рабов, стада... На это денег хватит.

— Да, конечно... — южанин поежился, словно ехал не по раскаленной степи, а среди снегов, — конечно... просто... честно сказать — страшно мне.

— Ничего, я помогу справиться с призраком Кушуха! Я не боялся его живого — не побоюсь и мертвого!

Замок подавлял мрачной неодушевлённостью. Бывают постройки, в которых чувствуется веселая, добрая душа строителя. Бывают наоборот — злые, пустые, даже если и заселены людьми. Да и люди в них становятся мрачными, подозрительными, угрюмыми. Конан бывал и в тех, и в других. Видел людей добрых и веселых, живущих в домах излучающих свет; видел и злых, мрачных, обитающих пусты даже и во дворцах, но таких же неприветливых, неуютных. Какой дом, таков и хозяин. И кто тут на кого накладывает печать — поди, разберись! Не то дом влияет на хозяина, не то — наоборот.

Так и замок Кушуха. Не было в нем души. А если и была, то черная, злая, подлая. Башни по углам цитадели чем-то напоминали скалящиеся черепа. Угрюмая стена, местами недостроенная, грозила рухнуть на голову, навеки погреши под собой человека — не ходи, не смотри на замок, не смейся, не улыбайся...

— Ну вот, — Конан показал куда-то правее бреши в стене, — там есть подземный ход, по которому я и проник в цитадель, чтобы наказать предателя.

Култар вздохнул. С некоторых пор он стал не-навидеть все подземные ходы.

— Так этот замок — сейчас ничей? — уточнил он, спешиваясь, и явно намереваясь устроить долгий привал.

Конан посмотрел, как товарищ распаковывает

седельные сумки, достает вино, хлеб и вяленое мясо, торопливо раскладывает все это на одеяле, и понял, что он на самом деле очень боится. Ну, что ж, придется действительно пердохнуть и подкрепиться. Конан спешился и сел к «столу».

— Скоро вечер, — Култар смотрел на замок, — наверное, лучше бы начать его осмотр с утра...

— Пожалуй, — промычал киммериец, пережевывая вяленую оленину, — хотя, можно сделать факелы и...

— Нет, нет, — Култар замахал руками, — лучше дождаться утра.

— Мы могли бы переночевать в замке, в покоях Кушуха, — улыбнулся Конан, — там, как я помню, была хорошая кровать. Не думаю, что ее утащили.

— К чему забираться в этот каменный мешок, когда можно спокойно переспать на свежем воздухе? — Култар угодливо подлил другу вина.

— Ну... как хочешь. Этот замок будет твой — можешь спать в нем, можешь — рядом.

— Пока лучше рядом.

День действительно клонился к вечеру. По-свежело. Синеющие на горизонте Карпашские горы подернулись вечерней дымкой. Култар расседлал и стреножил лошадей, отвел их в низину, где трава еще не выгорела. Конан прилег, забросив руки за голову. На западе небо оставалось светлым, на востоке синева сгустилась до такой степени, что стала уже не синевой, а чернотой. Появились редкие звезды. Конан вспоминал ве-

роломного Кушуха. Его обман. Почему он, Конан, так слепо доверился злодею? Позволил заманить себя в ловушку! Неужели не видел двуличности спутника? Видел. И, в общем, был начеку. Но, вот... Попался.

Он живо вспомнил сокровищницу, ставшей ловушкой, сундуки с драгоценными камнями и последний сундук — набитый скелетами тех, кто подобно глупой мыши, попался в мышеловку. Да, он, разумеется, отомстил предателю. Разрубил его на куски...

Интересно, Конан усмехнулся, если Кушух действительно бродит по замку — то, в каком виде? Собрал себя из кусков? Склейл? Сшил? Или бродит его бесплотный дух? Но тогда и боятся нечего — приведение может только пугать. Чтобы причинить физический вред, ему нужно облечься в плоть. А плоть можно рубить! Да, любопытно — в каком виде им встретится бывший товарищ?

Конан поймал себя на мысли, что уже не сомневается в том, что Кушух действительно бродит ночами по замку. А ведь, это пока только разговоры, слухи! А еще интересно — узнает его Кушух, если встретит? Узнает своего погубителя? Захочет отомстить? Или побоится, что его вновь разрубят на куски?

— Чему ты улыбаешься? — спросил севший рядом Култар.

— Думаю, про мертвого хозяина замка — в каком он виде... Я-то его разрубил на несколько кусков!

— Не надо об этом к ночи, — Култар откашлялся, — скажи лучше, где можно дешевле всего купить рабов?

— А ты сам был когда-нибудь рабом? — привстал Конан.

— Был... — ответил Култар так тихо, что понять его можно было только по губам.

— Значит, был? А теперь сам хочешь рабов купить?

— Что же делать? Такова жизнь. Ты — или раб, или рабовладелец!

— А вот, я — и не раб и не рабовладелец.

— В конце концов, станешь или тем, или другим. Такова жизнь и не нам ее менять...

— Не нам? А кому? — Конана вдруг заинтересовал разговор.

— Ну... богам, наверное...

— Богам до нас и дела нет! Они даруют нам жизнь и волю. А дальше мы — сами по себе!

— Это ты так думаешь... Другие думают совсем иначе.

— Что мне другие? Я знаю, что все именно так! Много раз проверял на себе!

Стемнело. Замок теперь выглядел просто огромным сгустком тьмы. Где-то невдалеке прокричала ночная птица.

— Ну, хорошо, — примирительно сказал Култар, — пусть боги нас бросили. Но все равно мы — ничего изменить не сможем!

— Почему?

— Ну... что мы можем сделать вдвоем? Ровным счетом ничего.

— А если не вдвоем? Если нас будет много?
— Не знаю... — Култар растерялся, — я не знаю, что надо делать...

— Вот в этом и беда, — наставительно сказал Конан, — многие шахи, короли, маги, волшебники пытались что-то изменить, а получалось только хуже!

— Наверное... оно само должно как-то меняться... со временем.

— Возможно, — Конан вздохнул и закрыл глаза, — ты хорошо лошадей стреножил? Не убегут?

— А почему они должны убегать?

— Может, кто напугает...

— Кто? — Култар с усилием рассмотреть в темноте громаду замка, ничего не видел, и от этого было только хуже.

Конан не ответил. Он спал. И даже не положил у правой руки обнаженный меч, значит, считал ночевку совершенно безопасной. Култар расстелил одеяло, подумал, вынул меч и положил под руку. Затем оглядел густую тьму безлунной ночи и лег.

Утром, седлая лошадей, Конан спросил:

— Ты ночью не просыпался?

— Нет, а что?

— Так, ничего, — киммериец одним прыжком вскочил в седло, — я просыпался. Мне показалось, что в окнах замка мелькал свет.

Култар слегка побледнел.

— Так значит, все рассказы — правда? — он седдал гнедую кобылу, изредка поглядывая на замок.

— Я не думаю, что приведению нужен свет, — усмехнулся Конан, — в любом случае разберемся на месте.

Скоро подъехали к стене. Вблизи замок производил еще более мрачное впечатление. Окна-бойницы смотрели на посетителей пустым, мертвым взглядом. Стены успели кое-где порости темным лишайником. Казалось, что замок заброшен уже многие столетия. Ворота были закрыты, но недостроенные стены позволяли без особых хлопот проникнуть внутрь. Окованные железом дубовые двери цитадели были, однако, распахнуты настежь. Несмотря на плотно мощеный двор, по обеим сторонам двери росли высокие кусты.

Конан остановился, медленно, как бы в раздумье, посматривая по сторонам.

— Ты ничего не чувствуешь? — спросил он подъехавшего Култара.

— Я еще со вчерашнего дня чувствую страх.

— Я не об этом, — Конан помедлил, — знаешь, меня как-то укусил волк-оборотень.

Култар с ужасом отпрянул, ожидая страшного превращения друга в свирепого зверя. Конан коротко хохотнул.

— Не бойся. Старик-знахарь мазал меня очень воинской мазью... Я переборол заразу... А вот, Хепат, гном — я о нем тебе рассказывал — нет. Он превратился...

Култар нетерпеливо вздохнул. Потрепал по холке кобылу — она отчего-то стала волноваться, тоненько ржать, нетерпеливо переступать копытами.

— Так вот, — продолжал Конан, не сводя глаз с кустов у дверей, — спасая друга, я отправился в замок королевы демонов Эн-Кастера, где, в конце концов, Хепат и погиб...

— Но он излечился?

— Да. И погиб в схватке с демоном... Как-нибудь расскажу всю историю, — он помолчал, вспоминая последний бой Хепата.

Култар встревожено озирался по сторонам. Конан все смотрел на кусты.

— Эскиламп, самый лучший волшебник нашего времени, сказал мне после того, как я, с помощью мази, переборол заразу оборотня, что теперь я стану куда лучше чувствовать... предчувствовать, что ли, опасность... и все другое. Короче, во мне все равно течет некая доля крови волка-оборотня.

Култар опять с ужасом отпрянул и сделал охранительный знак. Кобыла его все более тревожилась. Конан опять засмеялся, но не слишком весело.

— К чему это ты? — спросил Култар, не сводя с товарища пристального взгляда.

— А к тому, что я теперь лучше, чем раньше, чувствую опасность. За кустами кто-то прячется. Кто-то очень опасный. Злобный. Я прямо кожей ощущаю его злобу.

— Что же будем делать? Может бросить этот замок... и вообще купить простой дом, завести совсем небольшое хозяйство... — южанин обнажил меч, с тоской глядя на кусты, которые теперь шевелились, будто живые.

— Как только мы повернем коней, ОНО нападет. Тут можно не сомневаться. Так что, приготовься к бою! — спокойно сказал Конан. Огромный меч описал дугу и нацелился на невидимого пока противника.

Култар управился, наконец, с кобылой. Теперь на его лице застыло выражение отчаянной, мрачной решимости. Какой бы страх и тоску он не испытывал — боевая выучка помогла отбросить ненужные эмоции и быть готовым к сражению.

— Вот он! — воскликнул Конан, железной рукой удерживая коня, пытавшегося взвиться на дыбы, сбросить наездника и скрыться, ускакать от ужасного существа, вылезшего из кустов. Култар так же одной рукой крепко держал узду, а второй — меч, который был, хоть и короче, и легче меча киммерийца, но достаточно длинным, чтобы разить противника, оставаясь вне пределов досягаемости его когтей.

Существо, вылезшее из кустов, скорее всего, было неразумным. В маленьких, белесых глазах читалась только злоба и ненависть. Ни единого проблеска разума:

— Что это за тварь? — Култар вполне овладел собой, был холoden, расчетлив и готов к бою. — Я таких не видел!

— Мы многоного не видели в этой жизни и многоного не увидим, — философски заметил Конан, наблюдая за приближением монстра.

Страшилище состояло, казалось, из одних суставчатых членов и когтей. Оно походило на ог-

ромного, высохшего паука, давно умершего и оживленного колдовской силой. И эта ужасная мумия передвигалась с такой быстротой, что глаз просто не мог уследить за ее движениями.

Так, рывками, двигаются некоторые насекомые — после незаметного движения застывая каждый раз уже на новом месте. Именно так и приближалось чудовище.

Конан видел, что обычным способом отразить его атаку будет невозможно. Оставалась надежда на завесу из стали, когда умелый воин раскручивал меч так, что блеск его клинка походил на прозрачный, стальной занавес. И как бы ни старался противник, он не мог миновать смертельного удара вращающегося меча. Риск состоял в том, что неопытный боец мог попросту потерять меч и остаться безоружным.

Рывок — и чудовище застыло в нескольких метрах от Конана.

Еще рывок... и крутящийся, как крыло ветряной мельницы, клинок киммерийца отсек корявую, высохшую и покрытую жестким волосом конечность.

К сожалению, другой лапой чудовище успело разорвать бок вороному коню. Смертельно раненный жеребец, испуганно кося глазом на вывалившиеся из его живота внутренности, взвился на дыбы и упал на спину. Конан едва успел соскочить и чуть не оказался в объятиях твари. Култар в мгновение ока спешился — сражаться на лошади с таким созданием оказалось опасно — взмахнул мечом, и вторая лапа чудовища упала

на мостовую. Но монстр, казалось, даже не заметил потери двух конечностей. Так же молча, он бросился в атаку, теперь уже на Култара. Южанин спас только меч друга — Конан, по-мяснищики «хекнув», разрубил чудовище на две части, каждая из которых, уже на земле, брызгаясь кровью, старалась добраться до ненавистных двуногих, вооруженных такими убийственно длинными когтями.

Горестно качая головой, смотрел Конан на умирающего вороного коня. Затем, одним быстрым и точным ударом прекратил мучения благодорного животного. Култар же растерянно оглядывался — его гнедая кобыла в страхе унеслась неизвестно куда.

— Ее не найти, — с досадой сказал он подошедшему Конану, — увидев, как тварь распорола бок твоему жеребцу, она так рванула, что сейчас, наверное, уже доскакала до Шадизара!

Из разрубленного тела чудовища и отрубленных конечностей медленно вытекала густая буря жидкость. Судорожные подергивания продолжались еще некоторое время, затем тварь затихла.

— И сколько их, таких, еще бродит по замку? — задумчиво сказал Култар, трогая носком сапога когтистую лапу.

Конан застыл, прислушиваясь к себе.

— Ничего пока не чувствую. Может, эта и не в замке жила. Вылезла из какой-нибудь расщелины, — он кивнул на скалистые холмы, теснившиеся вокруг.

Култар внезапно пронзительно вскрикнул, затем прыгнул в сторону и ткнул мечом в землю.

— Эта мерзость вылезла у него из пасти! — на острие клинка извивалось змееподобное существо, не больше локтя длиной, с множеством маленьких ножек и большими выпуклыми глазами.

Конан подошел ближе, пытаясь рассмотреть странное создание, с которого стекала слизь, впремежку с кровью.

— Клянусь Кромом! У него разумный взгляд! В глазах предсмертная тоска и укор.

— Оно сидело внутри, — Култар стряхнул с меча издыхающее существо, — и выползло, почувствовав, что хозяин убит!

Конан присел и осторожно потрогал маленькие лапки с острыми крючками на конце.

— Кто из них был хозяин, это еще надо разобраться...

— Ты думаешь, оно сидело внутри и отдавало приказы? — Култар вспомнил совершенно бесмысленный взгляд напавшего на них чудовища и осмысленный — этой маленькой многоножки.

— Возможно, что и так, — Конан выпрямился и в задумчивости попытался расчесать черную спутанную гриву, обрамлявшую его гладковыбритое, темное от загара лицо.

— А, может, это просто паразит, вроде глиста? — с надеждой спросил Култар.

— Может и так. Но на всякий случай не зевай слишком широко. А то запрыгнет такая тварь!.. — Конан захохотал, но, взглянув на погибшего коня, помрачнел.

— Мы теперь оба безлошадные, — печально сказал Култар, — что будем делать?

— То, что и намеревались! Пойдем осматривать замок! — Конан снял с убитого коня седельную сумку и водрузил на плечи Култара. Тот безропотно принял ношу, пытаясь поудобнее устроить ее на спине.

— Неси пока ты, — пробормотал Конан, — потом я. Так и пойдем. Там у нас еда и питье, бросать нельзя.

— Ясно, нельзя, — Култар вздохнул и поспешил вслед за другом.

Конан уже скользнул внутрь цитадели и южанин на какой-то миг остался один. Вновь нахлынули старые страхи, предчувствие беды и неминуемой гибели. Он еще раз убедился в том, как хорошо и надежно рядом с Конаном, и как плохо и неуютно одному, особенно в таком месте, где на тебя из кустов прыгают твари-зомби, которым отдают приказы сидящие внутри слизистые многоножки.

3

Замок встретил путешественников прохладой и сыростью. Казалось, тепло просто не может проникнуть за эти стены. По коридорам гуляли сквозняки. Голые камни, узкие окна, пустые, гулкие залы — все это производило впечатление опустошенности, навевало уныние.

— Все-таки мародеры здесь поработали, — сказал Конан, осматриваясь, — в прежние времена

на на стенах висели гобелены. Посмотрим, в каком виде спальня.

По винтовой лестнице поднялись на второй этаж. Конан стремительно шел впереди. Казалось, он вновь переживает то время, когда любой ценой спешил отомстить изменнику, жаждал его крови. Нагруженный Култар едва успевал за ним. Пройдя по длинному коридору, Конан свернулся за угол и оказался в небольшой комнате. Здесь располагалась охрана. Следующая дверь вела в спальню. Подошел тяжело дышащий Култар.

— Здесь, — негромко сказал Конан, — его спальня.

Он медленно протянул руку, взялся за резную дверную ручку и замер. Култар с нарастающим напряжением следил за каждым движением друга. Почему он медлит? Южанин быстрым движением скинул с плеч сумку и осторожно, чтобы не наделать шума, опустил ее на пол. Ему показалось, что где-то далеко за стенами замка завыли волки. Странно — утром волки не воют. Ночь — другое дело. Почему же медлит киммериец? Чего-то опасается? Чувствует опасность?

Конан, опустив руку, стоял перед дверью. Видения прошлого, вперемежку со странными фантазиями, проносились перед его мысленным взором. Вот он входит в спальню бывшего товарища, а ныне заклятого врага и предателя. Тот нежиться в постели. Его взгляд!.. Он знал, он чувствовал, что расплата придет, и он был рад, что нестерпимое ожидание, наконец, кончилось... Кро-

вавые куски на полу — то, что было некогда человеком. Человек дышал, ходил, жил, предавал... Теперь он превратился в куски кровавого мяса... Куски внезапно собрались воедино, и перед Конаном вновь встал его бывший товарищ — предатель Кушух. Но теперь выглядел он так страшно, что горло сдавливали спазмы, и воздух почти не проникал в легкие. Висящий на кровавой нитке глаз... Раскрытый в вечном крике рот, выбитые ударом мечом зубы...

Медленно протягивает мертвец корявые, изрубленные руки... Конан не может пошевелиться, не может дышать. Скрюченные, окровавленные пальцы с отросшими ногтями, больше похожими на когти, вот-вот сомкнутся на горле. Нужно выхватить меч и рубить, рубить!.. Нет сил даже пошевелиться. Наваливается странное оцепенение. Нужно бежать, не видеть этих страшных глаз!.. И на это нет сил... Мертвое — и не мертвое — тело приближается, окутывая смердящим облаком гниющей плоти и протухшей крови, разинутый рот кривится в ухмылке, когти уже почти коснулись горла... Тянется, тянется мучительное мгновение, все меньше остается в легких воздуха, темнеет в глазах...

Нет, это просто видения! Это колдовской морок! Конан с криком разрывает окутавшую его пелену и видит встревоженные глаза Култара. Все прошло. Он по-прежнему перед дверью в спальню и нужно эту дверь открыть, сделать несколько шагов, как тогда, дойти до кровати — как тогда, в руке должен быть обнаженный

меч — как и тогда, нужно наказать предателя! Изрубить его на куски! Вот он — прямо перед ним! Стоит и ухмыляется — мерзкий ублюдок, изменник, предавший товарища! Смерть ему, смерть!

С рычанием Конан разорвал и эту пелену. Вновь перед ним глаза Култара, расширенные от ужаса. В руке он держит меч — собрался защищаться? От кого? Ах, да! В руке Конана тоже обнаженный меч. Он мог броситься на друга и изрубить его на куски, как того...

О, Кром! Ты даешь людям жизнь и волю — и больше не заботишься о них! Но все же обрати на меня взор и помоги! Помоги сейчас одолеть наваждение!

Лицо Култара превращается в кровавую маску Кушуха! Култар — Кушух! Кулшух — Куштар! Кром, помоги! Он — враг — хочет броситься на меня? Поднимает меч? Нужно отбить удар и нанести укол в сердце! Но это же друг?! Да, но тот, тоже был другом! Пока не стал врагом. Так нужно ли ждать, когда этот станет врагом?! Лучше убить его сейчас! Убить и разрубить на более мелкие куски, чтобы он не смог собрать себя, как тот, что сейчас сидит за этой дверью! Кром, помоги!

В очередной раз спала пелена. Култар с отчаянием в глазах отбивал удары. Стой! Все прошло! Я пришел в себя. Это тот, кто за дверью! Это он насыпает морок!

Конан рывком открыл дверь. С хриплым криком ворвался в спальню. Голые доски кровати.

Ковры, когда-то висевшие на стенах, исчезли. Открыта потайная дверь, через которую он тогда пробрался в спальню. Никого нет.

Осторожно подошел и встал позади Култара. Пусто. Тихо. Тяжело дыша, приходил в себя Конан, осторожно переводил дыхание Култара.

— Он, его дух, насыпал морок, — киммериец вложил меч в ножны.

— Я понял... — Култар также спрятал меч, — ты меня чуть не убил! Повезло, что движение у тебя были замедленны. Как во сне.

— Я и был во сне. И еле проснулся, — Конан шумно выдохнул.

Встряхнул головой, прогоняя остатки видений. Медленно вышел из спальни. Теперь нужно отдохнуть. Может быть, перекусить.

Пройдя в обеденный зал с множеством отполированных каменных столов и скамеек, друзья сели и распаковали седельную сумку. Неторопливо пережевывая жесткое мясо, Конан вспоминал недавнее наваждение. Похоже было, что мертвого Кушуха действительно могли видеть в замке.

Не его самого, конечно, а его дух, призрак, его мерзкую сущность предателя. И этот дух мог насыпать виденья, морок. Да, местные крестьяне, увидев такие картины, какие сегодня видел он, конечно же, без памяти бросались наутек, как испуганные перепела, внезапно увидевшие перед собой оскаленную морду собаки.

Култар налил вина:

— Осталось совсем немного. Большой бурдюк

с вином был у меня... А теперь у того, кто поймал кобылу!

Конан кивнул:

— Да, повезло кому-то. И лошадь, и вино.

Он надолго замолчал. Хмурился. Качал головой. Култар не мешал раздумьям товарища. Молча ел, стараясь не хрустеть сухими лепешками.

— Нужно привезти в замок хорошего колдуна, — сказал, наконец, Конан, — мечом тут ничего не сделаешь.

— Эскилампа?

— Пока до него доберешься... Попробуем найти в ближайшем селении.

— Хорошего? — с сомнением спросил Култар.

— Какой будет... — вздохнул Конан, — и еще нужно купить лошадей, пусть даже это будут самые захудальные клячи.

* * *

Колдун, на которого указали жители ближайшего селения, оказался до того старым, что осталось только удивляться тому, что он еще ходит. Древний стариk, всклокоченные седые космы, морщинистое лицо с выглядывающим из впалых щек носом, кривые зубы, среди которых особенно выделялся не сточенный годами клык. Облик злобного лешего... Глянув на посетителей выцветшими, водянистыми глазами, он злобно прошамкал:

— Деньги только вперед и только серебром.

— А золотом? — сухо спросил Конан.

— Золотом — еще лучше, — в потухших глазах старика зажегся алчный огонек.

— А кулаком по шее? — уточнил Конан. Он был уверен, что колдун струсит и согласиться работать даже и даром, лишь бы заезжие рыцари не гневались.

Старик быстро окинул взором посетителей, оценил могучее сложение одного и гибкость другого, учел уверенность, невозмутимое спокойствие обоих и запричитал:

— Нет, господа, по шее — не надо... Дадите, сколько пожелаете, сколько посчитаете нужным... После того, как я сделаю то, что вам надо...

— Нам нужно расколдовать замок Кушуха! — встрял Култар.

Увидев, как округлились глаза старика, Конан с досадой крякнул. Не стоило говорить об этом сейчас. Нужно было отвезти колдуна в замок и поставить перед призраком носом к носу. А теперь он будет отказываться.

Страх в глазах местного мага перерос в ужас. Покрытые старческими пятнами руки затряслись, рот приоткрылся и Конан почувствовал несвежее дыхание.

— Пусть господа не гневаются... Замок — проклятое место.... Там не только призрак бывшего хозяина... Там еще змеи с ногами — они заползают спящим людям в рот и превращают их в зомби... Я не смогу... не смогу.

— Ты должен хотя бы попробовать! — Конан приподнял колдуна за шиворот и хорошенъко встряхнул.

— Хорошо, хорошо, пусть будет так... Я попробую...

— И еще: покажи, у кого можно купить самых лучших коней!

Старик покачал головой:

— Можно, конечно, найти коней. Самых лучших... из тех, что есть у нас в селении... Но подойдут ли они таким важным господам?

— Подойдут, подойдут! — Конан отпустил колдуна. — Иди, собирая свои чаши, зелья... готовься... Потом пойдем коней покупать.

«Самые лучшие кони» оказались такими клячами, что Конан всерьез опасался, смогут ли они выдержать седоков. Ничего не оставалось, кроме как попробовать. К всеобщему удивлению, клячи довольно уверенно держались на ногах, неся на спине даже такого гиганта, как Конан.

По царски заплатив униженно кланяющимся продавцам, друзья поехали к замку. Лошадь колдуна была под стать хозяину и отставала даже от купленных кляч. Ехали так медленно, что копыта лошадей даже не поднимали пыль, а конь старого колдуна, казалось, вообще, плыл по воздуху.

— Конан, — прошептал Култар, наклонившись к товарищу настолько близко, насколько было возможно, чтобы не выпасть из седла, — я заметил, что лошадь старика... не дышит.

— Что?! — искренне удивился киммериец. — Как это, не дышит?

— А так... бока ее неподвижны. А на глазах сидят мухи, и она их не сгоняет.

— Ты хочешь сказать, что колдун едет на

мертвой лошади? — Конан оглянулся. Теперь он смотрел на старика немного по-другому. Позади, на лошади, которая действительно не дышала, ехал непонятный человек, спокойно и даже властно поглядывая на своих нанимателей. Глаза его стали темными, осанка — гордой.

— Как тебя зовут-то, старик? — спросил Конан, пристально всматриваясь в новый облик колдуна.

— Чандлер, — с достоинством ответил тот. Затем усмехнулся и добавил:

— Я вижу, твой друг заметил, что мой конь давно мертв. Что делать — я к нему привык и хочу, чтобы он послужил мне еще пару столетий.

— Сколько же тебе лет? — почтительно спросил Култар.

— Полторы тысячи... Я думаю, пора сделать привал. Скоро ночь, а ночью бродить по замку не решусь даже я!

— Хорошо. Тебе виднее, — Конан спешился и потянулся, хрустя суставами.

Култар хотел помочь старику слезть с лошади, но тот легко спрыгнул сам и, упругой походкой подошел к киммерийцу.

— Ты — Конан. Я тебя сразу узнал.

— Откуда? — спокойно спросил Конан и кивнул Култару, чтобы тот достал походную снедь. Южанин раскрыл сумку, которую трижды проклял, пока тащил на себе в деревню, достал лепешки, мясо.

— Как только вы пришли, я раскинул мысленную сеть... Ты — друг Эскилампа.

Конан кивнул, ожидая продолжения.

— Эскиламп — хороший мальчик, — колдун улыбнулся, обнажив два ряда белоснежных зубов, — способный. Немного легкомысленный, но способный. Он, вместе с другими пытается поддерживать равновесие в этом мире.

— А ты?

— И я с ними. Вам повезло, что вы пришли ко мне. Я послан сюда Советом, чтобы закрыть Путь.

— Пожалуйста, — попросил Култар, переставая жевать, — расскажи все по-порядку!

Колдун устроился поудобнее, устремил взгляд куда-то вдали и обыденным тоном сказал:

— Твари из-за Круга давно пытаются преодолеть грань, проделать проход. Кушух, сам того не ведая, помог им — открыл Путь. Первыми пролезли многоноожки, за ними пойдет другая нечисть, если я не справлюсь.

— А почему же ты раньше...

— Я ждал тебя, Конан. Все предопределено и на Земле, и за ее пределами. Ты должен был появиться. И ты пришел. Мне нужен твой меч, твоё умение.

— Так чего же ты придуривался? — Конан недобritoельно посмотрел на сидящего перед ним мужчину средних лет с темным взором, полным мудрости и печали, на сеть морщинок вокруг его глаз и внезапно понял, как нелегка ноша колдуна. Настоящего колдуна.

— Не так просто выходить из облика, который принял... Для жителей селения я — старый шарлатан. Так лучше, удобнее.

— Ты говорил, что тебе — полторы тысячи лет... — начал Култар.

— Хочешь послушать мою историю? — усмехнулся колдун.

— Да... расскажи, — Култар вопросительно посмотрел на Конана. Тот кивнул и приготовился слушать.

— Ну, что же — ночь длинная, можно и рассказать...

Я родился далеко, за краем обитаемой земли, в дебрях, кишащих дикими зверями, чудовищами и разной мелкой тварью. Отец мой был простой охотник... — колдун немного помолчал, вспоминая дни детства, тряхнул головой, словно освобождаясь от назойливых мешек, и продолжал, — мать была первой красавицей в селении. Насколько я помню, на нее всегда заглядывались молодые охотники, но никто, даже вождь не смел ее тронуть — таковы были наши обычай. Отец часто уходил на охоту и пропадал несколько дней. Иногда приносил дичь, иногда сам еле возвращался, весь израненный, и тогда мы питались старым, выветренным, вяленым мясом, кишящим червями. До тех пор, пока отец не выздоровливал и не приносил с охоты свежее мясо, которое мы не только ели, сколько могли, но и солили, вялили впрок.

Так текла жизнь наша и всех тех, кто жил вместе с нами в небольшом селении в джунглях. Я уже подрос, когда мне рассказали, кто же мой настоящий отец... За девять месяцев до моего рождения в селение пришел странный и страшный

человек. Возможно даже и не человек. Я до сих пор не знаю, кем же был мой настоящий отец, тот, что заскал меня, осквернив, ставшую после его заклинаний беспомощной, мать. Совершив свое черное дело, он ушел, сверкая глазами. И толпа охотников, сбежавшихся на крики матери, видевших весь ее позор, в страхе расступилась, давая дорогу страшному пришельцу.

Когда он ушел, мать, до того лежавшая с оголенным ногами, животом, и все тем, что женщины прячут от мужчин, вскочила и, закрыв лицо ладонями, убежала в хижину. Охотники, пристыженные своей трусостью, молча разошлись по домам. Вернувшийся отец хотел убить оскверненную мать, но не смог — она была слишком красива, и он слишком ее любил. После такого проявления слабости, другие охотники к отцу стали относиться пренебрежительно и он, собрав пожитки, ушел в джунгли, чтобы больше не вернуться. Ушел подальше от позора, от ухмылок бывших товарищей.

О, я им отомстил! — с жаром воскликнул колдун. Было видно, что рассказ захватил его, всколыхнув самое сокровенное. — Я им отомстил. Когда я подрос и овладел тайной наукой — а она давалась мне сама, без всяких усилий — я отомстил. За насмешки над отцом, за поругание матери! Они потом, после ухода отца, ходили к ней по несколько человек каждую ночь! Оскверненную женщину можно использовать, как угодно — этого обычай не запрещал... Они приходили к ней — одинокой, опозоренной, беззащитной —

пили опьяняющие напитки, а затем... Затем издевались над ней, кто как хотел... Каждому хотелось позабавиться с бывшей первой красавицей селения. И она, после бегства — да, бегства — отца, не могла отказать им, самодовольным трусым, не защитившим ее от пришлого колдуна. Каждую ночь она ублажала их ненасытную похоть, а наутро, еле живая, шла в джунгли собирать коренья, чтобы прокормить себя и зародившуюся в ней новую жизнь.

Я отомстил! Когда мне было пятнадцать лет — а я был не по годам рослый и сильный, да к тому же уже умел колдовать и подчинять людей всего одним словом — я пришел в селение, где издевались над матерью. К тому времени мы жили отдельно. Мать всем надоела, и ее попросту выгнали из селения. Я пришел и наказал их! Я заставил всех женщин раздеться и лечь, а мужчин смотреть на это. Я потрудился и обесчестил каждую. Каждую! А мужчины, эти жалкие трусы, обливаясь слезами, смотрели на своих жен, ставших беспомощными, как когда-то моя мать. Я сделал это, а потом подходил и долго смотрел в глаза каждому охотнику. Затем приказал им не убивать своих оскверненных женщин — жить с ними, смотреть на них, вспоминая, как я, на глазах у всех, делал с ними все, что хотел. Вот так.

А к двадцати годам я знал уже все колдовские науки. Откуда — неизвестно. Знания приходили ко мне сами — по мере того, как я взрослел. Видимо, зачавший меня колдун — или демон, или, вообще, существо из другого мира, принявшее

наш облик, — вложил мне эти знания прямо в кровь. Может, у них там, так и бывает... — колдун опустил голову и долго молчал. Конан и Култар так же молча ждали продолжения.

— Когда моя мать повесилась... мне было около тридцати лет. Да, она повесилась не в силах видеть во мне того... осквернителя. Я походил на него и обликом, и колдовским умением. Она убила себя. Вынесла все — и позор, и бесчестье, и издевательства мужчин, но не смогла вынести превращения сына в страшного колдуна, который одним мановением руки мог поднять человека в воздух, или загнать под землю... Она повесилась. Я оживил ее и долго еще она, мертвая, «жила» на свете... Только... Только не ела, не пила и почти не разговаривала...

Это страшно. Видеть тусклые, мертвые глаза матери, это страшно. Но я терпел. Я просто не мог ее похоронить. С помощью колдовского умения я нашел отца, перенес его к себе и заставил жить с мертвой. С той, кого он бросил, отдав на дальнейшее поругание. Он быстро сдал, похудел, зачах и умер. Мне было его не жаль. Он заслужил то, что получил.

Еще через несколько лет меня призвали в Совет. Там уже знали мою историю и мое искусство. Они взяли с меня клятву — страшную клятву колдуна — что никогда я не употреблю свою власть во вред человечеству. Только на благо. Они познакомили меня со строением мира, показали мир невидимый, и мир призрачный, показали иные миры, существующие рядом с нами...

— А ты бывал в Иреме? Городе Колонн? — спросил Конан.

— Конечно. Совсем недавно и ты там побывал, — колдун улыбнулся, — и счастливо избежал наказания за дерзость. Знания, таящиеся в Иреме — не для простых смертных. И не потому, что человек может натворить много бед, овладев тайными знаниями. Просто слабый мозг не выдержит, воспалится, погибнет от перегрузки.

Да, в Иреме, я узнал много нового. Собственно курс обучения, который составил Совет, включал в себя посещение Города Колонн. Для этого он и оставлен на Земле в одном шаге от нашего мира.

Вот, пожалуй, и все. А теперь я должен, с вашей помощью, закрыть проход, иначе миру, который мы знаем, грозит беда.

— Значит, ты — не человек, — помолчав, сказал Конан.

— Наполовину я человек — по матери. Кто был мой отец — не знаю...

Конан зевнул и расстелил одеяло, собираясь спать. Култар с тревогой смотрел на друга. Неужели на него не произвел впечатления рассказ колдуна? Сам южанин дрожал, не то, от страха, не то, от непонятного возбуждения. А Конан спокойно укладывается спать рядом с... нечеловеком.

— Ложись и ты, — сказал колдун, — я покарулю, да и подготовлюсь к завтрашней встрече.

Култар лег, успев заметить, что Конан положил меч под правую руку. Значит, он не уверен

в полной безопасности предстоящей ночевки. Интересно. Почему же он был так спокоен?..

Утром колдун сидел все в той же позе, будто превратившись в статую. Конан и Култар разложили лепешки, намереваясь закусить.

Колдун от еды отказался, отрицательно помотав головой. Он был настолько сосредоточен, что, казалось, не видел ничего вокруг.

В замке по-прежнему было холодно. Волшебник Чандлер шел первым, быстро осматривая комнаты и залы. За ним с обнаженными мечами двигались Конан и Култар.

— Чувствуете холод? — колдун быстро оглянулся. — Тепло забирают те, кто появился из-за Круга.

Он остановился так внезапно, что Конан чуть не сбил его с ног.

— Где-то здесь... — руки Чандлера описали плавную дугу и остановились над полом. Слегка согнувшись, он замер.

Конан вновь почувствовал мысленную атаку. Виденья поплыли перед глазами, но на сей раз, прорвать пелену оказалось проще. Вероятно, сказывалось противодействие колдуна. Позади сопел Култар. Возможно, ему тоже пришлось бороться. Конан оглянулся. Лицо южанина превратилось в маску ужаса. Но вот глаза его прояснились, он отдохнул и уже осмысленно посмотрел на друга. Конан кивнул и вновь повернулся к колдуну, который стоял все так же неподвижно.

— Затягивает, — глухо пробормотал Чандлер, напрягаясь всем телом, — не могу противосто-

ять... Конан, постарайся уцелеть, в этом залог успеха... Ты нужен, чтобы...

— О чем это он? — прошептал Култар.

Конан внезапно ощутил падение. Так было в детстве, когда он, ради смеха, бросался в воду с высокой скалы. Затем навалилась темнота, в которой изредка мерцали крохотные огоньки, возможно звезды. Опять падение, на этот раз, более долгое. Мерцания. Точки звезд, превратившиеся в длинные, вращающиеся черточки... Головокружение... Пустота и одновременно тяжелый камень в желудке... Тошнота... Конан стиснул зубы так, что заболели челюсти. Падение... Суставы, будто выворачиваются... Желудок уже у самого горла... Вспышки пламени... Удар...

4

Поднявшись на ноги, Конан осмотрелся, все еще чувствуя тошноту.

Серая, унылая равнина вокруг. Потрескавшаяся, обезвоженная земля. Твердая, как железо, короста. Поодаль встают горные массивы. Некоторые пики извергают дым, вперемежку с огненными языками. Небо над головой — низкое и серое, наполненное дымом.

Конан чувствовал такую усталость, будто целый день крутил колесо, подающее воду в хозяйствский фонтан. Он опустил голову. Да, так было когда-то... Колесо, крики надсмотрщиков, хлесткие удары бича — рабство...

Для того чтобы изгнать из памяти старые ви-

дения и взбодриться, Конан длинно и замысловато выругался. Стало легче. Он вздохнул и пошел по направлению к горному массиву. Оставаться на месте — значит, погибнуть от жажды. В горах должна быть вода...

Дымящиеся пики оказались гораздо ближе, чем можно было предположить. Несколько часов быстрой ходьбы и начались предгорья. Жажда уже давала о себе знать — пересохло во рту, в мыслях виделся только горный ручей с чистой, хрустальной водой. Из такого можно пить часами, пить, не отрываясь, наполнять нутро живительной влагой, радуясь каждому глотку.

Горы уже нависали над самой головой. Конан заглядывал в каждый распадок, под каждый камень. Но воды не было. С болью он заметил, что горные пики не покрыты шапками снегов. Значит... Значит, воды тут может не быть вовсе.

Тяжело дыша, он присел на камень, размышляя о дальнейшем пути. Попытаться перевалить через хребет? Может, за ним таится цветущая долина? Или, наоборот, найти самый глубокий распадок — вдруг там бежит ручеек?.. Или спряталось небольшое озеро с блестящей, как зеркало, поверхностью, в которой отражаются облака?.. В озеро можно погрузиться с головой, нырнуть по глубже и пить там, в глубине холодную, как северный ветер, воду. Пить и пить... Вынырнуть, отышаться, и снова пить... Конан еще раз посмотрел наверх. Да, горные пики достаточно высоки — в родной Киммерии горы такого размера всегда были покрыты снегом. Чистым, как душа

ребенка, белым, как крылья лебедя... Можно брать горстями такой снег, набивать им рот и, не ожидая, пока он растает, глотать, обжигая живот и весело смеясь...

Послышался далекий звук рога. Померещилось? Но вскоре стал слышен и топот копыт. Судя по звуку, приближался небольшой отряд тяжело вооруженных рыцарей. Они выехали из-за холма и остановились на расстоянии нескольких метров, угрожающе покачивая копьями. Человек двадцать на вороных конях в полном вооружении. Кроме копий, у каждого на поясе висел короткий меч, к седлу был приторочен боевой топор и щит. Латы блестели на солнце, отливая серебром.

— Кто ты чужеземец? — один из воинов, очевидно, главный, поднял забрало. На Конана глянули серые глаза с недобрый прищуром. Лицо рыцаря было гладко выбрито и украшено несколькими шрамами.

— Вы хотите знать мое имя? Я — Конан из Киммерии!

Предводитель недобро усмехнулся:

— Как далеко находится твоя страна? Мы о ней даже не слышали.

— Моя страна далеко на севере... Сюда я попал случайно. Заброшен непонятной силой, — спокойствие Конана, стоящего перед острыми наконечниками копий, произвело впечатление.

Рыцари о чем-то тихо посовещались. Затем предводитель хрюкло рассмеялся.

— По виду ты хороший воин. Скоро мы это

проверим. Ты будешь выступать на арене и, если останешься в живых, тебя наградят и отпустят домой.

Выступать на арене?! Конан задохнулся. Они хотят сделать из него гладиатора!! Одним быстрым движением он выхватил кинжал и метнул его в рыцаря, так неосторожно поднявшего забрало. Длинный клинок вошел в глаз и поразил мозг. Рыцарь даже не успел поднять руки — он был мертв раньше, чем это осознали другие. Когда же они опомнились, Конан уже стоял в нескольких метрах от того места, куда разом вонзились два десятка копий. Предводитель еще падал с лошади, а Конан уже отбивал атаки конников. По счастью, местность изобиловала крупными валунами, и сражаться на конях рыцарям было неудобно. Некоторые из них спешились, другие пытались управлять лошадьми, наталкиваясь на валуны и друг на друга.

Воспользовавшись замешательством, Конан, не вкладывая меча в ножны, побежал к видневшимся неподалеку скалам. Успевшие спешиться рыцари стали забираться на коней, что было не просто, учитывая их тяжелые латы, конные — сразу же бросились вдогонку. Конан заметил, что ни луков, ни арбалетов у противника не было. Значит, можно, забравшись на скалу, отражать атаки нескольких человек одновременно. И когда конники, лавируя меж валунов, подъехали, он уже стоял на вершине небольшой, но довольно крутой скалы. Рыцари вновь спешились, и Конан усмехнулся, глядя на их замедленные движе-

ния — он всегда предпочитал латам легкую кольчугу. Сейчас, похоже, они поймут, что тяжелые латы чаще всего бываю обузой, хотя и защищают лучше простой кольчуги.

Рыцари, как муравьи, полезли наверх. Одного Конан проткнул, когда он поднял руку, цепляясь за камни, другого стукнул сапогом, третьего оглушил ударом меча по шлему и он, глухо вскрикнув, сполз на землю. Некоторые метнули снизу кинжалы, отбить которые не представляло труда. Скоро уже несколько мертвых рыцарей лежали у подножья скалы. Конан хохотал. Азарт битвы вытеснил недавние страхи перед сверхъестественными силами, забросившими его невесть куда, упоение боем наполнило душу грозным весельем, а привычная тяжесть меча в руке придавала сил и уверенности.

Рыцари совещались, собравшись в кружок. Наконец, один поднял забрало и вышел вперед.

— Ты хороший воин, но побеждаешь бесчестно, убивая не готовых к схватке людей. Спускайся, и будем биться один на один!

— Я тебе не верю! — крикнул Конан.

— Я даю слово!

— А я не знаю цену твоему слову!

Даже со скалы Конан заметил, как налились гневом щеки рыцаря, как заиграли желваки и засверкали глаза.

— Я прощаю тебе, чужеземец, дерзкие слова. Мои товарищи подтвердят: если ты победишь — можешь идти куда хочешь!

Стоящие рядом рыцари дружно закивали. За-

тем все подняли забрала. Лица у некоторых были совсем юными, другие бугрились шрамами и рубцами. Конан раздумывал. Рискнуть и принять вызов? Или продолжать отражать атаки, стоя на скале? Они пошлют кого-нибудь за арбалетами, а сами будут караулить...

— Хорошо. Я верю твоему слову. Спускаюсь.

Конан соскользнул со скалы, внимательно глядя на столпившихся рыцарей. Говоривший вышел вперед.

— Я — Вэрлоу, второй человек в клане Дракона. Схватка будет честной. Каждый бьется тем оружием, которое сам выберет. Победитель получает доспехи и деньги побежденного — таковы правила.

— Согласен, — Конан взял меч наизготовку, пристально глядя в глаза рыцарю. Перед выпадом, внезапным броском зрачки расширяются — по этому признаку можно предугадать действия противника и среагировать раньше, чем тот начнет атаку.

Рыцари образовали большой круг, предвкушая хорошее развлечение. Второй человек в клане Дракона — первого, очевидно, Конан убил, метнув кинжал — так же приготовился к битве.

— Начинаем по счету «три»! — Кто-то из рыцарей тут же стал считать: «один, два, три».

Меч Вэрлоу описал короткую дугу и обрушился на то место, где только что стоял Конан. Зрители зашумели. Второй выпад также не достиг цели. Зарычав, рыцарь стал непрерывно наносить яростные удары — Конан отбивал, ускольз-

зал, отпрыгивал и... улыбался. Второй человек в клане Дракона был неважным воином. Да еще и тяжелые латы!.. Не желая убивать, Конан выбрал момент и оглушил рыцаря мощным ударом по шлему. Вэрлоу опустил руки и тяжело рухнул на землю.

Рыцари загомонили все разом. Затем, почтильно склонив головы, приблизились. Никто из них не обнажил меча, и Конан счел это хорошим знаком.

— Ты хороший воин, Конан из Киммерии, — сказал один из них, — мы держим слово и отпускаем тебя — ты свободен. Пока же мы предлагаем тебе оказать нам честь и разделить с нами трапезу.

Конан молча склонил голову. Рыцари — многие, из которых, сняли латы и стали похожи на обычных людей — расстелили полог, поставили кувшины с вином, жареное мясо, фрукты. Конан заметил, что многие из плодов ему неизвестны.

— Нет ли у вас воды? Я долго шел по пустыне.

— О, да, конечно, — к нему придвинули целий бурдюк с родниковой водой.

Вскоре к «столу» подсели пришедший в себя Вэрлоу. Потирая макушку, он молча взял, усердливо протянутую кем-то, кружку. О схватке не говорили, будто ее и не было. Рыцари ели, пили, разговаривали о погоде и лошадях, изредка бросая любопытные взгляды на бывшего противника.

— Я бывал на севере, — сказал Вэрлоу, — но страны с названием «Киммерия» там нет.

— Я же говорил, что заброшен в ваш мир демонами! — Конан почти ничего не ел, только пил воду.

— Как же ты думаешь вернуться?

— Не знаю...

Один из рыцарей — старый воин с огромными седыми усами — задумчиво сказал:

— В горах живет старый колдун, я думаю, он может помочь. Только добраться до него очень нелегко...

— Расскажи мне, где его искать, этого колдуна, уж я доберусь.

Рыцари почтительно посмотрели на огромный меч Конана и дружно закивали.

— Нужно дойти до окаменевшего рыцаря, это там, — рассказчик указал на распадок между двумя горными пиками, — затем иди строго на восток... В конце концов, дойдешь до пещеры колдуна. Попросишь его, и он поможет... если захочет...

— Про него у нас ходят разные слухи, — словоохотливо добавил молодой рыцарь с едва пробивающейся бородкой, — говорят, что он продался демонам и служит им.

— Еще говорят, — сказал другой, — что колдун требует в качестве платы душу просящего... на несколько дней... Что он делает с душой — не знает никто.

— Не стоит верить всем слухам! — перебил Вэрлоу. Рыцари замолчали. Повисла напряженная тишина. Казалось, все чего-то ждут.

Вэрлоу откашлялся и с усилием сказал:

— Конан из Киммерии, ты победил меня в честной схватке и можешь забрать мои доспехи и деньги...

Конан расслабился — вот чего они ждали. Выполнения условий рыцарского поединка.

— О, благородный рыцарь, — Конан с трудом удерживался от улыбки, — мне не нужны ни доспехи, ни деньги. Дайте мне лучше воды и пропитания на дорогу.

— Ну, конечно! — Второй, а ныне, вероятно, первый человек в клане Дракона, так явно обрадовался, что сидящие вокруг рыцари опустили глаза.

— Конечно, мы дадим тебе воды, вина и еды столько, сколько ты сможешь унести! — он поклонился на могучую фигуру Конана и продолжал:

— Я бы отдал тебе и коня, но в горах он бесполезен.

Рыцари тут же, по знаку Вэрлоу, собрали все продукты в огромный тюк, который Конан без труда взвалил на плечи.

— Счастливого пути тебе, рыцарь! — Вэрлоу чинно пожал пришельцу руку и с неудовольствием глянул в сторону, где лежали его убитые товарищи.

— Прошайте, благородные рыцари, — ответил Конан и легко зашагал в указанном направлении, нисколько не сгибаясь под тяжестью тюка с продуктами.

«Окаменевший рыцарь» оказался просто высокой скалой, отдаленно напоминающей опирающегося на копье воина. У «рыцаря» Конан решил

заночевать, ибо дело шло к ночи, а карабкаться по крутым склонам в полутьме всегда рискованно. Он распаковал тюк и устроил царский ужин. Вино, правда, у рыцарей было не самого лучшего качества, но — кто знает — может, в этом мире лучшего и не бывает. В том, что он оказался в ином мире, Конан не сомневался. Другой мир... Так же, как и мир, где правила королева демонов Эн-Кастера, или — совсем недавно — мир, в котором стоял Город Колонн. Из тех миров он знал, как выбраться; из этого — нет. Только и всего. Не исключено, поэтому, что он останется тут навсегда. Придет в город, где живут благородные рыцари, не умеющие толком сражаться, победит пару раз на турнире, завоюет славу и деньги... Гм, Конан усмехнулся, если тут все такие бойцы, как его недавний противник, завоевать и то, и другое будет несложно.

Он сложил продукты и прилег, забросив руки за голову. Если разобраться, что его держит в том, родном мире? Какая разница, где бродить с мечом на поясе и несколькими монетами в кармане? Вспомнился Култар — верный спутник его последних месяцев. Эскиламп — веселый колдун... Итилия — любящая его и, наверное, многих других, женщина... Странная тоска сдавила грудь. Если он останется в этом мире, он никогда больше не увидит ни одного знакомого лица. И — что? Появятся новые знакомые... Точно так же, как появились в том, в старом мире... Как ни рассуждай — ничего страшного... И все же... Почему так сосет под ложечкой при мысли о потере

его мира? Разум говорит — ничего: что потерял там, найдешь тут, а душа, сердце — не хотят с этим мириться! Нет, он пойдет к волшебнику и попросит помощи, какую бы плату тот не потребовал...

Утро выдалось пасмурным и хмурым. Низкие тучи нависали над самой головой, укрывая туманным одеялом горные вершины. Пахло дождем. Несколько капель упало на лицо Конана, пока он увязывал тюк с продуктами. Идти предстояло на восток, как раз туда, где золотыми змейками уже сверкали молнии. Грома пока слышно не было, но гроза явно приближалась. Конан поморщился. Лезть на перевал по скользким камням мало радости. Пока же предстояло идти по распадку. Передернув плечами, чтобы ровнее уложить на спине свою ношу, он отправился в путь.

Вскоре перед ним высился перевал. Тучи грозили раздавить, наливаясь черной злобой. Грязнула, наконец, гром. Конан искал глазами хоть какой-то скальный козырек или, лучше, пещеру, где можно было бы переждать грозу. Заметив на расстоянии полета стрелы темный вход в расщелину, он почти бегом устремился туда. Редкий кустарник, росший на пути, цеплялся колючками за одежду, будто стараясь не пустить или, хотя бы, оцарапать незваного гостя.

Прямо перед ним, извиваясь огненной змеей, молния злобно ужалила камни. Гром расколол горные вершины и скалы. И тут же с неба низверглись потоки мутного дождя. По счастью,

вход в пещеру темнел неподалеку и Конан нырнул в нее, как в мрачный, черный омут.

Пещера оглушила темнотой и запахом. После вспышки молнии, в глазах киммерийца плясали огненные змеи и теперь, окунувшись в затхлый мрак, он не видел даже собственных рук. Но слух ему не отказал, и он услышал тяжелое дыхание хозяина пещеры. Слишком шумное для обычного хищника — льва, пантеры или медведя.

Кроме того, Конан услышал ряд резких, коротких вздохов, характерных для приюхивающегося животного. Значит, обитатель пещеры его почувствовал, и, скорее всего, нужно ждать немедленного нападения. Мысли понеслись вскачь. Попытаться выскоочить, убраться из пещеры? Но для этого нужно повернуться спиной, а это верная гибель. Зверь сейчас нападет. Возможно, он уже в прыжке. Повернуться спиной, значит, немедленно умереть. Нет, можно только пятится, выставив перед собой меч и осторожно нащупывая дорогу.

Мгновения растянулись до бесконечности. Проклятая слепота! Конан очень медленно, оставаясь в боевой готовности, отступал к выходу. Но он был уверен, что монстр не даст ему выйти, не упустит добычу, которая сама пришла к нему в логово.

Однако ничего не происходило. Дыхание неведомого существа по-прежнему оставалось ровным и тяжелым. Конан недоумевал. Любой зверь давно бы уже напал. Значит?.. Значит, хозяин пещеры — не зверь? Во всяком случае, он, похоже,

разумен. Хотя и не каждый, даже очень глупый зверь, бросится на острый клинок. Что такое торчащие острые предметы, знают все.

— Кто же ты такой? — пробормотал Конан, даже не предполагая, что получит ответ.

— А кто ты? Я не вижу тебя... Давно уже ничего не вижу... — голос был ломанным и хриплым, будто обладатель его давно забыл человеческую речь. Кроме того, Конану ясно представилось, как трудно огромной глотке, привыкшей, конечно же, издавать другие звуки, произносить слова.

— Я — человек... — Конан не знал, следует ли назвать свое имя.

Он не опускал меч, но напряжение спало. Пожалуй, что чудовище действительно его не видит. И, кроме того, оно, кажется, намерено поговорить.

— Человек... Давно я не беседовал с человеком...

Глаза Конана, наконец-то, стали привыкать к темноте. Хоть с трудом, но он различил неподвижную черную массу в дальнем конце пещеры.

— А кто ты? Демон?

— У вас, людей, — голос завибрировал: возможно, его обладатель пытался засмеяться, — слишком примитивные понятия... Демон, бог... Других разумных существ вы не знаете — не хотите знать... Я — не демон, и не бог... А сюда пришел умирать... Мне много тысяч лет, я устал жить...

Конан не знал, следует ли вежливо побеседовать с умирающим существом, или просто повер-

нуться и уйти. Может, удастся что-то узнать об этом мире...

— Я из другого мира. Заброшен сюда чьей-то злой волей. Иду к колдуну — он живет в горах на востоке — просить помощи.

На сей раз, голос более точно воспроизвел человеческий смех. Конан, прищурившись, увидел устремленные на него — сквозь него — два огромных, бельмастых, незрячих глаза.

— Ты хочешь получить помощь от того, кто вырвал тебя из привычного мира и перенес сюда?! Сам отдаешься ему в руки? Похоже, ты неразумен!

— Так это он?! Я не знал... — Конан вложил меч в ножны. Теперь он видел, что лежащий в углу монстр совершенно безопасен. Все еще напрягая зрение, он различал, огромное змеиное тело, свернувшееся кольцами, поникшие кожистые крылья с когтями на концах и в средине. Дракон? Похоже, очень старый дракон протиснулся в расщелину, чтобы спокойно встретить смерть. На какое-то мгновение киммерийцу стало жаль умирающую тварь, но он вспомнил о своем незавидном положении и задумался над более насущными вопросами.

— Посоветуй, что мне делать! Ты — стар и мудр. Я же — новичок в этом мире.

Дракон долго молчал. Только тяжко хрюпал легкими. Конан уже решил, что старик о нем попросту забыл и собрался уходить. Но дракон ответил:

— Застань его врасплох, оглуши, связь и по-

весь над огнем. Пусть расскажет о своих планах и поклянется отправить тебя обратно. Но будь осторожен — ему служат такие силы... и такие существа... — дракон передохнул и продолжил, — что, скорее всего, ты попросту лишишься головы... Но то, что он не сможет использовать тебя в своих целях — уже хорошо. А теперь иди, я устал...

Конан повернулся и вышел из пещеры. Дождь прекратился, по небу носились клочки разорванных ветром туч. После смрада драконьей пещеры, свежий воздух пьянил, как вино. Омытые камни, блестели в лучах пробивающегося солнца.

Значит, оглушить и связать — Конан нахмурился — наверное, не легко подкрасться незамеченным к волшебнику такой силы! Оглушить и связать! Ничего другого, кроме этого совета старого дракона, не приходило в голову. Колдун, скорее всего, следит за каждым шагом своей жертвы, раз уж перенес ее сюда... Оглушить и связать... А потом, повесить над огнем... Пусть расскажет и поклянется... А велика ли будет цена этой клятвы?

* * *

Второй день Конан лежал в засаде, неподалеку от жилища колдуна — темной, вросшей в землю башни. Из примыкающих к ней пристроек выходили люди, вероятно, помощники. Расположившийся на поросшем кустами холмике Конан, был отчего-то уверен, что колдуна он узнает сра-

зу. Мельтешащие — входящие-выходящие, бегающие люди — явно только ученики. Человек десять-пятнадцать. Все молодые и опасности не представляют.

Один из учеников внезапно направился прямо к холмику, где лежал Конан. Миг — и он, с поднятыми руками, в знак того, что пришел с миром, предстал перед киммерийцем.

— Мир тебе, пришелец. Учитель просит тебя пройти к нему и побеседовать. Он давно ждет.

Конан почувствовал, как кровь опалила жаром щеки. Как это понимать? Ловушка? Но если колдун знал о его местонахождении, он давно мог бы его уничтожить.

Кряхтя с досады, Конан поднялся. Помощник колдуна едва доставал ему до подмышки. Молча, не оглядываясь, он пошел к башне. Конан зашагал следом; щеки горели от стыда — сидел в засаде, как пятилетний ребенок, решивший спрятаться от родителей, чтобы его не наказали за съеденную крынку меда! Позор!

Против ожиданий, башня колдуна оказалось просторной и светлой, хотя окон в ней почти не было, только узкие щели под самой крышей.

— Я сделал светящиеся стены, — ответил волшебник на невысказанный вопрос. Был он высоким, гибким и довольно молодым. Карие глаза смеялись. Черная борода, без примеси седины, ровно и аккуратно подстрижена.

— Проходи, садись, Конан из Киммерии, так, кажется, тебя зовут в твоем мире, — колдун указал на резное кресло из темного дерева.

Рядом стоял небольшой стол, накрытый для легкого обеда: в прозрачных, чистых, как бриллиант, кувшинах — вино, в вазах — фрукты.

— Угощайся, — колдун был настроен добродушно и выглядел, как обычный человек. Чем-то напоминал Эскилампа.

Конан налил в прозрачную же кружку вина и выпил единым духом. Колдун по-доброму засмеялся. Затем, вмиг стал серьезным.

— Ты встречался с драконом. Надеюсь, ты понимаешь, что драконам верить нельзя, даже если они стары и умирают?

Конан вопросительно поднял бровь. Волшебник продолжал:

— Драконы настолько лживы, насколько злобы! Даже изыхая, стараются погубить других. Готов поспорить, что он рассказал про меня ужасные вещи.

— Он сказал, что это ты выдернул меня сюда!

— Тут он не солгал...

— И посоветовал оглушить тебя и подвесить над огнем.

— Зачем? — искренне изумился колдун.

— Чтобы ты не смог сделать очередную пакость.

— Вот как раз, пакости делал он! А я только и занимаюсь тем, что предотвращаю их последствия! Мы таким образом существуем уже не одну тысячу лет.

Конан допил вино и надкусил диковинный, невиданный им ранее фрукт.

— Почему же ты не сразился с ним открыто?

Фрукт был похож на яблоко, но имел вкус банана.

— Открытая схватка не имела смысла. Вместо него пришлют другого дракона, или, вместо меня — другого колдуна.

— Кто пришлет?

— Те, кто правит за Кругом. Там тоже идет противоборство, как и везде.

Конан слегка поморщился. Бананы он не слишком любил. Не попробовать ли вот этот?.. Только вначале, нужно попробовать вино вон из того кувшина...

— Зачем ты меня сюда перенес?

— Я тебя спас. Колдун Чандлер — смотритель части вашего мира — погиб сразу после того, как обнаружил тварей, появившихся из-за Круга. Их оказалось слишком много. Он не смог справится. Если бы я тебя не перенес, ты был бы уже мертв. Хуже того — ты бы служил ИМ, будучи мертвым.

Волшебник, пригубил вино, задумчиво качая головой.

— Я думаю, теперь вместо Чандлера будет Эскиламп. Он уже вполне созрел. Возмужал, полностью освоился. А ты должен ему помочь.

— А если я не хочу ввязываться в ваши дела? — Конан налил вино из третьего кувшина, пригубил, одобрительно кивнул, и выпил до дна.

— Тебе придется, Конан. От твоего желания ничего не зависит. Во всех мирах идет борьба. В вашем — тоже. Обе стороны привлекают самых лучших — и колдунов, и воинов.

— И когда же она кончится, эта борьба?

Волшебник удивленно глянул на собеседника:

— Никогда. Она будет продолжаться вечно. Только так и можно поддерживать равновесие.

— Ясно, — кивнул Конан, выбрав из чаши гроздь винограда.

— Поэтому, если ты отдохнул и закусил, я немедленно отправлю тебя на помощь Эскилампу. Он уже все знает.

— Я не попробовал вино еще из двух кувшинов. Да и хотелось бы закусить получше... Мясо у тебя есть? И простой, черный хлеб?

Колдун засмеялся — совсем, как Эскиламп — и хлопнул в ладоши. Помощники накрыли стол более основательно. Конан втянул запах жареного мяса и одобрительно хмыкнул.

5

Обратный переход совершился без тошноты и головокружения. Конан стоял перед входом в таверну толстого Асланкариба. Двое пьяных, ошарашенные его появлением, таращили мутные глаза.

Не раздумывая, он вошел в заведение. Жирный хозяин угодливо поспешил принести вина и стоял рядом, не то желая что-то сказать, не то ожидая приказаний.

— Ну, что у тебя за дрянь?! — Конан брезгливо отставил кружку.

— Прости, господин, но это самое лучшее... — глазки трактирщика испуганно забегали.

— Только что я пил вино... вот это был вкус!

— Только что?..

— Неважно, — Конан отмахнулся от Асланкариба, как от назойливой мухи, — скажи, Эскиламп у тебя не появлялся?

— Нет, давно его не видел... А с тобой, хотел поговорить мой партнер. У него, кстати, и вино получше!

— Ну, что ж, пошли, — Конан поднялся и направился к выходу. Трактирщик семенил следом.

Курдебек встретил гостей ласково и предупредительно, однако, благодарно посмотрев на компаньона, все же кивнул в сторону двери. Асланкариб тут же засобирался — таверну нельзя надолго оставлять без присмотра. Купец провел Конана в зал для приема гостей и усадил за богато накрытый стол.

— Садись, гость дорогой, отведай моего вина, фруктов...

Выждав положенное время, Курдебек заговорил о том, что его интересовало.

— А скажи мне, Конан... Моя партнерша из далекой страны Куш... Итилия... Она действительно так прекрасна, как говорят? Ты ведь ее видел?

Конан, отдав должное угощению, откинулся на спинку кресла и задумчиво устремил взгляд в пространство.

— Да, она очень красива.

— Расскажи мне о ней, — попросил купец, и так, как киммериец молчал, добавил, — я хотел бы ее увидеть...

— Чтобы ее увидеть, нужно самому отправиться с караваном. А словами ее трудно описать... Да и не мастер я рассказывать.

— Я понимаю — ты воин, — Курдебек был противен самому себе, но ничего не мог поделать. Заискивающая манера будто прилипла к нему в беседе с этим варварам.

— Черные, как смоль, волосы... — начал Конан, — распущенны по плечам... Черные глаза... Загорелое лицо и тело...

«Чертов варвар, — Курдебек чуть не лопнул от злости, — он спал с ней! Конечно... он такой... такой... воин, мужчина. Но ведь и я не старик! Она должна меня полюбить!»

— Я собираюсь поехать к ней и предложить объединить наши деньги, дома... Словом, хочу взять ее в жены. «И зачем я ему это говорю? Зачем я вообще его позвал? Чтобы он подтвердил, что она красива? Я и так это знал...»

— Желаю удачи. «Еще один выгодный жених добавится в кучу отвергнутых».

— Ты согласишься сопровождать меня, в качестве охранника? «Что я делаю?! Зачем он мне там нужен?!»

— Не могу. У меня неотложные дела. «Только недавно вырвался из ее объятий».

— Жаль. Очень жаль. «Хватит заискивать перед этим варваром!»

Взгляд купца вдруг показался Конану странно остекленевшим. Нетвердой рукой Курдебек взял бокал с вином, пригубил, поставил на стол.

— Но все же, — продолжал купец странно из-

менившимся голосом, — если я очень хорошо заплачу? «Что со мной?! Я будто засыпаю!»

— Нет, не могу. «С чего это он так резко изменился?»

— Я заплачу столько, сколько ты скажешь! «Мой разум словно окутан ватой... Я говорю не то, что хочу...»

— Не могу, не обижайся. «Он хочет меня увезти подальше от...»

— Деньги, камни — все, что захочешь! «Я умираю... моими устами говорит кто-то другой...»

— Мне пора, — Конан поднялся, пристально глядя на купца. Он был уверен, что так просто уйти не удастся.

Купец явно хотел увезти его из страны. Зачем? И почему остекленели его глаза? Изменилась манера говорить? Будто говорил не он, а кто-то другой... Будто...

Конан вспомнил о многоножках, управляющих телами своих жертв. Колдун в том, другом мире, сказал, что тварей прорвалось слишком много!. Не сидит ли одна из них внутри его собеседника? Что делать, если это так? Убить его и раздавить выползшую тварь? Но убить уважаемого купца... А в многоножку никто не поверит!

— Мне пора, — повторил он, ожидая реакции Курдебека-зомби.

Как ни странно, ему позволили уйти. Купец только рассеянно кивнул, оставшись сидеть и не проводив гостя. Конан окончательно убедился, что перед ним уже не человек. Ибо уважающий себя хозяин всегда проводит гостя до дверей, по-

желает счастливого пути, здоровья и благополучия.

На улице, у дверей купеческого дома его встретил Эскиламп.

— У нас очень много дел, Конан. Ты в курсе событий?

— Подозреваю, что в купца Курдебека вселилась многоножка.

— Значит, в курсе, — оживился колдун, — не потребуются долгие объяснения.

Они шагали по опустевшим улицам Шадизара. Черный плащ волшебника развивался, как пиратское знамя. Он шел так быстро, что даже Конан, с его огромными шагами, с трудом за ним поспевал.

— Почему это вдруг на улицах ни души?

— За время твоего отсутствия тут много чего произошло...

— И ты теперь вместо Чандлера?

— Да. Это был великий волшебник... Слишком много их навалилось... Он не успел подготовиться... Странно — у него же был огромный опыт.

— Что-то слишком многое стало в последние времена странным, — с неудовольствием сказал Конан.

Эскиламп, против обыкновения не смеялся и не улыбался. Был мрачным и хмурым. Конан посмотрел с тревогой. Устал? Навалились заботы? Или... Не хотелось бы думать... Колдун поймал взгляд друга и улыбнулся.

— Нет, я пока еще не зомби. Но никто не знает, что будет с нами завтра.

— Куда мы идем?

— За город. Не может же Гаэланда опуститься посреди Шадизара!

— Опуститься-то как раз сможет, — усмехнулся Конан, — вот, только что будет потом...

Эскиламп промолчал. Что-то напряженно обдумывал. Замолчал и Конан. Не стоит мешать волшебнику обдумывать план предстоящего сражения. И все же, где-то внутри шевелился маленький червячок подозрения — уж слишком он сегодня не похож на себя.

— Как там, твой ученик? — через некоторое время, не без умысла спросил Конан.

Интересно, помнит ли многоножка то, что знал и помнил человек? Если Эскиламп одержим созданием из-за Круга (что это за Круг такой?), то он может и не знать про чернокожего мальчика Ариана — его ученика.

— Ученик? — рассеянно переспросил колдун. — А... ученик... Ариан... У него все идет хорошо. Осваивается, понемногу...

Ответ не внес ясности. Наоборот — внес сомнения. Складывалось впечатление, что многоножка покопалась в разуме своего зомби и выдала ответ. Конан мысленно выругался. Если и Эскиламп...

Вышли, наконец, за городскую стену. Колдун уверенно зашагал к ближайшей роще.

— Лошадка там, — он кивнул на раскачивающиеся деревья, — похоже, катается на травке.

Конан отметил, что волшебник не засмеялся. Раньше — непременно залился бы смехом. Слиш-

ком серьезно положение? Вторжение существ из другого мира... Тут, конечно, не до смеха.

«Лошадка» Эскилампа — крылатый ящер с красивой кличкой Гаэланда катался, подминая молодые деревья. Узрев приближающихся людей, он встал на кривые лапы и вытянул морду, принююхиваясь. Затем вдруг раскрыл клыкастую пасть и зашипел. Конан помнил, что ящер его, мягко говоря, недолюбливал, как, наверное, и всех остальных людей, исключая взрастившего его хозяина. Но на сей раз, он шипел именно на него.

— Не узнал, — натянуто засмеялся Эскиламп, — ничего, сейчас принюхается и узнает.

Ящер действительно непрерывно втягивал воздух и ноздри его, то расширялись до размеров пивного бочонка, то схлопывались, как раковины устрицы. Эскиламп медлил.

— Похоже, это он тебя испугался, — колдун глянул на Конана с неприязнью, — тебе лучше отойти...

Киммериец стоял неподвижно.

— Отойди! Иначе, он может броситься!..

Конан молча обнажил свой огромный, сверкающий вороненой сталью меч. Всегда веселые глаза Эскилампа заметались.

— Ты должен мне верить! Ящер просто не узнал меня!

— Такого не может быть, — острье клинка коснулось горла волшебника. Эскиламп застыл. Ящер продолжал шипеть и клацать зубами. Роща затихла. Умер ветер, замолкли птицы. Только

шипение огромного крылатого существа нарушило теперь эту странную тишину.

— Ну-ка, произнеси хоть одно заклинание и пусть оно подействует, — холодно бросил Конан. Теперь он был уверен. Реакция ящера не оставляла сомнений.

Гаэланда зашипел сильнее. Стоящий перед Конаном человек — или его подобие — стал меняться. Поплыли, как размазанные краски, черты лица, удлинились руки, ноги стали массивнее и короче. Огромные, кривые когти прорвали сапоги.

— Убей его, Конан, — послышался далекий голос, — убей, это существо из-за Круга...

Не раздумывая, Конан взмахнул мечом, и безобразная, рогатая и клыкастая голова, покатилась по траве, пачкая ее чистую зелень черной, пузырящейся кровью. Еще раз сверкнул меч, и туловище монстра оказалось распластанным надвое.

— Теперь садись на Гаэланда, — голос Эскилампа раздавался, казалось, откуда-то сверху, — он отвезет тебя ко мне... к нам. У нас тут жарко, так что — приготовься.

С отвращением глядя на дергающиеся останки убитого существа, Конан вытер клинок о траву и приблизился к ящеру. Нахмутившись, нехотя вложил меч в ножны.

Только боги могут знать, как себя поведет без хозяина это чудовище — любимый «конь» Эскилампа. Помнит ли он его, Конана? Помнит, что несколько раз возил его на своей горбатой спине?

А если не помнит — не решит ли победить? Однако теперь ящер был настроен, казалось, благодушно. Он позволил Конану влезть на спину, разбежался и взмыл в небо.

Облака белыми башнями плыли где-то далеко внизу. Нестерпимо яркое солнце слепило глаза. Гаэланда мерно работал крыльями, изредка посматривая по сторонам, как беспечная птичка. Конан, как и раньше, крепко держался за нарост на костлявой спине ящера. Бивший в лицо ветер, превратился в ураган, когда «конь» сложил крылья и ринулся вниз. Облака туманом пронеслись мимо, и перед взглядом киммерийца открылось поле боя.

Зеленая, окруженная невысокими холмами долина, которой, казалось, сами боги положили быть местом отдыха, превратилась в кровавый ад. Лязг стали, вопли раненых и умирающих, рев, визг, боевые кличи доносились даже до Конана, оглядывающего долину с высоты птичьего полета. Отряды закованных в броню рыцарей местами теснили, но чаще сами были теснены противником. На одном из флангов бились наемники. Вместо тяжелой брони они предпочитали кольчугу. Были более маневренны и слажены в бою, нежели аристократы-рыцари. Ящер, снизившись, летал кругами, очевидно, высматривая хозяина, и Конан смог хорошо разглядеть противника. В основном это были клыкастые и когтистые чудища — главная ударная сила тварей из-за Круга. Но среди них попадались и люди, во всяком случае, внешне похожие на людей суще-

ства. Несколько таких рыцарей — закованных в черные, отливающие синевой латы — были, очевидно, командирами отрядов, состоящих из чудовищ. Конан слышал команды, выкрикиваемые ими на чужом языке.

Ящер увидел хозяина и, издав звук, похожий на тоскликий скрежет собаки, опустился на поляну перед шатром, рядом с которым стоял одетый во все черное Эскиламп. Конан соскочил с костяной спины и подошел к волшебнику. Тот отдал последние приказания вестовым и повернулся к товарищу.

— Ты как раз вовремя. Нас, как видишь, теснят на всех флангах. Принимай командование. Власти Заморы возложили эту почетную обязанность на меня, а я могу брать в помощники кого захочу!

— Вряд ли рыцари меня послушают, — Конан внимательно осматривал поле боя.

— Они и меня не слушают, — засмеялся Эскиламп, — они, правда, сражаются доблестно и оттягивают на себя основные силы противника. И то хорошо. Командуй наемниками. Вместе с ними, кстати, сражается и Култар... если еще жив. Сейчас тебе приведут самого лучшего коня. А пока расскажи, как ты догадался, что у таверны тебя встретил мой двойник?

— Он не смеялся, был рассеян, не точно отвечал на вопросы! — Конан все смотрел на поле боя.

— Они — что? Все вылезли из-за того самого Круга?

— Нет, вылезли колдуны, черные рыцари и многоножки. Трансформировали наших животных в монстров. И... вот результат!

— Скажи, там только чудовища или среди них есть и колдуны?

— Колдунов я подавил почти всех. А специальный отряд их уничтожил. Остался один — главный. Если его убить — монстры упадут замертво. Его волю я подавил, но к нему не могут пробиться: слишком сильна охрана. Вся надежда на тебя.

Подвели огромного вороного коня, закованного в блестящие на солнце латы.

— Это конь одного павшего рыцаря, — грустно сказал Эскиламп, — садись и пробивайся к наемникам. Их, как видишь, уже окружают. Пробьешься — тогда веди оставшихся в живых клином на ставку противника, вон там, на холме, — он указал тонкой рукой на восток, где черной точкой виднелся шатер, — убьешь главаря: мы победили.

— Ну, что ж, повеселимся! — Конан вскочил на коня и обнажил меч.

— Попспеши! Я не могу долго держать их главного колдуна — он слишком силен.

Окруженные со всех сторон наемники, образовали круг и стойко отбивали атаки. Когтистая нечисть лезла напролом, не считаясь с потерями. Три черных рыцаря стояли поодаль и непрерывно выкрикивали приказания. А, может, просто подбадривали свою чудовищную рать. Подъезжая к полю браны, Конан увидел, что обстановка

изменилась к худшему. Аристократы-рыцари почти все были перебиты, наемники держались из последних сил. Флангов более не существовало — были островки сопротивления, окруженные кишащей нечистью.

С боевым кличом варвара Конан напал на ближайшего черного рыцаря. Тот не ожидал атаки с фланга и был зарублен, прежде чем успел сообразить, что происходит. Остальные двое лавиной ринулись навстречу неожиданному противнику. Конан успел заметить, что вооружены они короткими, тяжелыми мечами. Значит, нужно лавировать и попытаться использовать преимущество своего длинного клинка. Не допускать ближнего боя, тем более, с обоими сразу. С гиканьем поскакав навстречу противникам, Конан в последний момент увел коня в сторону и, вытянув руку, достал мечом второго рыцаря. Его украшенный черными перьями шлем, вместе с головой покатился по истоптанной, политой кровью земле. Из обезглавленного туловища хлестала самая обычная, красная кровь. Оставался еще один — из тех, что командовали тварями, атакующими наемников. Он остановился и зычно закричал на отрывистом, ломанном, лающем языке, очевидно призывая на помощь своих чудовищных воинов. Конан напал на него, не теряя времени. На сей раз, схватка длилась несколько долгих минут. Рыцарь умело отбывал удары и наносил внезапные уколы из неожиданных позиций. И, все же, прежде чем клыкастые монстры сообразили, что хозяину требуется помощь, Ко-

нан проткнул его мечом, одним мощным ударом пробив, и латы, и кольчугу.

Наемники, увидев пришедшего на помощь воина на вороном коне, так быстро расправившегося с командирами чудовищ, перешли от обороны к атаке. Конан со своей стороны врезался в толпу нечиисти, раздавая удары направо и налево. Разорвав кольцо нападающих, он крикнул:

— Я послан Эскилампом. Нужно пробиться к ставке врага!

Наемники, издав дружный клич, разом устремились на противника. Киммериец заметил, что чудовища, после смерти командиров стали вялыми и неповоротливыми. Наемники теперь справлялись с ними без труда.

— Конники, за мной! Строимся клином!

Наемники вмиг выстроились за его спиной боевым клином и ощетинились копьями и мечами. Эти профессионалы, свирепые в бою безжалостные убийцы хорошо знали свое дело. От четкой слаженности зависела их жизнь, и каждый воин-наемник понимал это как нельзя лучше. Конан был уверен — идущие за ним не прогнут, не подведут, не остановятся. Даже смерть — встань она на пути — огромная, безглазая, с косой в костяных руках — не смогла бы остановить этот поток рычащих, ревущих, бешеных убийц.

С замиранием сердца наблюдал Эскиламп за продвижением отважных воинов. Словно морской корабль, рассекающий пенистые гребни, разрезал оборону врага отряд наемников во главе с огромным варварам-киммерийцем. Вот отбро-

шены на обе стороны крылатые змеи с шипастыми хвостами, смяты собакоголовые, поросшие густой шерстью, обезьяны с дубинками в корявых лапах, осталась только прорвать кольцо черных рыцарей — личную охрану колдуна.

Кровь текла из прокущенной губы Эскилампа, посылающего импульсы силы и ярости в подмогу измотанным воинам. Кровь брызгала из-под меча Конана, с плеча рубившего шипящую нечисть. Кровью давно были окрашены клинки и копья наемников, их лица и доспехи. Кровавый след тянулся за отрядом, обильно смачивая и без того сырью, утоптанную землю. Время застыло...

Эскиламп, стискивая тонкие руки, выкрикивает заклинания... Изрядно поредевший клин продвигается вперед... Свалка у самого шатра... На помощь охране идут чудовища... Нападают со всех сторон... Продвижение клина замедляется... Они останавливаются!.. Их теснят! Пытаются отбросить назад... Заклинания, дарующие силу!.. Вперед! Не отступать! От этой атаки зависит судьба нашего мира!

Битва кипит с новой силой. Волшебник кричит, мир содрогается, реальность изгибаются, дрожит зыбким маревом... Вперед, киммериец! Если тебя ранят, или убьют — мир погибнет! Вперед! На тебя, на твою силу, на твое умение, ловкость, быстроту — вся надежда! Вперед! Убей врага! Достань его! Убей!

Конан бьется уже у самого входа. Ворвался в шатер! Оставшаяся горстка наемников, отражает яростные атаки нечисти... Есть! Киммериец выез-

жает из шатра, поднимая на острие меча рогатую голову главного колдуна! Победа!

Эскиламп обессилено опускается на траву. По всему полю падают и бьются в судорогах чудовища. Оставшиеся в живых наемники что-то кричат. Конан скакет, выставив голову врага на всеобщее обозрение...

* * *

Столы были накрыты прямо на центральной площади Шадизара. Всеобщее веселье не омрачали даже большие потери среди доблестных рыцарей, составляющих цвет воинства города. Огромные бочки лучшего вина стояли меж столами, и каждый мог наливать сколько захочет. Туши быков и баранов жарились на вертелах над огромными кострами. Слуги и рабы не успевали подавать вино и закуску. Музыканты играли так радостно и громко, что говорящий с трудом слышал собеседника. Но это было и неважно! Каждый, прежде всего, говорил сам! Говорил, смеялся, радовался, пил и ел!

И как-то все забыли, что командовал битвой волшебник Эскиламп, а главаря врагов убил варвар Конан, чудом прорвавшийся сквозь заградительное кольцо охраны. Может, потому, что друзья не стали садиться среди знати и говорить велеречивые тосты. Конан, Эскиламп и Култар — весь в сочащихся кровью бинтах — скромно уселись среди солдат-наемников, пили наравне с ними и ели так же, как они — отрывая зубами кус-

ки дымящегося, истекающего соком мяса. Потом запивали вином из простых глиняных кружек, громко смеялись и вместе со всеми радовались избавлению от нечисти, коварно проникшей в наш ласковый, светлый мир из-за Круга.

Заклятие целомудрия

олнце подползло к зениту, и в известном трактире «Зеленый змей», что находится неподалеку от гавани Асгалуна, было тихо. Хозяин меланхолично протирал кружки за стойкой, время от времени поглядывая на бурно хранившего огромного киммерийца, который спал в противоположном углу под столом.

Варвар завалился в «Змей» посреди ночи, выпил огромное количество вина, буйнил и угомонился только под утро. Будить его никто не решался — ни прислуга, ни хозяин — хотя оставалось не так много времени до сиесты, когда трактир заполнят портовые грузчики, мечтающие о горячем обеде с непременной заветной кружечкой. Им вряд ли понравится громко спящий киммериец...

Трактирщик задумчиво почесал бороду. Нет, будить варвара он не будет. Это желание пропа-

дало при одном взгляде на огромные кулачищи. С другой стороны убирать его как-то надо. И, как назло, Жирный Али — местный вышибала — уже второй день отлеживался дома после грандиозной драки. Да, слава у заведения не слишком хорошая, но трупы с утра — это уже слишком. Несомненно, портовая братия не потерпит чужака, к тому же киммерийца, нагло дрыхнувшего на полу, а варвар не потерпит пинков и оскорблений. Особенно с похмелья. Тем более трактирщик видел, как оный варвар, назвавшийся Конаном, умеет драться. Вчера он одним ударом уложил здоровенного немедийца, божившегося, что в родном Бельверусе стража обходит его за квартал, а кабацкие вышибалы сереют, покрываются липким потом и трясутся. А потом вышиб дверь и два окна тремя наглыми заморийцами, которые попытались надуть его при игре в кости. Любой подтвердит, что это была очень плохая и безумная идея...

Надо что-то делать, но что? Трактирщик в сердцах плонул на свежевымытый пол. Может все-таки попробовать самому? Он еще раз глянул на киммерийца, на его меч, кулаки... Желание подставляться под гнев сумасшедшего варвара сразу же пропало. Хозяин вытер пот со лба и в отчаянии дернул себя за бороду. Боги! Ну хоть вы помогите! Подскажите, что, ну что мне делать?!

В это мгновение новенькая дверь «Зеленого змея» — с утра поставили — осторожно приоткрылась. На пороге, переминаясь и нервно тис-

кая в руках маленький кошелек с вышивкой на растительные мотивы, стояла маленькая женщина, укутанная в свободный черный плащ с капюшоном, сейчас откинутым. Ее лицо, опухшее от слез, выражало крайнюю степень отчаяния. Пока трактирщик собирался с мыслями, все еще занятые проклятым варваром, гостья сказала неожиданно твердым и резким голосом:

— Мне нужен киммериец называющий себя Конаном. Говорят, он ночует в вашем заведении?

Хозяин «Зеленого змея» понял, что боги все-таки есть и мысленно дал клятву совершить обильные жертвоприношения.

— Вас не обманули, госпожа, — ответил он, не в силах согнать с лица широченную улыбку. — Нужный вам киммериец валяется вдрызг пьяный во-он в том углу...

* * *

Конан стоял возле окна и, задумчиво теребя подбородок, наблюдал, как парни из его шайки седлают лошадей. Было раннее утро. Солнце только-только показалось из-за горизонта, начиная свой ежедневный путь по небосводу. В оазисе Ходжар, что в двух днях пути к восходу от Асгалуна, еще почти все спали. Киммерийцу и его четверым спутникам это было только на руку. Дело, которое они замышляли не требовало общественного внимания. Скорее наоборот. Чем меньше людей будет знать об этом, тем лучше.

...Конан и компания, которую он набрал в Ас-

галуне, разбойничали. Они мотались между городом и вышеупомянутым оазисом, высматривая незадачливых — или слишком жадных — купцов, которые имели неосторожность путешествовать в одиночку с небольшой личной охраной. Таких, надо сказать, было не слишком много, большинство предпочитали не рисковать и пускались в путь с большими караванами. За месяц попался, скажем прямо, всего один глупец, ехавший из Хоршемиша с тремя слугами и небольшим грузом пряностей. Незадачливый купчишка сразу упал на колени, умоляя сохранить ему жизнь. Посоветовавшись, решили с товаром не возиться, забрать только деньги. Что и сделали. Купцу Конан дал на прощание пинка и отпустил с миром. Денег оказалось не слишком много, но на ежевечерние пьяники пока хватало.

Так продолжалось еще две недели. И, вот, когда киммериец уже собирался бросить это не слишком выгодное занятие и податься в корсары, удача им улыбнулась. В оазисе было всего два строения: огромный караван-сарай и трактир «Три пальмы». В трактире останавливались богатые путешественники. Или разбойники вроде Конана.

Вчера под вечер здесь появился молодой, худой как скелет, туранец в сопровождении трех мордоворотов самого зверского вида. Туранец поужинал, обильно запивая трапезу дорогущим огирским вином, и отправился спать. А хозяин «Пальма», старый хитрый шемит Хасан, не брезговавший скучкой краденного, сообщил Конану,

что у вновь прибывшего водятся денежки и, судя по всему, не малые. Кроме того, он прибыл один, а не с караваном и направляется в Асгалун. Киммериец его прекрасно понял и поблагодарил полуимпериалом...

— Знаешь, Конан, я тут подумал... — Хасан вышел из кухни, на ходу вытирая руки фартуком. — Не стоит вам с ним связываться. Явно неспроста он путешествует всего с тремя слугами...

Конан оторвался от созерцания и резко оборвал его:

— Не твоего ума это дело. Не лезь, куда не просят. За сведения спасибо, а дальше мы сами разберемся! Счастливо оставаться...

Он развернулся и вышел, хлопнув на прощание обиженно заскрипевшей дверью...

...Конан давно приметил весьма удачный бархан в трех лигах от Ходжара. Удачный для засады. Там шайка и стала ждать туранца. Посоветовавшись, решили, что двое остаются сзади с арбалетами, а трое идут в ближний бой. Ждать пришлось до полудня. Конан даже успел вздремнуть. И даже начал беспокоиться, как бы жертва не осталась ждать караван с Кхитая, который в оазисе ждали к вечеру.

— Едут, — раздался взволнованный шепот.

Разбойники, разомлевшие на полуденном зное, встрепенулись.

Туранец со спутниками ехали медленно. Поразительная беспечность, подумал Конан. Да у него и в мыслях нет, что тут могут быть разбойники. То есть мы. Усмехнувшись, киммериец вы-

нул меч и с громким воплем пришпорил коня. Его крик заглушил звонкие щелчки арбалетов. Один из слуг с пробитой головой рухнул на песок. Конь туранца взвился на дыбы и с диким предсмертным ржанием рухнул на бок. Его хозяин вылетел из седла, покатился по песку, но тут же вскочил на ноги и выхватил кривую саблю. Конан, не прекращая орать, решил атаковать его.

— Остановись! Ты не знаешь, кто мой хозяин! — выкрикнул туранец.

— А мне все равно, — буркнул Конан и, широко размахнувшись, ударил, вложив всю силу.

Туранец попытался парировать, но сабля не выдержала и треснула пополам. Меч, продолжая движение, с хрустом врубился в ключицу. В лицо киммерийцу брызнула кровь. С протяжным стоном туранец упал, разрубленный почти надвое.

Конан быстро вытер кровь и огляделся. Все было кончено. Один противник лежал неподвижно с разбитым булавой черепом. Другой, поскучливая, крутился на песке в агонии, зажимая ладонями распоротый живот.

— Как по маслу! — восторженно крикнул обладатель булавы, спешиваясь. С бархана уже съезжали арбалетчики...

— Так! Двое перетаскивают трупы подальше в пустыню. Присыпьте их там песочком, чтобы в глаза не бросались. Остальные хватают лошадей, и за бархан! — скомандовал киммериец и уже тише добавил: — Посмотрим, чего мы добыли.

Добыча и впрямь оказалась великолепная. Даже Конан восторженно разинул рот, когда из

двух внушительных мешков посыпались полновесные о菲尔ские денарии! Пока его компании с каким-то благоговением раскладывали деньги по пяти кучкам, он открыл сумку туранца. В ней оказались: небольшой мешочек с драгоценными камнями, три небольшие серебряные статуэтки — слон, леопард и четырехрукая девушка со злым лицом, а также огромный ограненный рубин размером с кулак киммерийца. Таких огромных он раньше не видел. Подумав, Конан решил не провоцировать товарищей на междуусобные распри и незаметно перекинул все в свой походный мешок.

— Конан, тут по двести монет на рыло!

— Ну что, парни, в Асгалун? Начнем пожалуй с «Королевского обеда», давно мечтал там покутить!

* * *

— Конан, проснись! — женский голос доносился откуда-то издалека, словно из Китая. Сознание возвращалось рывками, киммериец всплывал из донельзя мутной и грязной речки пьяных сновидений. Зовущий голос приближался и обретал звучность и очертания... На голову полилось что-то холодное. Конан зафыркал и встал на четвереньки. С трудом разлепил веки и попытался осмотреться. Перед глазами все плыло, виски сдавил железный обруч, во рту стоял гадостный привкус блевотины. Киммериец застонал и попытался подняться. Ударился головой о стол,

сморщился, медленно выполз из-под него и сел, привалившись спиной к стене. Варвар все еще не мог понять кто он, где находится и что вообще происходит.

— Вина! — прохрипел он, обеими ладонями растирая лицо.

Кувшин появился перед его лицом словно из пустоты. Конан трясущимися руками схватил его и начал пить, судорожно вздрагивая и подергиваясь. Вино было легкое и вкусное, кажется из Аргоса. Впрочем, киммерийцу было не до этого. С каждым глотком к нему возвращалась бодрость духа и ясность мысли. Наконец, он сделал последний глоток и швырнул кувшин в стену. Трактирщик только охнул и, на всякий случай, пригнулся.

Конан поднялся и огляделся. К нему постепенно возвращались смутные воспоминания последних дней.

— Эй, хозяин! Еще вина и пожрать, — гаркнул он и обратился к женщине все это время терпеливо ожидающей, пока он придет в себя. — Уфф! Чего тебе от меня надо в такую рань? И, кажется, я тебя не знаю... Но все равно присаживайся.

— Господин Конан, — начала женщина, аккуратно присев, на самый краешек грубой деревянной скамьи, — у меня случилось такое страшное несчастье. Мою единственную доченьку вчера похитили...

— Ну а я-то здесь причем? — хмыкнул варвар, потирая затылок, в котором все еще сидела тупая ноющая боль. — Или ты думаешь, что это я

похитил ее? Я, конечно, плохо помню события последних дней...

— Да нет, что вы! — замахала руками несчастная. — Мне просто посоветовали обратиться к вам, как хорошему воину. Кроме того, мне сказали, что вы неплохо знаете местных воров, работорговцев и прочих разбойников...

— Кто это сказал?! — взвился Конан. — Да я, наверно, самый честный человек в этом гнилом городишке!

— Нет, нет. Не подумайте... — женщина покраснела, опустила голову и тихо произнесла: — Просто я не знаю, что делать... На стражу нет никакой надежды... Я заплачу...

— Послушай-ка меня, — сказал варвар, принимаясь за бараньи ребрышки, которые наконец-то притащил трактирщик. — Мне нет никакого дела до судьбы твоей дочки. Не видишь что ли, я отыхаю! Да и денег у меня полно...

Сказав последнюю фразу, Конан вдруг засомневался и полез за кошелем. Женщина говорила что-то еще умоляющим тоном, но он ее не слушал. Кошеля не было. Варвар полез в карманы штанов, попутно обнаружив, что кольчуга и куртка пропали вместе с кошельком, а рубаха, когда-то белая, грязнее половины тряпки в лачуге запойного пьяницы. В карманах обнаружился одинокий денарий и четыре шелонга. Конан потрясенно смотрел на жалкие остатки своего богатства. Хорошо, хоть меч не потерялся.

— Хозяин! Я вчера на лошади приехал?

— Нет, господин, вы пришли пешком, изряд-

но пьяные, — трактирщик не смог сдержать ухмылку.

— А кольчуга на мне была?

— Нет. Кроме того, что на вас и при вас сейчас, ничего не было.

Конан помрачнел и шумно вздохнул:

— А друзья со мной были?

— Нет, вы пришли один.

Да, было над чем задуматься. Конан хлебнул вина и, скав голову руками, попытался вспомнить события последних дней. Или недель? Женщина все правильно поняла и замолчала, украдкой всхлипывая, но совсем тихонько...

...Начиналось все довольно прилично, первые дни они пили в дорогих заведениях, пугая своими зверскими рожами респектабельную публику... Дальше все сливалось в жутковатом калейдоскопе. Киммериец ел и пил без промежутка, кочуя из трактира в трактир. Он просыпался рядом с незнакомыми женщинами, которые просили у него денег... В какой момент отселялись его товарищи он вспомнил так и не смог. Как не смог вспомнить куда подевались все деньги, а также и камни, и статуэтки, и огромный рубин. Вряд ли возможно пропить столько за две... нет, за три недели. С хвостиком. Нет, Конану было нисколько не жалко этого добра. В конце концов легко пришло — легко ушло. Но вот не помнить, куда ушло — обидно. Ладно, значит надо браться за работу.

— Сколько, ты говоришь, мне заплатишь-то? Если я дочку тебе верну?

— Сто сиклей.

— Ладно... Попробую, — вздохнул Конан, — но половину вперед.

Женщина покачала головой:

— Могу дать десять. Чтобы вы хотя бы купили себе новую рубашку.

— По рукам! — согласился Конан и спросил: — С чего начнем?

Женщина выложила на стол десять шестиугольных монет и подвинула их киммерийцу:

— Купите себе все, что необходимо. Через два колокола я жду вас у трактира «Веселый гвардеец». Вы же знаете, где он находится?

— Конечно знаю, — хмыкнул варвар, который обошел все трактиры в Асгалуне.

В назначенный срок он был на месте в новой рубашке, куртке и кольчуге. «Веселый гвардеец» находился в белой — богатой — части города недалеко от казарм. На Конана косились прохожие, в основном хорошо одетые, но задирать не рисковали. Он же в свою очередь с тоской мечтал о паре кувшинов вина и хорошо зажаренном окороке...

Киммериец не заметил, как возле него появилась наниматательница.

— Вы пришли. Я очень рада, — просто сказала она, изобразив слабое подобие улыбки на измученном лице. — Идите за мной.

Конан, не задавая вопросов, подчинился. Они прошли полквартала и оказались возле большого четырехэтажного особняка.

— Это ваш? — спросил киммериец. — Роскошный. У тебя, похоже, денег куры не клюют!

— Нет, здесь живет мой очень хороший друг, — ответила женщина и трижды постучала в массивную, окованную железом дверь. — К сожалению, он не боец, но обещал добыть сведения о моей доченьке, — она заплакала.

— Ну хватит реветь! — скривился Конан. — Слезами горю не поможешь! Найду я твою дочку, найду. Успокойся...

В этот момент дверь открылась. На пороге стоял мрачный высокий детина в кольчуге и с тяжелой абордажной саблей на боку.

— Следуйте за мной, — хмуро буркнул он.

Через узкий коридор они вышли в большой зал с широкой, покрытой ковром, лестницей куда-то наверх. Их уже ждали. Возле лестницы стоял худощавый аквилонец средних лет в шелковом кхитайском халате, с вышитыми золотом тиграми. Он широко и ласково улыбался. Причем улыбка явно была искренняя.

— Проходите, я давно вас жду! Меллика, не грусти! Все будет хорошо...

Женщина с громким плачем подбежала к нему. Мужчина ее обнял и, ласково поглаживая по голове, что-то зашептал. Конан хмыкнул и решил осмотреться. И ему сразу стало неуютно. Он увидел нацеленные на него арбалеты. В количестве шести штук. Интересно, чтобы это значило, подумал варвар и в его душе зашевелились очень неприятные предположения.

— Мой любезный друг, я хочу вас попросить отстегнуть ножны с вашим мечом, аккуратно положить их на ковер и сделать пять шагов впе-

ред, — все также улыбаясь сказал аквилонец. — И, я вас умоляю, делайте все очень медленно. Мои ребята слишком нервные и на дух не переносят резких движений.

Предположения Конана переросли в уверенность. Отстегивая меч, он спросил:

— Что все это значит? Ты обманула меня, ведьма!

— Ну-ну. Не надо так кричать и напрягаться. Меллика не обманула вас, господин Конан из далекой заснеженной Киммерии. У нее действительно похитили дочь, и я, как ее хороший друг, обещал ей помочь. И помогу.

— Но причем здесь я? — спросил варвар, с тоской услышав, как поднимают и уносят его меч. Но с арбалетами не поспоришь. — Я-то ее дочку не крал...

— Зато вы, мой дорогой, украли кое-что другое, — засмеялся мужчина. — Но обо всем по порядку. Меня зовут Корвус Септимий Ювикус, но вы можете звать меня просто Корвус. Я весьма уважаемый человек в Астгалуне и, даже, не поверите, член городского совета. Кроме того я, в некотором роде, увлекаюсь магией...

Конан скривился и чуть было не сплюнул прямо на дорогой иранистанский ковер. Корвус, заметив его гримасы, засмеялся:

— О! Господин Конан не любит магию? И, наверно, не любит магов? Впрочем, к вашему несчастью, вам какое-то время придется иметь со мной дело.

— Я не понимаю, чего тебе от меня надо, кол-

дун? — не удержался варвар. — Я тебя первый раз вижу.

— Сейчас поймете, мой любезный друг. Перехожу к сути дела, — Аквилонец перестал улыбаться и в его голосе зазвенела сталь. — Почти месяц назад вы и четверо ваших товарищей убили и ограбили моего человека. Помните?

— Нет, — отрезал киммериец и нагло добавил: — Не было такого.

— Ну-ну! Врать и отпираться нет смысла. Впрочем, мне совершенно не нужно ваше признание. Я и так все прекрасно знаю. Конечно, потребовались серьезные усилия... Да, с двумя вашими партнерами я уже пообщался. С одним пришлось поработать очень... тесно. И он этого не пережил, к сожалению. — Корвус тяжело вздохнул, хотя в его ярко-зеленых глазах стояла насмешка. — Второго я отпустил. Насколько я знаю, он уже уехал из города.

— А остальных найти не сумел? — буркнул Конан, которому была любопытна судьба «парней».

— Ну как вам сказать... Один покинул пределы Шема еще до того как я начал расследование, отправился куда-то на полночь. Другой трагически погиб в кабацкой драке. Но сейчас не об этом. Конечно, Ильхан сам виноват. Надо было передвигаться вместе с караванами. А так... Честно скажу, будь я на вашем месте, сам бы его ограбил.

Конан недоверчиво поднял бровь, но ничего не сказал. Похоже что перед ним сумасшедший. Впрочем, как и все колдуны...

— И дело даже не в деньгах. Их у меня много. Как-никак, владею четырьмя золотыми шахтами в Офире! Если бы вы украли только деньги, я бы даже не стал дергаться. Но Ильхан вез нужные мне статуэтки и большой рубин размером с твой кулак, мой дорогой киммериец. Вот их я хочу получить обратно!

Конан только руками развел:

— Я бы отдал их тебе. Если б они у меня были. Видимо, где-то пропил...

— Понимаю, — кивнул Корвус. — Облегчу вам задачу. Статуэтки, мелкие камни и ту часть денег, что вы не успели потратить изъял у вас мой человек два дня назад. А вот рубина при вас уже не было. И, несмотря на все мои усилия, его следов так и не обнаружено. Пока. Камень таких размеров рано или поздно обязательно где-нибудь, да всплывет. Я надеюсь, что вы, мой любезный Конан, прольете свет на данное обстоятельство. Постарайтесь вспомнить, куда вы могли его деть.

— Эх... — вздохнул Конан и привычным жестом почесал затылок. — Не помню... Последние недели как в тумане...

— И это я понимаю. Сам не чураюсь хорошей попойки. Хотя так не пил никогда. Весь Асгалун только об этом и говорит. Ну да ладно. Понимаете, мой дорогой друг, я искренне сочувствую. Но в данных обстоятельствах мне остается только одно — посадить вас в яму. Может прохлада подземелья положительно скажется на вашей измученной вином памяти, как вы думаете?

Конан, и так не очень то веселый, помрачнел еще больше:

— Слушай, колдун...

— Я предпочитаю, когда меня называют магом...

— Неважно. Ты так красиво говорил, так улыбался, денег у тебя много. Может и рубин ты себе новый купишь, а меня отпустишь, а? Вряд ли я и в яме вспомню, куда камень этот проклятый задевал...

На этот раз Корвус смеялся долго. Отсмеявшись и вытерев слезы он, все еще хихикая, ответил:

— Эх, господин Конан... Вы чудовищно, я бы даже сказал варварски наивны. Во-первых, вы причинили мне массу неудобств. И я хочу отплатить вам... той же монетой. Убивать вас я не собираюсь, не в моих принципах. Но неудобства вы испытаете, это я гарантирую. Во-вторых, вы видели тот рубин? Думаете, легко найти нечто подобное? Легко, я вас спрашиваю? А?

— Думаю, не очень, — нехотя пробурчал киммериец. Впрочем, услышав, что смерть ему не грозит, он малость успокоился.

— Вот именно! А мне нужно новое навершие для моего посоха... В общем, сидите и думайте. Может чего и вспомните... Аудиенция закончена. Проводите господина киммерийца в отведенные ему покой!

Всю дорогу у варвара в ушах звучал издевательский смех аквилонаца...

* * *

Яма оказалась каменным мешком с длиной и шириной семь, а глубиной двенадцать футов. Сверху она закрывалась прочной железной решеткой, а стены были гладко отполированы — не ухватиться. Так что побег исключался. К удивлению Конана, там оказалось достаточно удобно. В соломенном матрасе не водилась кровососущая живность, а кормили хоть и обедками, зато с хозяйственного стола. К запаху нечистот киммериец привык в первый же день. Правда было очень скучно. Конечно, варвар пытался вспоминать, но ничего путного из этого не вышло. В итоге, киммериец пришел к выводу, что рубин попросту украли в один из многочисленных моментов, когда он был в стельку пьян. Через неделю ему опустили лестницу и под конвоем арбалетчиков отвели к Корвусу. На этот раз колдун принял гостя в столовой и любезно пригласил разделить с ним трапезу. Конан не заставил себя долго упрашивать. Первое время ели в молчании.

— Ну что, мой любезный друг, судя по вашей немногословности, вам нечего мне сказать?

— Истинная правда, — пробурчал киммериец, не переставая жевать.

— Это очень и очень плохо, — огорчился аквилонец. — Что ж, в таком случае, вам придется выполнить одно поручение.

Конан нахмурился, но ничего не сказал.

— Дело в том, что я обнаружил местонахождение похищенной девушки...

— Как, она до сих пор в городе? — удивился варвар, прекрасно знавший, с какой быстротой проворачиваются подобные дела.

— Я тоже удивился, — кивнул Корвус. — Она находится у Кривоногого Улефа.

— А-а-а... Я знаю этого гирканца, — сказал Конан. — Пили вместе...

— Вот и прекрасно! Сразу после обеда отправляйтесь к нему.

Конан поперхнулся:

— Ты что же предлагаешь мне одному укокошить всю его шайку?

— Я этого не говорил, — пожал плечами аквилонец. — Вы, мой друг, его знаете, вот и договоритесь. Впрочем, если хотите, можете устроить драку. Дело ваше...

— А не проще ли тебе ее просто выкупить? — спросил варвар.

— Нет, — отрезал колдун. — Я последнее время очень много трачу. И средств, и, что важнее, времени. Пора, господин Конан, отработать хоть малую толику.

— А не боишься, что я дам деру? — хмыкнул киммериец. — Что, интересно, сможет меня удержать?

— Удержать вас сможет одно маленькое, но интересное заклинание. Я недавно вычитал его в одной старинной инкунабуле. Заклинание целомудрия! Или Помощь Аскету.

— Это что еще такое? — удивился Конан. — Не надо меня заклинать!

— Надо! — засмеялся колдун. — Тем более,

что вреда от него никакого. Можно сказать польза одна. Вы, любезный, просто не сможете есть мясо и пить вино. Вас, извините, не к столу скажано, будет попросту тошнить. Ну и с женщинами, само собой, ничего не получится. Как ни пробуй...

— Кром! — выдохнул киммериец, совершенно ошарашенный. — Как же я жить-то буду? Чем питаться?

— Хлеб, овощи, фрукты и вода, — ухмыльнулся аквилонец. — Зато отдохнете от разгульной жизни. Кроме того, это же не навсегда. Вернете девушку, вернете рубин и я вас расколдую. А пока уж извините. Так я, по крайней мере, буду уверен, что вы никуда не улизнете. Вряд ли вы сможете долго обходится... Ну, скажем, без женщин! — он загоготал и даже стукнул кулаком по столу от избытка чувств.

Конану было не до смеху. Однако, его мнение по данному вопросу совершенно не учитывалось. Не успел он произнести и слова возражения, как колдун вскинул руки над головой и выкрикнул длинную фразу на непонятном языке. В голове у киммерийца слегка помутилось и... вроде бы все. Варвар машинально поднес кубок к губам и его едва не вывернуло. Сам запах вина стал ему отвратителен. Как и вид жареной баранины на тарелке. Конан в ужасе посмотрел на аквилона. Тот довольно улыбался.

— Ну все, можете отправляться. Внизу вам отдаут ваш меч. Всего хорошего!

...В себя киммериец пришел только оказав-

шись на улице. Такого с ним еще не случалось. Вроде жив — здоров; руки, ноги, голова на месте, а на душе гадостно.

— Все беды мира от магии! Будь она трижды проклята! Кром! Ну почему мне так не везет?

В паршивейшем настроении киммериец поплелся в Черный квартал. Где находится логово Улефа он знал прекрасно — один из его напарников раньше работал на него.

Улеф был низенький, кривоногий (отсюда и прозвище), но широкий в плечах. На плоском лице с узкими глазами — страшный сабельный шрам, придававший и без того некрасивому лицу хищно-демоническое выражение. Он обрадовался приходу киммерийца, и, услышав в чем дело, за-смеялся, хлопая себя по ляжкам:

— Вай, дорогой! Есть такая! Хотел в гарем хану продать. Но ты друг. Тебе отдам. Дешево от-дам. За тридцать сиклей всего. Без всякого бары-ша. Бери!

— Слушай, Улеф, нету денег сейчас, — уныло сказал Конан. В доме находилось человек двадцать, так что шансов решить дело мечом не было. — Отдай мне ее в долг. Очень надо, прошу тебя. Я отdam, ты же знаешь...

— Я бы отдал с радостью, Конан. Но братья не поймут. Я с тобой пил. Они нет. Спросят старого Улефа, почему отдал рабыню чужаку? Что говорить буду? Нет, не поймут! Давай за двадцать пять, а? Ты же богатую добычу последний раз взял... Куда все дел? Или ты меня обмануть хочешь?

— Да пропил я все, что было! А что не пропил, то украли...

Гирканец еще больше развеселился:

— Так зачем тебе сейчас эта девка? Украдешь еще денег, придешь ко мне. Я тебе такую наложницу подберу — закачаешься! Куда лучше!

Конан почесал в затылке и вкратце описал свое незавидное положение. Он ожидал, что Кривоногий будет продолжать веселиться. Но произошло наоборот. Ухмылку как ветром сдуло. Гирканец стал серьезен и предложил:

— Тебе его надо убить.

— А если чары не развеются? Мне до конца жизни целомудренным ходить? Лучше девку мне отдай. В долг.

— Нет, Конан. В долг не отdam. Придется тебе отработать. У меня сегодня встреча с конкурентом. Шакала знаешь? С ним. Твой меч может решить все вопросы, если договориться по-хорошему не удастся. Согласен?

— А куда мне деваться?

Такой поворот событий устраивал киммерийца. Что может быть лучше хорошей рубки во славу Крома? И девушку заодно освободим...

Сходка должна была состояться ровно в полночь. Остаток времени Конан провел у работорговцев в мрачных думах. Не верилось, что он разом лишился почти всех радостей жизни. Поэтому он, в основном, слушал, отдельываясь короткими фразами, если кто-то к нему обращался.

К назначенному сроку Улеф, Конан и еще четверо пришли на Разбойничью площадь — пус-

тырь недалеко от Закатных ворот. Там их уже ждал Большой Папа Юсуф, теневой правитель Асгалуна с двумя десятками людей. Почти сразу же подошел и Шакал со своими бойцами. Главари-конкуренты вместе с Папой отошли в центр пустыря и довольно долго — не меньше колокола — разговаривали. Выглядело это мирно. Ни криков, ни ругани, ни размахивания руками. Киммериец откровенно заскучал. Ему стало казаться, что сегодня обойдется без драки.

Однако, вышло иначе. Улеф вернулся злой, но довольный:

— Сейчас мы покажем этой суке! Готовьтесь, парни. Будет драчка! — вполголоса сказал он. — Сейчас Юсуф все объявит.

И, действительно, Большой Папа встал между врагами и начал:

— Сынки! Договориться вам не удалось. Спор слишком серьезен. Так решите его по Закону. Оружием! С каждой стороны по шесть воинов. Луки, арбалеты и метательное оружие применять запрещено! Бой до окончательного уничтожения одной из сторон. Вперед!

Противники вышли на середину площади и встали шеренгами друг напротив друга. Конан вопросительно посмотрел на Кривоногого. Тот еле заметно кивнул, и варвар с громким воплем ринулся в атаку, слыша, что сзади рванули и остальные...

Спору нет, у Шакала были хорошие воины, достаточно умелые, чтобы выжить в бесконечных уличных схватках в грязи Черного квартала.

Но куда им, детям изнеженного полдня, до сына диких киммерийских гор, где новорожденному мальчику в колыбель кладут меч. Они умели пользоваться своим оружием, а клинок Конана был продолжением его самого. Плоть от плоти его правой руки...

...Он даже не понял, как это произошло. Только что дико орущий гигант был перед ним, а теперь пропал! Удар по спине! Он еще пытался повернуться, но тело уже налилось свинцом, не слушалось, оседало...

За спиной киммерийца упал в чахлую траву первый поверженный враг.

...Конан поднырнул под свистнувший меч. Ударить лезвием он не успевал, пришлось навершием, вышибая зубы, ломая нос, отбрасывая противника на землю. Варвар на ходу метко ударили в горло, пока не опомнился. Второй остался лежать, хрюкая в агонии.

Третий попытался достать киммерийца сбоку, но он играючи увернулся. Пнул врага в колено и, когда тот невольно просел, косо ударил в незащищенную грудь. И сразу же молниеносным обратным движением снес голову...

Битва закончилась...

— Как детей... — буркнул Конан себе под нос.

К нему подошел Улеф, на ходу вытирая саблю:

— Это кровь и дермо Шакала! Я выпустил ему кишки. Он и его бойцы стали падалью, а мы никого не потеряли! Слышишь, киммериец? Никого! Пошли, сегодня в моем доме праздник! Вина, баранины, женщин — ничего не пожалею!

— Эх, Кривоногий, на мне ж заклятие это проклятое! Отдай мне девчонку, и мы в расчете.

— Забирай, как договаривались! Пойдем!

Девушка долго не могла поверить, что снова свободна. Она, похоже, уже свыклась с тяжкой юдолью рабыни и, скорее всего, наложницы.

И вот неожиданное спасение. Всю дорогу она рыдала и благодарила киммерийца. И так этим его достала, что у него даже мелькнула шальная мысль проверить и эту сторону заклятия тоже, но он все-таки решил этого не делать. Незачем искушать судьбу, да и колдун, еще гляди, расстроится...

Собственно, Корвус нешибко обрадовался явлению варвара с девушкой в ночи. Он был хмурый и заспанный. Пустив бывшую рабыню в дом, аквилонец загородил проход двинувшемуся следом Конану.

— А вы, милостивый государь, идите! Рубин ищите. Видеть вас без него не желаю!

С этими словами он ушел, а слуга споровисто захлопнул дверь, едва не заехав слегка оторопевшему киммерийцу по носу.

* * *

Для Конана наступили трудные времена. Целыми днями он бродил по Астгалуну, злой, как сотня демонов, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку, хоть маленький след, чтобы выяснить судьбу потерянного камня. Он терся на рынках, пугая торговцев сурово-мрачной рожей.

Болтался в гавани. Дважды сходился там в рукоиашной с ершистыми грузчиками и один раз с пьяными корсарами с Барахских островов. По несколько раз посетил каждое из многочисленных питейных заведений. Бил морду двум трактирщикам — бедняги осмелились выразить неудовольствие слишком частыми визитами варвара... И все без толку. Никаких, даже малейших, намеков или слухов. Проклятый рубин словно растворился в воздухе! Исчез, как его и не было.

Каждый вечер Конан заходил к аквилонцу, но и колдун терялся в догадках. Но заклятие снять отказывался, как варвар его и не упрашивал.

Так прошло десять мучительных дней. Проклятое целомудрие совершенно измучило киммерийца. Лишенный привычного рациона и удовольствий, он похудел и осунулся. Что не удивительно, ведь питаться приходилось капустой, репой и другими бананами, запивая все это простой водичкой.

Даже молоко желудок принимал с трудом. Несколько раз варвар пытался хлебнуть вина, а потом долго мучился животом. Это он-то, никогда ничем не болевший! А уж о женщинах, даже думать было больно...

На одиннадцатый день Конан, все больше и больше напоминавший злобного духа, чем самого себя, бесцельно бродил по городу. Прохожие расступались перед ним и старались не смотреть в глаза.

Уже ближе к вечеру киммериец увидел маленький храм Бела и решил зайти. В конце кон-

цов, от Крома помочи ждать не приходится, да и в друг жрецы покровителя воров чего-нибудь да слышали.

Внутри храм был на удивление аскетичен: грубый каменный алтарь, за ним статуя. Свечи вдоль стен и все. Конан повертел головой, но не увидел ни одного служителя. Тогда он несмело подошел к алтарю, для того, чтобы получше рассмотреть статую. Она изображала одноглазого старика в традиционной шемитской одежде. Киммериец громко откашлялся. В тишине звук был особенно громкий. Никто не появился. И здесь пустота, — горестно подумал варвар, — где же этот ублюдочный булыжник?

— Дурак, ты дурак! — насмешливый голос звучал прямо в голове ошеломленного Конана. — Сам даже не представляешь чего просишь... Ну да дело твоё... Вот тебе совет: чаще смотри под ноги!

Киммериец каким-то образом оказался на улице. Он попробовал вернуться, но двери храма были плотно закрыты, а на стук никто не отозвался. Варвар побрел дальше, размышляя, о том, что, похоже, он начинает сходить с ума. Уже видения начались! А что будет через месяц?

Конан и сам не заметил, как забрел в самый бедный квартал Асгалуна. Здесь, в убогих глиняных хибарах селились мелкие ремесленники, еле сводившие концы с концами, нищие и прочий сброд. Киммериец с отвращением разглядывал груды мусора и реки нечистот. Тут же, в грязи и падали играли голозадые, тощие дети. Им было

весело. Варвар увидел, как мальчик лет шести поймал огромную крысу, придушил и тут же стал рвать зубами прямо сырую, жадно чавкая и озираясь. А ведь они считают нас варварами, — Конан невесело усмехнулся.

Вдруг он заметил что-то прямо возле своих ног. Маленькая девочка, закутанная в непонятную рванину смотрела ему в глаза и протягивала какой-то грязный ком. Киммериец присел на корточки:

— Что там у тебя?

Девочка молчала.

— Это мне? — спросил варвар и попытался улыбнуться. Надо сказать получилось плохо. Глаза ребенка в ужасе расширились. Девочка сделала шаг назад, уронила то, что держала в ручонках и, со всех ног, бросилась наутек. Правда молча.

Конан посмотрел ей вслед и тяжело вздохнул.

— Ладно, — сказал он вслух, — посмотрим, что там у тебя.

Киммериец подобрал предмет. Оказалось, что это что-то тяжелое, завернутое в грязнущую мешковину. Конан развернул тряпку и застыл, не в силах даже пошевелиться. Варвар держал в руках тот самый рубин, за которым уже столько времени безуспешно охотился. Уму не постижимо, как он здесь очутился? А какое мне, собственно, дело? — спросил Конан и сам же и ответил: — Да никакого!

Он сунул камень под рубашку и, не в силах сдерживаться, побежал, нет, понесся к Корвусу Септимию Ювикусу.

Конечно, — размышлял он по дороге, — в голове плохо укладывается, что рубином, которому нет цены играют дети самых бедных обитателей этого гнусного городишки... Напьюсь, напьюсь. Ох, как напьюсь! И к бабам!

...Аквилонец сначала даже не поверил варвару, но камень лежал перед ним на столике. А это — самое убедительное доказательство.

— Ну что ж, мой любезный Конан, вы это заслужили, — важно сказал колдун, — снимаю заклятие! Вы снова вольны есть, пить и трахать что и кого захотите!

Киммериец выдохнул с огромным облегчением... Он подумывал дать колдуну мечом по голове, но решил не связываться. В конце концов, он хоть и гад, но обошелся с варварам почти по-человечески. Да и кто его знает, какие штучки могут быть у него в запасе. Не дай Кром, что похуже пресловутого целомудрия...

— Ну я, пожалуй, пойду... — сказал Конан и повернулся к двери.

— Нет, пожалуй, тебе придется остаться, — сказал Корвус очень странным голосом.

Конан удивленно уставился на него. Колдун держал перед собой рубин и смотрел куда-то в его глубины. Камень вроде бы светился и даже содрогался! Киммериец моргнул, думая, что у него опять видения с голодухи. Нет, стало даже хуже. Черты лица аквилонца стали расплыватьсь, а из под них проступила такая жуткая харя, что варвар непроизвольно отступил на пару шагов.

Корвус Септимий Ювикус, или то, что им когда-то было, с тихим всхлипом прижал (прижало?) рубин к груди.

Камень медленно начал погружаться в тело, и оно засветилось багровым светом. Конан сделал еще пару шагов назад, машинально шаря рукой в поисках рукояти меча.

Рубин полностью ушел внутрь и, кажется, там растворился. То, что стояло перед киммерийцем, уже совсем не походило на человека. Это был демон из самых ужасных кошмаров! Красное чешуйчатое тело с мощными крыльями за спиной стояло на четырех столбообразных ногах. Шесть рук с саблевидными когтями на каждом пальце, скорпионий хвост и венцом чудовищная морда, узкая и вытянутая с кучей глаз, рогов зубов и каких-то мерзких бородавок... Тварь взревела и прямо в центре груди заполыхал тот самый огромный рубин. Его свет невыносимо резал глаза. И в довершение тварь внушала просто неодолимый животный ужас. Она не принадлежала этому миру...

— Ну вот и все!!! Наконец-то я снова един! Долгие столетия моя душа томилась в человеческих телах, а тело сковывал рубин, спрятанный в древней китайской гробнице, но я ждал не напрасно! Давно умерли все, кто так надругался надо мной! Нынешние маги — жалкие черви! Им меня не остановить! Жалкие людишки! Добро пожаловать в эру полного мрака и беспросветного ужаса!!!

Конан еле справлялся с липким, как шербет, тошнотворным страхом:

— Ну, это мы еще посмотрим, тварь! Одолейка сначала киммерийца! Кром! Не оставь меня!

Киммериец с боевым кличем бросился на ужасного монстра, но тот, раскатисто хохоча, даже не защищался. Верный меч подвел варвара. Слишком крепка чешуя... Не прорубить... Что же делать?

Тварь вдруг прыгнула на растерянного варвара. Когтистая лапа сомкнулась на его горле...

— Все... Вот и смерть моя... — обреченно подумал Конан.

Сквозь красную пелену, полузадушенный киммериец видел приближающуюся оскаленную пасть монстра...

* * *

— Варвар, сколько можно спать? — сказал монстр удивительно знакомым голосом. — Дядя Эрхард тебя заждался. Третий раз меня за тобой отправляет...

Окончательно сбитый с толку Конан увидел, как чудовище потихоньку тает, отдаляется... Перед ним был Эртель собственной лохматой персоной.

— А тебя-то каким ветром в Асгалун занесло? — спросил киммериец, ожесточенно потирая горло.

— Ого! — заорал Эртель. — Вел, слышь, Вел. А наш разлюбезный варвар окончательно допился! До зеленых демонов! Ему уже и Асгалун мерещится!

— Не удивительно! Вспомни, сколько они с Эрхардом за последние три недели высосали, — голос Веллана донесся откуда-то со двора. — Они вдвое скоро все Пограничье пропьют!

— Так мы в Пограничье? — Конан все еще не мог прийти в себя.

— Ну не в Асгалуне, это точно! — съязвил Эртель. — Мы в Вольфгарде, варвар. Просыпайся, дядька тебя ждет. Без тебя ему, видите ли, не похмелиться! Давай быстрее...

Конан подошел к окну. Неяркое, но добре зимнее солнышко стояло в зените. Люди (и оборотни) занимались своими делами. А король Аквилонии морщился, потирал шею и с ужасом вспоминал казавшийся таким реальным кошмаром...

— Нет, завязываю пить с оборотнями, — сказал он и, усмехаясь, пошел вниз навстречу новой попойке...

СОДЕРЖАНИЕ

Терри Донован Долина дикарей.....	5
Ник Харрис Тайны Ирема	227
Нашествие из-за Круга	308
Арт Потар Заклятие целомудрия	379

Издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет
знаменитый цикл исторической фэнтези

«БОЯРСКАЯ СОТНЯ»

Земля мертвых
Череп епископа
Донос мертвеца
Царская дыба
Дикое поле
Люди меча
Слово шамана
Камни Юсуфа
Черный легион

Корсары Балтики
Старая крепость
Русский булат
Наследники Борджаиа
Пленники вечности
Хрустальный крест
Власть чародея
Скитальцы

издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет:

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В серии изданы:

ИХАРА САЙКАКУ
ВОЛШЕБНАЯ ЯПОНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЯПОНСКИЕ ДНЕВНИКИ
ДЗИНЬИТИРО ТАНИДЗАКИ
ЯПОНСКИЕ САМУРАЙСКИЕ СКАЗАНИЯ
ЭДОГАВА РАМПО
ЯПОНСКАЯ НОВЕЛЛА

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 20 000 названий книг самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Берtrand Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дацкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Marshак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

**ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква****

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «TK», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий»,
т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

КОНАН И ДОЛИНА ДИКАРЕЙ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составители *Наталья Борулина*

Художественный редактор *Игорь Богданов*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор пролукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кошетова, д. 93
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И СЛУГА ТУМАНА 64	КОНАН И АМК ЗВЕРИ 65	КОНАН И ОВИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРГОСА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЧЕЛЬЯ 69	КОНАН И ТАНЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ГЛАСИЛНИК МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИИН ЗИГАРЫ 74	КОНАН И ЖЕРУНОВА ПУСТЬИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКОРИН ГАРАНДИЙ 77	КОНАН И ИНФИТОВЫЙ КУЛОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАНИЦЫ МОРЕЙ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОВ 81
КОНАН И ВЛАДЫКА ЛЕСА 82	КОНАН И НАТАКА НАЕМНИКА 83	КОНАН И АРГИОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗНЕСЕНИЯ 85	КОНАН И ТРОИ ВЕЛИМИ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МСТЬ БЕЛА 88	КОНАН И КЛЯМЬ ЖЕЛАННИ 89	КОНАН И ВОЛЧЬЯ БАШНЯ 90
КОНАН И КЛЯТВА ВАРВАРА 91	КОНАН И СКИНЕР МАГА 92	КОНАН И ЗОЛОТЫЙ ПАНТЕРА 93	КОНАН И ЛАВЕНДА ДЕМУРИН 94	КОНАН И ФРОСТЬ ТИТАНОВ 95	КОНАН И ТАИНСКАЯ ПСКОВ 96	КОНАН И РАВ ТАЛАНТА 97	КОНАН И ПОХОД ОБРЕЧЕННЫХ 98	КОНАН И ЧАРЫ КОДУДНЫЙ 99
КОНАН ГЕРОИ ХАЙБОРНИ 100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОДАНИЕ 101	КОНАН И МАЛОКОДЫ РОКА 102	КОНАН И ПЛАТОДА СТИА 103	КОНАН И РИТУАЛ ЛУНЫ 104	КОНАН И АЛЫ СТИТИИ 105	КОНАН И ТЕННИЙ СХОДНИК 106	КОНАН И КАМЫКИ АСУРЫ 107	КОНАН И СУД ВОЛННИ 108
КОНАН И ЦИД ВЕНДАН 109	КОНАН И ЛИКИ АЛЕРОНА 110	КОНАН И ПОКРЫВАЮЩИЙ ОСТРОВ 111	КОНАН И АЛМОНЫ СТЕПЕЙ 112	КОНАН И ЧАРОДАЙ ЮГА 113	КОНАН И УЛИЧНИКИ КАМНИ 114	КОНАН И КРАСНОЕ ВЛАСТВО 115	КОНАН И ГАЗ ПАУКА 116	КОНАН И ЕГЕЙ СВОБОДЫ 117
КОНАН И ФОНТАН ЖИЗНИ 118	КОНАН И РЕКА ЗАБЫТИЯ 119	КОНАН И ДОЛНИЦА ДИКАРИЙ 120						

ISBN 5-17-034093-1

9 785170 340934